

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 25. № 2

Volume 25. No.2

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2026

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LOGOS ET PRAXIS

2026
Том 25. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LOGOS ET PRAXIS

2026
Volume 25. No. 2

LOGOS ET PRAXIS

2026. Vol. 25. No. 2

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” Scientific Electronic Library (Russia), “**Socionet**” Information Resources (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *D.R. Yavorskiy* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Prof. *I.V. Vasilenko* (Volgograd)

Cand. Sc., Assoc. Prof. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)

Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc., Prof. *N.V. Gorshkova* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.G. Guschina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *O.E. Dushin* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *S.S. Neretina* (Moscow); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova*,
U.V. Naumova, *Yu.A. Nikitina*

Editors of English texts: *E.A. Eltanskaya*, *D.A. Novak*
Making up and technical editing by *Yu.A. Nikitina*

Passed for printing on July 1, 2026.

Date of publication: Oct. 20, 2026.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 15.2. Published pages 16.3.

Number of copies 500 (1st printing 1–29 copies).

Order 78. «C» 21.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House
of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2026. Т. 25. № 2

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по
надзору в сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций (свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-69699 от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых науч-
ных изданий, в которых должны быть опублико-
ваны основные научные результаты диссертаций на
соискание ученой степени кандидата наук, на соис-
кание ученой степени доктора наук», вступивший в
силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса науч-
ного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и меж-
дународные базы данных: **Google Scholar** (США),
Journalindex.net (США), **MIAR** (Испания), **OCLC**
WorldCat® (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™**
Global Serials Directory (США), **Научная электронная**
библиотека «КиберЛенинка» (Россия), **Соционет** (Рос-
сия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: jvolsu7@gmail.com
Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. версия сайта журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. **С.Б. Токарева** – главный
редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. **Е.Н. Васильева** – зам. главного
редактора (г. Волгоград)
д-р филос. наук, доц. **Д.Р. Яворский** – зам. главного
редактора (г. Волгоград)
д-р социол. наук, проф. **И.В. Василенко** (г. Волгоград)
канд. социол. наук, доц. **М.Б. Полтавская** (г. Волгоград)
канд. филос. наук **Т.С. Горина** – ответственный и
технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филос. наук, проф. **Л.В. Баева** (г. Астрахань); д-
р экон. наук., проф. **Н.В. Горшкова** (г. Волгоград); д-
р экон. наук., доц. **Е.Г. Гущина** (г. Волгоград); д-р
социол. наук, проф. **Н.В. Дулина** (г. Волгоград); д-р
филос. наук, проф. **О.Э. Душин** (г. Санкт-Петербург);
д-р филос. наук, проф. **С.С. Неретина** (г. Москва);
д-р социол. наук, доц. **О.В. Сергеева** (г. Санкт-
Петербург); д-р филос. наук, проф. **А.Л. Стризов**
(г. Волгоград); д-р филос. наук, проф. **В.Б. Устьянцев** (г. Саратов)

Редакторы, корректоры: **Н.М. Вишнякова**,
У.В. Наумова, **Ю.А. Никитина**

Редакторы английских текстов: **Е.А. Елтанская**,
Д.А. Новак

Верстка и техническое редактирование **Ю.А. Никитиной**

Подписано в печать 01.07.2026 г.

Дата выхода в свет: 20.10.2026 г.

Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 15,2. Уч.-изд. л. 16,3.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–29 экз.).

Заказ 78. «С» 21.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного
университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Кириякин А.В.* Достоевский и Ницше:
Бог в абсурдном мире или мир абсурда без Бога 5
- Маслова А.В.* Три мифологемы
Великой Отечественной войны
как инварианты российского самосознания 16
- Хаялеева А.К.* «Диалог», которого не было,
или концептуализация «перевода»
в современном театре 27
- Тихонова С.В., Мельничук Д.В.*
Дисциплинарный статус социальной философии
в России и на Западе: различие академических логик 35
- Перов Р.С.* Интероцепция в перспективе первого лица:
стратификация режимов интероцепции,
критика привилегированного доступа
к интероцептивным состояниям
и вызов цифровой объективации 45
- Коростина Н.О.* Педагогические системы
как проекты справедливости 56
- Юнусов Д.В.* Критика постгуманизма,
трансгуманизма и обоснование признания
технологически модифицированного человека 66
- Ким Ф.С.* Г.-К. Кальтенбруннер
о «Мистической антропологии» Й. Гёрреса 74

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- Василенко И.В., Богатов О.В.*
Качество труда в оценках студенческой молодежи,
совмещающей учебу и работу 81
- Васильева Е.Н., Филина М.Л.*
К вопросу о формировании брачных
и репродуктивных установок:
по результатам опроса студенческой молодежи 91
- Ткаченко О.В., Мусеве О.*
Качество жизни пожилых людей в России и Кении:
сравнительный анализ 104
- Петрянкина М.М.* Взаимодействие людей
старшего возраста с цифровыми технологиями
в городском общественном транспорте:
обзор научной литературы 113
- Юдина Т.Н., Демидов А.В.*
Индикаторы оценки уровня
устойчивого развития средних городов
Центральной России
(на примере городов
Московской и Тульской областей) 122

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Мирошникова Е.М., Сгибнева О.И.*
К вопросу о методологии исследований религии 140
- Данакари Л.Р., Данакари Р.А.* Интуиция и механизмы
ее познания в контексте современной кибернетики
и теории сложных систем 151

CONTENTS

PHILOSOPHY

- Kiryakin A.V.* Dostoyevsky and Nietzsche: God
in an Absurd World or a World of Absurdity Without God ... 5
- Maslova A.V.* Three Mythologemes
of the Great Patriotic War
as Invariants of Russian Identity 16
- Khayaleeva A.K.* “Dialogue” That Never Happened
or the Conceptualization of “Translation”
in Contemporary Theatre 27
- Tikhonova S.V., Melnichuk D.V.*
The Disciplinary Status of Social Philosophy
in Russia and the West: Different Academic Logics 35
- Perov R.S.* Interoception from the First-Person Perspective:
Stratification of Interoceptive Modes,
Critique of Privileged Access
to Interoceptive States,
and the Challenge of Digital Objectification 45
- Korostina N.O.* Pedagogical Systems
as Projects of Justice 56
- Iunusov D.V.* Criticism of Posthumanism,
Transhumanism, and Justification
for Recognizing Technologically Modified Humans 66
- Kim F.S.* G.-K. Kaltenbrunner
on J. Görres’s “Mystical Anthropology” 74

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGY

- Vasilenko I.V., Bogatov O.V.*
Work Quality in Evaluations of Students,
Combining Study and Work 81
- Vasilieva E.N., Filina M.L.*
On the Formation of Marital
and Reproductive Attitudes:
Based on the Results of a Survey of Students 91
- Tkachenko O.V., Museve A.*
The Quality of Life for the Elderly in Russia and Kenya:
A Comparative Analysis 104
- Petryankina M.M.* Interaction of Older People
with Digital Technologies
in Urban Public Transport:
A Review of Scientific Literature 113
- Yudina T.N., Demidov A.V.*
Indicators for Assessing the Level
of Sustainable Development
of Medium-Sized Cities in Central Russia
(A Case Study of Cities
in the Moscow and Tula Regions) 122

ACADEMIC DISCUSSIONS

- Miroshnikova E.M., Sgibneva O.I.*
About the Methodology on Religious Studies 140
- Danakari L.R., Danakari R.A.* Intuition and Mechanisms
of Its Knowledge in the Context of Modern Cybernetics
and the Theory of Complex Systems 151

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.1>

UDC 141.32

LBC 87.3

Submitted: 15.03.2026

Accepted: 29.05.2026

DOSTOYEVSKY AND NIETZSCHE: GOD IN AN ABSURD WORLD OR A WORLD OF ABSURDITY WITHOUT GOD

Alexander V. Kiryakin

Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation

Abstract. The article explores the philosophical views of F.M. Dostoyevsky and Friedrich Nietzsche. It is examined how absurd the world is in which there is no God, as shown by Dostoyevsky and Nietzsche. The origins of Nietzsche's views on the death of God and his criticism of Christianity are traced. Nietzsche's criticism of Christianity is similar to criticism of L.N. Tolstoy. Nietzsche accepts the experience of the life of Christ, but Tolstoy does not accept Christianity. The good news did not influence his thinking regarding Christ as the figure who connects the transcendental God with humanity. There is a similarity between Nietzsche's and Dostoyevsky's views and a connection between Nietzsche's Übermensch and Dostoyevsky's Man-God. the philosophy of Dostoyevsky is contained in his novels, so it is extremely important to establish which of the heroes expresses his views and whether they have integrity. It is alleged that the views of Dostoyevsky on the existence of God in the world are expressed by such heroes as Kirillov, Shatov, Ivan Karamazov, and others. Each of the heroes passes his Golgotha – successfully or not. For Dostoyevsky, it is important to show the temptation of his heroes, in particular, in the novel “Demons” by Shatov; to successfully pass the temptation, there is no Kirillov, and this is the essence of his fall. It is proposed to interpret the philosophy of Dostoyevsky through Nietzsche's philosophy and consider their views on the existence of God in the world. It is argued that Nietzsche's philosophy should be considered in Christian discourse, although the German philosopher could not take the last step towards God. In conclusion, it is argued that Dostoyevsky's life was a complex and painful spiritual quest that never ceased in any of his great novels, while for Nietzsche, it ended with a curse against Christianity. Nietzsche found the truth of the prophet Zarathustra and proclaimed the world of the Absurd, but this truth drove him mad.

Key words: F.M. Dostoyevsky, F. Nietzsche, death of God, Übermensch, Man-God, philosophy of the absurd.

Citation. Kiryakin A. V. Dostoyevsky and Nietzsche: God in an Absurd World or a World of Absurdity Without God. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 5-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.1>

УДК 141.32

ББК 87.3

Дата поступления статьи: 15.03.2026

Дата принятия статьи: 29.05.2026

ДОСТОЕВСКИЙ И НИЦШЕ: БОГ В АБСУРДНОМ МИРЕ ИЛИ МИР АБСУРДА БЕЗ БОГА

Александр Викторович Кирякин

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются философские взгляды Ф.М. Достоевского и Фридриха Ницше. Рассматривается, насколько абсурден мир, в котором нет Бога, и как это показано Достоевским и Ницше. Прослеживаются истоки воззрений Ницше на смерть Бога и критики им христианства. Ницшеанская критика

христианства схожа с критикой Л.Н. Толстого. Ницше принимает опыт жизни Христа, но по-толстовски не принимает христианство. Благая весть не затронула его ум в том смысле, что Христос и есть та фигура, которая соединила трансцендентного Бога с человечеством. Прослеживается близость взглядов Ницше и Достоевского, связь между ницшеанским сверхчеловеком и человекобогом Достоевского. Философия Достоевского содержится в его романах, поэтому крайне важным является установление, кто из героев выражает его взгляды и обладают ли они целостностью. Утверждается, что взгляды Достоевского на бытие Бога в мире выражают такие герои, как Кириллов, Шатов, Иван Карамазов и другие. Каждый из героев проходит свою Голгофу – успешно или нет. Для Достоевского важно показать искушение своих героев, в частности, в романе «Бесы» Шатов успешно проходит искушение, Кириллов – нет, и в этом суть его падения. Предлагается интерпретировать философию Достоевского через философию Ницше и рассмотреть их взгляды на бытие Бога в мире. Утверждается, что философию Ницше следует рассматривать в христианском дискурсе, хоть немецкий философ и не смог сделать последний шаг к Богу. В заключении утверждается, что жизнь Достоевского – сложный и мучительный духовный поиск, не прекращающийся ни в одном из великих романов, тогда как для Ницше все заканчивается проклятием христианству. Ницше обрел истину пророка Заратустры, провозгласил мир Абсурда, но эта истина свела его с ума.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Ф. Ницше, смерть Бога, сверхчеловек, человекобог, абсурдизм.

Цитирование. Кирякин А. В. Достоевский и Ницше: Бог в абсурдном мире или мир абсурда без Бога // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 5–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.1>

Вместо введения.

Человекобог: опыт Ф.М. Достоевского

Алексей Нилыч Кириллов появляется на страницах романа «Бесы» достаточно поздно; некоторые литературоведы пишут, что его прототипом был один из членов кружка петрашевцев К.И. Тимковский (так считал литературовед Л.П. Гроссман) [Степанян 2009, 331]. Однако наивный и некритический фурийизм К.И. Тимковского столь же далек от взглядов Кириллова, сколь разнятся и их внешние черты. Ф.М. Достоевскому недоставало еще одного героя, в чьи уста он мог бы вложить «идеи Кириллова», несмотря на то что и фабула романа, и основные персонажи к тому времени были уже открыты. Следует обратить внимание и на то, что гражданские специальности автора (Достоевского) и персонажа (Кириллова) совпадают. Какие же идеи нужно было высказать автору через инженера Кириллова и почему эти же идеи не могли быть высказаны другими персонажами?

Отделение идей Достоевского от идей его персонажей, которое проводит М.М. Бахтин (так, в частности, по Бахтину: «Достоевский умел именно изображать чужую идею» и далее «как художник, Достоевский не создавал своих идей, а лишь слышал и интерпретировал чужие, внося их в уста своих персонажей» [Бахтин 2016, 125, 133]), не совсем верно. Первым из современников, кто выявил отождествление идеи персонажа и идеи авто-

ра у Достоевского, был Фридрих Ницше, назвавший того психологом, разгадавшим Христа [Ницше 2006, 372]. Но только разгадал Христа Достоевский, или разгадывали Христа его персонажи – Кириллов, Николай Всеволодович Ставрогин (*σταυρός*), Зосима, Алеша, быть может, Иван Карамазов или кто-нибудь из других героев произведений Достоевского?

Каждый из центральных героев романа «Бесы» имеет свой крест и свое искушение. В литературной критике устоялось представление, что прототипом либерала Степана Трофимовича Верховенского послужил известный либеральный историк западник Тимофей Николаевич Грановский, хотя образ этот во многом и собирательный ввиду того, что Достоевский превратно понимал образ и роль для российского общества Т.Н. Грановского и был всегда склонен изображать российских либералов XIX в. карикатурно, как и их взгляды. Достаточно для этого вникнуть в сами эти образы, в навешиваемые на них ярлыки по типу смердяковщины, или в определение их в образованные скитальцы по русской земле, оторванные от народа, в полемике с А.Д. Градовским.

По Достоевскому, крест «либерала» С.Т. Верховенского в том, что он являет собой образ бастарда европейского либерализма, по какому-то недоразумению помещенного в русское общество. Ему в нем неуютно, но ему также неуютно и в Европе. Искуше-

ние либерала-западника состоит в типичной среде помещичьей России, уродливый образ которой был гениально показан Н.В. Гоголем. Итог искушения – проигранный в карты и сданный в рекруты С.Т. Верховенским крепостной Федька Каторжный. Неслучайно так неубедителен призыв С.Т. Верховенского к правде ближе к концу романа, эта правда не может никого убедить, как не может быть убедителен для Достоевского либерализм крепостного русского помещика.

Однако либерализм Т.Н. Грановского убеждал и убедил целое поколение мыслящих русских людей, будучи «для русского общества в течение почти двух десятилетий символом науки, университетского образования и живой духовности». В образе Грановского сочетались особая гуманность, вера в свободу человека, его особую роль в историческом процессе [Чижевский 2007, 170, 178]. Герой Достоевского, С.Т. Верховенский, отрицает и то и другое. В его образе мы не встретим сочувствия к людям, в его жизненной философии этика уступает место эстетике. И, преклоняясь перед искусством, он возносит его над гуманизмом, прозревая только в конце романа «Бесы».

Прототипом П.С. Верховенского, по общему мнению, являлся С.Г. Нечаев. Этот персонаж последовательно проходит через нигилистическое убеждение *Gott ist tot* и приходит к известному выводу из «Братьев Карамазовых»: значит, все дозволено. Но Достоевский продолжает эту мысль, доводя ее до экзистенциального предела: что же стоит по ту сторону смерти Бога? Достоевский отвечает и на вопрос «кто убил Бога?». По нему, Бога убил и убивает сам человек, уничтожив в себе образ Бога посредством, к примеру, убийства.

Немецкий философ Ницше убивает Бога для других, а еще одна героиня «Бесов», Матреша, убивает Бога в себе («Она мне зашептала, что бредит “ужасти”: “я дескать бога убила”»), Кириллов только констатирует мертвого Бога без погребения и абсурдность мира без Бога. Человек без Бога должен убить себя, но здесь нет ничего предрешенного. Этот абсурдный тезис как нельзя лучше показывает невозможность жизни без полноты бытия или высшей цели, которой является Бог.

Крест Ставрогина и его искушение – переход от веры в безверие, открывающийся в самом страшном грехе. И самым страшным грехом Достоевский считал изнасилование ребенка, отнятие веры в красоту истинной любви. Этот образ, увиденный им в детстве, преследовал его потом всю жизнь. Поэтому, по собственным словам писателя, «этим самым страшным преступлением я казнил Ставрогина в “Бесах”...» [Ф.М. Достоевский в забытых... 1993, 25–26]. Такой герой не может являться рупором идеалов автора. Он несет свой и только свой крест, и его грех – грех без прощения: Ставрогин кончает жизнь самоубийством.

Верующий насильственно, как московский славянофил, Шатов тоже не может являться рупором идей автора (кроме отдельных положений, о которых будет сказано ниже), тем более не может им быть и Петр Верховенский-Нечаев. Стоит констатировать то, что неслучайно в центр повествования «Бесов» вводится идея Человекобога Кириллова. Эта идея генетически близка ницшеанскому сверхчеловеку. Еще в романе «Преступление и наказание» Достоевский показывает падение сверхчеловека до «твари дрожащей». Казалось бы, на этом можно и закончить критику этой идеи, однако на страницах своих романов Достоевский в той или иной форме постоянно к ней возвращается. Это показывает нам мучительный поиск автором ответа в своей душе, на чьей же стороне он сам.

Если вернуться к фигуре Шатова, то в ней Достоевский сосредоточивает две интересные мысли: толстовское добывание Бога мужичьим трудом и представление о некоем «едином народе богоносце», которым является русский народ. Анджей Валицкий считает, что эти мысли – две версии национального мессианизма, характерного для Достоевского. Сам роман трактуется А. Валицким как одностороннее отражение мировоззрения его автора, так как был написан под влиянием дела Нечаева. Вторая сторона взглядов Достоевского – примирение России и Европы: «Блуждание вне “дома” не просто и не только несчастье; это и шанс создать новый тип “всечеловека”... который возьмет на себя “страдания мира”» [Валицкий 2013, 345]. Этим блуждающим «русским европейцам» необходимо вернуться домой [Валицкий 2013, 345–346].

Герои Достоевского не ищут Бога в разуме. Они либо, как Иммануил Кант, принимают Бога потому, что в человеке есть моральный закон, либо, как Иван Карамазов, отвергают Бога из-за того, что в мире страдают безвинные дети, либо мучительно переживают смерть Бога и вынуждены страдать от того, что обязаны первыми заявить своеволие как доказательство собственной божественной природы. Утверждение Кириллова о том, что как же человек может знать, что Бога нет, и не покончить с собой тотчас (или, как любят это интерпретировать в некоторых церковных кругах: последовательный атеист должен покончить с собой) не относится к самому Кириллову, богу поневоле [Достоевский 2007, 552–553].

И не относится оно и к другим людям. Самоубийство Кириллова – это своего рода его Голгофа, смерть за грех человеческий – убийство Бога. Цель Кириллова – спасти человечество, поэтому он обязан заявить своеволие. В конечном итоге это поможет осознать людям, что смерть Бога произошла, но, чтобы не убить себя после этого, необходимо осознать, «что сам богом стал». При осознании этой мысли «ты царь и уже не убьешь себя, а сам будешь жить в самой главной славе. Но один, тот, кто первый, должен убить себя непременно» – именно этим он докажет людям свою мысль. Несчастный бог поневоле [Достоевский 2007, 533].

В этой мысли Кириллов сам бог, как является богом каждый, кто обладает своеволием. Кириллов показывает путь, по прохождении которого даже последовательный атеист уверует в свою божественность, доказательством чему будет своеволие. Альбер Камю трактует этот тезис так: «Стать богом – значит стать свободным на этой земле, не служить никакому бессмертному существу. Это значит сделать все выводы из мучительного своеволия». Представляется верной и интерпретация Кириллова через Ницше: понимание убийства Бога через возможность реализовать на земле «ту жизнь вечную, о которой говорит евангелие» [Камю 1990, 83].

Так постулируется доказательство существования Бога через свободную волю человека, и именно ее проявляет в превратной форме Кириллов под видом логического самоубийства. Страшная свобода человека состоит в

свободной воле – таков тезис Достоевского-Кириллова задолго до Камю или Сартра. Персонаж Кириллов крайне близок автору, но не по взглядам, а по сомнению. Это «сомнение» стоит трактовать, как страшную сторону свободы, находя объяснение в евангельском сюжете моления Иисуса Христа в Гефсиманском саду, столкновении двух воль (природ) – божественной и человеческой. Как тот, кому присуща подлинно человеческая воля, Иисус обладал и сомнением в собственной божественной природе, следовательно, испытывал страх перед физиологической смертью.

В случае с Кирилловым его своеволием воспользовались мелкие дьяволята – Петр Верховенский и другие. Ф.М. Достоевский описывает самоубийство Кириллова подчеркнуто неестественно, рукой самоубийцы водит явное безумие. Слова «я все хочу и еще изругать хочу, тоном, тоном!» раскрывают перед нами истинного *автора*: мы видим иступление, сумасшествие, эти строчки не боговдохновенны. В минуту слабости, когда Кириллов уступает дьяволятам, в его душе рождается желание все изругать. Кириллов должен был быть распятым на кресте, уйти этой «позорной смертью», чтобы породить парадокс, как это было в случае с Христом [Ницше 2009, 148], но Кириллов ушел, явив собою Пифагора без пифагорейцев, измарав свое имя мнимым признанием в убийстве студента Шатова, в распространении прокламаций и в бесчинствах с Федькой Каторжным.

Есть и другая оценка этого персонажа, данная Кентерберийским архиепископом, исследователем Достоевского Роуэном Уильямсоном: такие персонажи, как Ставрогин, Смердяков, Свидригайлов и Кириллов, – отыгранные дьяволом карты, которые просто отображаются. Тот же Кириллов становится равнодушным соучастником «убийства Шатова и, стало быть, – косвенно – Марьи Шатовой и ее ребенка...» [Уильямс 2013, 9]. Здесь важно разделить состояние Кириллова до самоубийства и в момент самоубийства. Уильямсон прав во втором случае, но не прав в первом. Однако его параллель – Шатов-Кириллов – заслуживает внимательного рассмотрения.

Кириллова не заботит будущее, как не может оно заботить того, кто уже «не здесь», кто испытал те 5 или 6 секунд вечной гармо-

нии, которую невозможно променять на абсурдность земного существования человеком, не достигшим совершенства. В трактовке Р. Уильямсона это состояние вплотную приближено к ощущениям перед эпилептическим припадком (Достоевский осознанно наделяет своего персонажа собственным биографическим опытом), и оно противопоставляется прозрению Шатова, узнавшего, что у него родился ребенок [Уильямс 2013, 50]. Происходит борьба Θάνατος и Ἔρως, борьба в сердце человека, которая заканчивается смертью персонажа, его жены и ребенка. Хотя Достоевский и не показывает нам воскресение Шатова и его семьи для жизни вечной, но намекает на его духовное перерождение незадолго до смерти, а это говорит о многом.

В конечном итоге Достоевскому неприятна мысль, что после «убийства Бога» человек стремится поставить на Его место себя (это хорошо видно в письме Н.Н. Страхову времен написания и публикации романа «Бесы»). Здесь Достоевский не кается в мысли о человекобожии, но уточняет главный посыл образа Кириллова: человек один бессилен «пересоздать вновь мир разумом и опытом», все, что у него так хорошо получается – это рубить головы. Эта мысль повторяет речь С.Т. Верховенского в романе: рубить головы легче, а обладать идеей труднее.

У Степана Трофимовича была идея, но он ее сводил к эстетике, а Ф.М. Достоевский говорит о красоте, которая вбирает в себя не только красоту и гармонию мира, но и Бога. Поэтому путь С.Т. Верховенского ложен, но ложен и путь человекобога без Бога (Кириллов). В конечном итоге на неприятии страданий мира основано во многом и русское революционное движение. Н.А. Бердяев по этому поводу писал: «Достоевский угадывает что-то существенное в русском революционере. Русские революционеры, анархисты и социалисты, были бессознательными хилиастами, они ждали тысячелетнего царства» [Бердяев 2013, 242].

И не просто ждали, а деятельно приближали, каждый по-своему. Но тысячелетнее царство без Бога оказалось пустой мечтой, утопленной в крови XX века. Ложным оказался путь и В.Г. Белинского, которого Достоевский критикует на страницах упомянутого

письма за то, что тот, низвергнув Бога, не способен предложить ничего взамен [Достоевский 1986, 214–215]. Хотя тот и не предложил подлинно революционного пути, все же отвергал Бога более в чувствах, нежели в разуме, что так характерно для Ивана Карамазова. Новое не дал и Ницше, прямо признавший, что невозможно дать вместо религии столь же целительные истины [Ницше 2011, 97–98].

Антихристианизм

«Знаешь, – если б Иуда был убежден, что в лице Христа пред ним сам Иегова, – он все-таки предал бы его. Убить Бога, унижить его позорной смертью, – это, брат, не пустячок!» [Андреев 1990, 533] – говорил как-то Леонид Андреев Максиму Горькому. Но на страницах «Дневника сатаны» унижают и убивают все-таки сатану, хотя Андреев и признается, что не любит Христа и христианство. Что же, Бог поругаем не бывает? По Достоевскому да. Даже в «Легенде о Великом инквизиторе» Христос был отпущен со словами «не приходи более» [Достоевский 2012, 268].

По Ницше, Христос избирает смерть на кресте, казнь разбойника, дабы показать свободу и превосходство, над *ressentiment*, над всякой враждебностью – и это главное доказательство его учения («сколь образцова его смерть, сколь свободен, сколь выше он всякого ressentiment... Ведь Иисус, умирая, ничего иного и не мог желать, кроме как публично представить самое сильное свидетельство в пользу своего учения и этим доказать его...» [Ницше 2009, 148–149]). Иными словами, по Ницше, способ казни не унижает достоинство Христа.

Очевидно прямое влияние учения Л.Н. Толстого на позднего Ницше. Оба они отвергают официальное христианство, находя его вульгарным и лицемерным, оба отвергают и мистический опыт таинств, находя его обманом официальной Церкви. Учение об абсолютной нравственности, выражающейся в соблюдении закона любви, данного Христом, распространяется, согласно Толстому, и на друзей, и на врагов, и на дальних, и на ближних – все люди «точно такие же сыны человеческие, как и я, так же любят добро и ненавидят зло... ищут спасения и найдут его толь-

ко в учении Христа» [Толстой 2020, 197]. Только в отличие от Ницше, свою задачу Толстой видит в том, чтобы показать людям добро, показать людям истину в подлинно христианском смысле, ведь почему они совершают зло? Потому что думают, что это добро, они просто не знают истины. Так отвечает на вызов зла Толстой. В мире был только один подлинный христианин, да и того распяли на кресте – как бы вторит ему Ницше. И вслед за Толстым Ницше видит отличительный признак истинного христианина «лишь в практическом поведении, в жизни, подобной той, какую вел распятый» [Ницше 2009, 147].

Эту мысль Ницше повторяет несколько раз на страницах «Антихристианина» (это название точнее отражает суть произведения, традиционно именуемого «Антихрист»). Поразительно, что для Ницше Иисус Христос – историческая личность. Толстовская мысль – непротивление злу насилием – вот центральная идея Евангелия, как это понимает немецкий философ. Иисус Христос умирает «не ради искупления, а чтобы показать, как надо жить... Он ничему не противится, не защищает своих прав, не делает и шага ради того, чтобы предотвратить самое страшное, – более того, он еще торопит весь этот ужас... и он молит, он страдает и любит вместе с теми и в тех, кто чинит ему зло... Все евангелие содержится в словах разбойнику, сказанных на кресте. “Истинно человек этот был праведник, сын Божий”, – говорит разбойник. “Если ты это чувствуешь – отвечает спаситель, – ныне же будешь со мною в раю, будешь, как и я, сыном Божиим...”. Не противиться, не гневаться, не призывать к ответу... И злу не противиться – любить его...» [Ницше 2009, 143–144].

Если в критике христианства и Толстой и Ницше сходятся, то различаются они по сделанным из этой критики выводам. Стоит согласиться с Н.Я. Гротом в том, что идеалом Ницше не являлось поклонение порокам, преступлениям, разврату и насилию, а являлись расцвет гениальности и творчества, не стесненных «нравственными предрассудками и нормами деятельности личности». Ницше прекрасно понимал, что одно невозможно без другого. Н.Я. Грот учение Ницше свел к формуле «чем больше зла, тем больше и добра», тогда как формулой учения Толстого являет-

ся «чем меньше зла, тем больше добра» [Грот 1893, 137–139]. Взгляд Толстого был ближе к шопенгауэровскому подавлению человеческого эгоизма в целях развития в себе любви и сострадания к ближнему. Как и Артуру Шопенгауэру, Толстому не хватило понимания необходимости и такого чувства, как *со-радость* – ведь те, кто любит людей, тот и радость их любит. Эту мысль у Достоевского озвучивает старец Зосима в «Братьях Карамазовых» [Булгаков 1912, 102].

Достоевский: на пути к бессмертию

Способность человека испытывать радость и равно *со-радость* – одна из важнейших для Достоевского. Не случайно для него идея бессмертия идет бок о бок с идеей радости. Более того, как считает исследователь Достоевского И.И. Евлампиев, само «бессмертие не имеет смысла, если оно не является средством для достижения совершенства человека, а это совершенство задается идеалом человеческого развития, который в более конкретной и зримой форме и дается идеей радости, означающей достижение полноты бытия и слияние со всем бытием. Но тогда очевидно, что окончательный и высший смысл идеи радости должен быть заключен в образе Иисуса Христа, поскольку именно он является для Достоевского самым адекватным воплощением идеала человеческого развития» [Евлампиев 2012, 524].

В конечном итоге и Толстой приходит к мысли о смерти Бога. Отец Сергей из одноименного произведения, погубив по сюжету дочь купца, не способен раскаяться. В минуту уныния выход он видит в самоубийстве, другого выхода у него нет, он не может молиться, некому молиться, «Бога – не было». По мнению С.Н. Булгакова, если у Достоевского в моменты обострения религиозных чувств возникало чувство, так характерное для одного из его героев, – неприятие мира вследствие царящего в нем страдания (сложно принять на себя роль адвоката Бога), то у Толстого мир отдавался во власть дьяволу [Булгаков 1912, 96–97].

Выводом из проклятия христианству Ницше является новое учение, которое «по ту сторону добра и зла», а выводом Толстого –

правка учения официального христианства. У ницшеанского вызова христианству есть и другой источник, помимо антиклерикальных взглядов Толстого, – мир греческой трагедии и тонкое понимание древнегреческой цивилизации. Во времена учебы Ницше в среде немецких филологов популярным было исследование греческой трагедии. Ранний Ницше безусловно находился в русле этой научной традиции, из нее берет начало его первая крупная работа «Рождение трагедии из духа музыки». Ницше взял у греков многое, в том числе их витальность, особое отношение к жизни. Греки не верили в положительный для них исход в посмертном существовании, поэтому все усилия человека должны быть направлены на жизнь.

Так творили греки и олимпийских богов – по образу и подобию своему, добавляя к этому представление о том, что боги должны быть совершенны. Как об этом писал Ницше, греки видели в богах «...идеал своего собственного существа, а не его противоположность». Это позволяло людям чувствовать близость к своим богам, определенную родственность. Отсюда делался вполне закономерный вывод: греки обладали высоким мнением о себе. Напротив, христианское представление о человеке виделось Ницше полным постоянного страха перед непознаваемым божеством, которое карает и милует, то представление, в котором человек сломен, оглушен, уничтожен [Ницше 2011, 107].

Для Ницше первым и единственным христианином был сам Христос. Немецкий философ принимает опыт жизни Христа, но потолстовски не принимает христианство. Благая весть не затронула его ум в том смысле, что Христос и есть та фигура, которая соединила трансцендентного Бога с человечеством. Это есть в протестантской традиции, с которой Ницше был знаком. Согласно протестантскому толкованию, Христос соединяет человека с Богом, беря на себя грехи, человеку же остается расписаться в получении этого дара, приняв Христа как личного спасителя – исповедание верой. Сложнее дело обстоит в православной традиции, которая, в отличие от протестантизма, не лишена мистического опыта в учении о спасении, но она была незнакома Ницше.

Немецкий философ противоречит протестантской традиции, хотя очень тонко чувствует, что лишенное эгоизма добро присуще только Богу, тогда как человек творит добро с некой оглядкой на себя, на свою личную выгоду. Под выгодой можно называть достаточно много вещей, но стоит остановиться на одной – возможности оправдаться перед Богом. Другой случай понимания Ницше протестантской традиции содержится в его утверждении, что человек тем более имеет возможности творить добро ближним, чем более он сделает для себя, чтобы иметь такую возможность.

Если есть те, кто жертвует, должны быть и те, кто принимает эту жертву. Это рождает парадокс: «Поэтому люди любви и самопожертвования заинтересованы в сохранении безлюбных и неспособных на самопожертвование эгоистов, и чтобы могла существовать высшая нравственность, она должна была бы буквально требовать существования безнравственности» [Ницше 2011, 116].

Тем интереснее то, что Ницше, вещая о смерти Бога, который требовал от людей добра, отвергает человечество в «меланхолию всякого рода», признавая невозможность дать людям что-то взамен. Но что же дает эта скорбь? Возможность стать «вождем и воспитателем человечества», к чему должен стремиться только тот, кто обладает чистой совестью [Ницше 2011, 98]. И это все оригинально выводит Ницше на то, как возникает любовь к ближнему: через осознание полной нравственной непригодности и греховности себя, которая не дает уже повода презирать ближних [Ницше 2011, 108]. Грех в ницшеанском смысле унижает человеческое достоинство. Поэтому на христианский вопрос «как грех вошел в этот мир?» Ницше отвечает «благодаря заблуждениям разума» [Ницше 2011, 110].

Итак, критика христианства у Ницше звучит так, что будто бы христианство унижает человека первородным грехом, ведь церковь использует его для сведения людей к статусу рабов. Но Ницше отказывает официальному христианству и в стремлении к познанию. В это следует внести поправки. Вторая заповедь, данная Адаму, «возделывай сад Эдемский» – заповедь труда, заповедь заботы человека о земле. Человек создан Богом для сотворчества.

Но Бог дает человеку и другую заповедь – заповедь «наречения животных». Это заповедь познания, ведь имя – это познание сущности вещей. В своем первоизданном виде это учение не отвергает познание сути вещей, напротив, призывает человека к этому. И разве унижает человеческое достоинство то, что в понимании преподобного Ефрема Сирина «рай открывается разбойником, а не кем-то из праведников. Рай, закрытый праведным Адамом, после того, как он стал преступником, открыт был преступником, который победил» [Сирин 2017, 468] – это ли не лучший ответ ницшеанской философии.

Ницше называет догмат о воскресении из мертвых «некой жизнью после смерти», которая изгоняет из учения Христа «блаженство» как единственную реальность, заключенную в Евангелии. Христианство вводит понятие первородного греха, искупительной жертвы, Ницше настаивает на том, что Христос «упразднил понятие вины», христианство же ввело его обратно, чтобы унижить человеческое достоинство [Ницше 2009, 150]. Для Достоевского главным является именно догмат о воскресении, так как тот доказывает веру в бессмертие: «Уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено...» [Достоевский 2012, 73].

Чем Бог является по природе, тем становится человек по благодати, говорил преподобный Максим Исповедник. Полностью это выглядит так: «Согласно этому богословскому утверждению бытие и приснобытие были предложены природе... и стали свойствами разумных существ по природе. Значением образа является как раз то, что сотворенная сущность получила свойства бытия и приснобытия, хотя второе и не бесконечно. Все разумные существа были сотворены по образу Бога, что и принадлежит их природе. Два другие свойства, добро и премудрость, были сообщены гномическому качеству (свободе выбора) сотворенных существ, то есть их энергии. Разумные существа не наделяются этими свойствами автоматически при их создании, но обретают их через свое свободное действие. Это – составные части Боже-

ственного подобия, стяжаемые только через благодать» [Панайотис web].

Достоевский подходит близко к пониманию жертвы Христа, характерного для раннехристианской церкви: для нее смерть и воскресение Христа важнее его жизни (в частности, в посланиях апостолов нет пересказа биографии Христа, акцент смещен на безусловный факт Его воскресения). Действительно, как у Достоевского «если Бога нет, то какой же я штабс-капитан?» – здесь следует понимать так, что человек не был бы самим собой в отсутствии Бога. Достоевский признает бытие Бога, но вопрос о посмертном существовании для него мучителен. Интерпретация Альбера Камю по поводу ответа «Достоевского Кириллову: жизнь есть ложь, и она является вечной» [Камю 1990, 86] представляется недостаточной. Камю прав в том, что тот, кто уверен в бессмертии, не убьет себя. Но человек, убив Бога и сам став богом, реализует не будущую вечную жизнь, а вечную здешнюю, как это понимает Кириллов, но есть ли в ней ложь?

Герои Достоевского в посмертии не находят ни рая, ни воскресенья. Кто-то находит баню с пауками, кто-то посмертное существование покойников в своих могилах, кто-то вечную гармонию (для этого нужно «перемениться физически или умереть»). Но пока человек жив, он находится в царстве абсурда. Достаточно сравнить: «Подобно Христу, каждый человек может быть распят и обманут – в какой-то мере это происходит с каждым» [Камю 1990, 83] и «Жизнь каждого из нас – это бесконечно повторяющаяся Голгофа, где каждый из нас – Христос» [Евлампиев 2000, 148]. Но в итоговом романе «Братья Карамазовы» мы находим сюжет воскресения мертвых... И эсхатологическую цель: воскреснуть, чтобы вновь увидеть друг друга (Алеша Карамазов).

В понимании Анджея Валицкого: «...Забота Достоевского была не о небесном спасении, а о спасении на земле. Он настаивал на возможности такого мира, в котором не будет несправедливости и насилия, а будет всемирное братство» [Валицкий 2013, 349]. Следует разделить мир, основанный на всемирном братстве – идею, которую Достоевский впитал в юности, и мучительное зрелое

размышление о телесном существовании в посмертии. Первая является для Достоевского своеобразным ориентиром, следуя которому человечество переходит в новое качество – богочеловечество. Прямо это не сказано, однако видится между строк хотя бы тем, что будущее идеальное устройство общества по Достоевскому немыслимо без Бога.

Известно также, что 1870-е гг. Достоевский испытывает сильнейшее влияние философии В.С. Соловьева, а В.С. Соловьев – сильнейшее влияние Достоевского. Важное замечание на этот счет сделал Е.Н. Трубецкой, это замечание вытекает из слов Достоевского, сказанных после совместного с Соловьевым посещения Оптиной Пустыни – что и он, и Соловьев безусловно верят в «в воскресенье реальное, буквальное, личное и в то, что оно будет на земле». Суть замечания сводится к следующему: Трубецкой убежден, что «в то время оба писателя вместе продумывали и развивали общее мирозерцание... влияние их друг на друга, понятное дело, должно было быть взаимным. Есть основания думать, что оно было определяющим не только для Соловьева, но и для Достоевского» [Трубецкой 1913, 73–74].

Мысль о телесном существовании после смерти сложна по своей сути. Она является плодом мучительных размышлений Достоевского. Тот же Кириллов «не приемлет ту форму веры в воскресение, которую своей мученической смертью попытался обосновать Христос» и пытается утвердить свою, он постулирует идею телесного существования после смерти. Достоевский понимает, сколь мало знание человека о жизни после смерти, его страшит мысль, что «там» может быть абсурдная реальность, и этот страх он дарует своим героям от «Преступления и наказания» до «Братьев Карамазовых». И.И. Евлампиев отмечает, что взгляды Кириллова на посмертие «в определенном смысле противоположны традиционным христианским воззрениям», которые видят окончательное преображение человека только после того, как смерть «уничтожит связь человека с земным миром» [Евлампиев 2000, 145].

К выводу

В заключительном романе Достоевский делает вывод: человекобог Кириллова не может прийти и спасти человечество, он не прошел искушения гордости ума – самоубийства. Интерпретация И.И. Евлампиева, «что вера Кириллова соответствует вере самого Ф.М. Достоевского» [Евлампиев 2000, 152] едва ли может дать исчерпывающее в этой области понимание взглядов Достоевского, ведь они порой кажутся взаимоисключающими. Последнее говорит о том, что взгляды Достоевского находились в постоянном становлении, представляя собой непрекращающийся духовный поиск в лабиринте сомнений и страха. Достоевский проводит своего читателя через те же сомнения, никого не оставляя равнодушным.

В конечном итоге Лев Шестов прав, что Ницше интерпретируется через Достоевского, а Достоевский через Ницше, и может быть прав в том, что несчастья сделали Достоевского и Ницше родственными духом, но он не прав в том, что оба они сходным образом бросают вызов добродетели с высоты своих страданий [Шестов 2016, 25, 183]. У Достоевского видится сложный и мучительный духовный поиск, не прекращающийся ни в одном из великих романов, тогда как для Ницше все заканчивается проклятием христианству, ему больше нечего искать, он обрел истину пророка Заратустры, вещающего ее людям, провозгласив *мир Абсурда*, но эта истина свела его с ума.

Достоевский не остановился в духовной брани, что делает одновременно сложной интерпретацию его взглядов в качестве последовательной и законченной философской системы. На настоящий момент много на этом поприще сделано Игорем Ивановичем Евлампиевым, но и его работа не дает окончательных ответов. Что касается Ницше, то его сумасшествие сделало невозможным дальнейший духовный поиск, и венцом его философии действительно видится проклятие христианству (*но никак не воля к власти в интерпретации Элизабет Ферстер-Ницше*). Ницше, как и Достоевский, находился в бе-

зусловной близости к образу Христа, но застыл в нерешительности перед дальнейшим шагом, и в его уме отразились истины вещей, как в кривом зеркале, то есть переко-

шено [Грот 1893, 148]. И это сделало интерпретацию его философии традиционно антихристианской. Но что традиционно, все же не является вечным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев 1990 – *Андреев Л.Н.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990.
- Бахтин 2016 – *Бахтин М.М.* Проблема поэтики Ф.М. Достоевского. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016.
- Бердяев 2013 – *Бердяев Н.А.* Русская идея. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2013.
- Булгаков 1912 – *Булгаков С.Н.* Человекобог и человекозверь // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 11 (112). С. 55–105.
- Валицкий 2013 – *Валицкий А.* История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: Канон + РООИ Реабилитация, 2013.
- Грот 1893 – *Грот Н.Я.* Нравственные идеалы нашего времени (Фридрих Ницше и Лев Толстой) // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 1 (16). С. 129–154.
- Достоевский 1986 – *Достоевский Ф.М.* Письма 1875–1877 // Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л.: Наука, 1986.
- Достоевский 2007 – *Достоевский Ф.М.* Бесы. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007.
- Достоевский 2012 – *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы, М.: Мартин, 2012.
- Евлампиев 2000 – *Евлампиев И.И.* История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. Ч. 1. СПб.: Алетейя, 2000.
- Евлампиев 2012 – *Евлампиев И.И.* Философия человека в творчестве Ф.М. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманит. акад., 2012.
- Камю 1990 – *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990.
- Ницше 2006 – *Ницше Ф.* Черновики и наброски 1887–1889 // Полное собрание сочинений. Т. 13. М.: Культур. Революция, 2006.
- Ницше 2009 – *Ницше Ф.* Антихрист // Полное собрание сочинений. Т. 6. М.: Культур. революция, 2009.
- Ницше 2011 – *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Полное собрание сочинений. Т. 2. М.: Культур. Революция, 2011.
- Панайотис web – *Панайотис К.* Христу Преподобный Максим Исповедник о бесконечности человека [Православие.ру. 2016]. URL: <https://pravoslavie.ru/90257.html>
- Сирин 2017 – *Ефрем Сирин, преподобный.* Творения // Толкование на четвероевангелие. М.: Сиб. Благовонница, 2017.
- Степанян 2009 – *Степанян К.А.* Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб.: Крига, 2009.
- Толстой 2020 – *Толстой Л.Н.* В чем моя вера? М.: Амрита-Русь, 2020.
- Трубецкой 1913 – *Трубецкой Е.Н.* Миросозерцание В.С. Соловьева. Т. 1. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1913.
- Уильямс 2013 – *Уильямс Р.* Достоевский: язык, вера, повествование. М.: РОССПЭН, 2013.
- Ф.М. Достоевский в забытых... 1993 – Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
- Чижевский 2007 – *Чижевский Д.И.* Гегель в России. СПб.: Наука, 2007.
- Шестов 2016 – *Шестов Л.* Достоевский и Ницше. Апофеоз беспочвенности. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016.

REFERENCES

- Andreev L.N., 1990. *Collected Works. In 6 Vols. Vol. 2.* Moscow, Khudozh. lit. Publ.
- Bakhtin M.M., 2016. *The Problem of Poetics of F.M. Dostoevsky.* Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ.

- Berdyaev N.A., 2013. *Russian Idea*. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ.
- Bulgakov S.N., 1912. Man-God and Man-Beast. *Voprosy filosofii i psikhologii*, book 11 (112), pp. 55-105.
- Valiczkiy A., 2013. *The History of Russian Thought: From Enlightenment to Marxism*. Moscow, Kanon + ROOI Reabilitaciya Publ.
- Grot N.Ya., 1893. Moral Ideals of Our Time (Friedrich Nietzsche and Leo Tolstoy). *Voprosy filosofii i psikhologii*. Book 1 (16), pp. 129-154.
- Dostoevskij F.M., 1986. Letters 1875–1877. *Complete Works, in 30 vols. Vol. 29, book 1*. Leningrad, Nauka Publ.
- Dostoevskij F.M., 2007. *The Devils*. Moscow, AST Publ., AST Moskva Publ., Hranitel Publ.
- Dostoevskij F.M., 2012. *The Brothers Karamazov*. Moscow, Martin Publ.
- Evlampiev I.I., 2000. *The History of Russian Metaphysics in the 19th – 20th Centuries. Russian Philosophy in Search of the Absolute. Part 1*. Saint Petersburg, Aletejja Publ.
- Evlampiev I.I., 2012. *The Philosophy of Man in the Work of F.M. Dostoevsky (From Early Works to “The Brothers Karamazov”)*. Saint Petersburg, Izd-vo Rus. khrist. gumanit. akad. Publ.
- Kamyu A., 1990. *Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art*. Moscow, Politizdat Publ.
- Niczsche F., 2006. Drafts and Sketches 1887–1889. *Complete Collected Works. Vol. 13*. Moscow, Kul’tur. Revoljucija Publ.
- Niczsche F., 2009. Antichrist. *Complete Collected Works. Vol. 6*. Moscow, Kul’tur. Revoljucija Publ.
- Niczsche F., 2011. Human, too Human. *Complete Collected Works. Vol. 2*. Moscow, Kul’tur. Revoljucija Publ.
- Panajotis K., 2016. To Christ the Reverend Maxim the Confessor About the Infinity of Man. *Pravoslavie.ru*. URL: <https://pravoslavie.ru/90257.html>
- Saint Ephrem the Syrian, 2017. *Creations. Interpretation on the Four Evangelia*. Moscow, Sib. Blagozovonnica Publ.
- Stepanyan K.A., 2009. *Phenomenon and Dialog in Dostoevsky Novels*. Saint Petersburg, Kriga Publ.
- Tolstoj L.N., 2020. *What Is My Faith?* Moscow, Amrita-Rus’ Publ.
- Trubeczkoj E.N., 1913. *World Lake of V.S. Solovyov. Vol. 1*. Moscow, Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova.
- Williams R., 2013. *Dostoevsky: Language, Faith, and Fiction*. Moscow, ROSSPEN Publ.
- F.M. Dostoevsky in Forgotten and Unknown Memoirs of Contemporaries*, 1993. Saint Petersburg, Andreev i synovyya Publ.
- Chizhevskij D.I., 2007. *Hegel in Russia*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Shestov L., 2016. *Dostoevsky and Nietzsche. Apotheosis of Groundlessness*. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ.

Information About the Author

Aleksandr V. Kiryakin, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University, Sovetskaya St, 106/5, Room 2, 392000 Tambov, Russian Federation, kiryakinallek@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4391-7428>

Информация об авторе

Александр Викторович Кирякин, кандидат философских наук, доцент кафедры «История и философия», Тамбовский государственный технический университет, ул. Советская, 106/5, помещение 2, 392000 г. Тамбов, Российская Федерация, kiryakinallek@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4391-7428>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.2>UDC 172.4
LBC 87.6Submitted: 11.02.2026
Accepted: 29.05.2026

THREE MYTHOLOGEMES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AS INVARIANTS OF RUSSIAN IDENTITY

Anastasiya V. Maslova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyses the role of mythologemes associated with the Great Patriotic War in the generation and transformation of the value system that forms the national consciousness. In the context of Russia's axiological confrontation with the Western world, the factor of war has become a refrain of contemporary reality. Therefore, the value attitude to the last, largest, and bloodiest war in the history of mankind is the key in choosing the future. Images and myths best preserve historical memory and its collective significance for the people, just as epics and mythology are carefully passed on from mouth to mouth, so the memory of the people's heroic deeds in the Great Patriotic War and its legendary events is no longer just a historical treasure but an archetypal marker of belonging to Russian culture. The article examines three mythologemes: the soldier-hero, the motherland, and the front letter as invariants that retain their significance in the modern conditions of Russia's axiological war with the West. The three mythological invariants of war have a unifying force that accumulates the historical consciousness of the people. Despite the objective reasons for the change in the phenomenon of the front letter, the images of the motherland and the soldier-hero retain their significance. Adapting to modern reality, they ensure the internal stability of Russian society, which is under the onslaught of information pressure and the culture of cancellation (of the Great Victory of the Soviet people) in Eastern Europe. Mythologemes are mechanisms of social memory and crucial elements of the self-awareness of the Soviet and Russian people. The article emphasises a hermeneutic approach, aiming to identify archetypal features that influence the perceptions of war as a socio-cultural phenomenon in the modern context.

Key words: Great Patriotic War, mythologemes, hero, soldier, motherland, front letter.

Citation. Maslova A.V. Three Mythologemes of the Great Patriotic War as Invariants of Russian Identity. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 16-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.2>

УДК 172.4
ББК 87.6Дата поступления статьи: 11.02.2026
Дата принятия статьи: 29.05.2026

ТРИ МИФОЛОГЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИНВАРИАНТЫ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Анастасия Владиленовна Маслова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется роль мифологем, связанных с Великой Отечественной войной, в генерации и трансформации системы ценностей, формирующей национальное самосознание. В контексте аксиологического противостояния России с западным миром фактор войны стал рефреном современной действительности. Поэтому определение ценностного отношения к последней самой масштабной и кровопролитной в истории человечества войне является ключевым в выборе будущего человечества. Образы и мифы лучше всего сохраняют историческую память, ее коллективную значимость для народа, подобно тому, как эпос, мифология бережно передаются из уст в уста, так и память о подвиге народа, совершенном в Великую Отечественную войну, ее легендарных событиях, является уже не просто историческим достоянием, но архетипическим маркером принадлежности к русской культуре. В статье рассматриваются три мифологемы: солдат-герой, Родина-мать и фронтовое письмо как инварианты, сохраняющие свою значимость в современных условиях аксиологического противостояния России и Запада. Три мифологических инвариан-

та, связанных с войной, имеют объединяющую силу, аккумулирующую историческое сознание народа. Несмотря на объективные причины изменения феномена фронтового письма, образ Родины-матери и солдата-героя сохраняют свою значимость. Адаптируясь к современной реальности, они обеспечивают внутреннюю устойчивость российского общества, находящегося под натиском информационного давления и культуры отмены (Великой Победы советского народа) в Восточной Европе. Мифологемы являются механизмами социальной памяти и важнейшим элементом самосознания советского и русского народа в целом. В статье делается акцент на герменевтический подход, позволяющий выявить архетипические черты, которые влияют на восприятие войны как социокультурного феномена в современном контексте.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мифологема, герой, солдат, Родина-мать, фронтовое письмо.

Цитирование. Маслова А. В. Три мифологемы Великой Отечественной войны как инварианты российского самосознания // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 16–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.2>

Введение

На протяжении истории человечество бережно хранит достояние каждого народа, каждого племени и каждого топоса, где обитал человек. «Путь героя» как инвариант для всех эпических произведений отсылает нас к тому периоду, который мы обычно именуем мифологическим, или образно-символическим, противопоставляя рациональному или дискурсивному. Однако мифотворчество имеет место в современном социальном пространстве смыслов, через создание мифа происходит закрепление исторического, идеологического, поведенческого паттерна в социальной памяти. В этом смысле миф имеет двухуровневую структуру: уровень глобальный и конъюнктурный [Иванов 2012; 2019, 81]. В статье три предложенные мифологемы относятся к глобальному мифу, придавая историческим событиям духовный смысл. Неисчерпаемая сила этих образов сохраняется в современных условиях военных событий на Украине и придает непрерывность поколенческой памяти, наполняя ценностным содержанием события сегодняшнего дня.

Как и память человека, устроенная по принципу ассоциативных связей, так и историческая память не лишена ассоциаций и приписывания дополнительных смыслов тому или иному событию. Память также эмоциональна, поэтому на уровне онтогенеза могут возникать ложные воспоминания, в событийности которых сам человек может быть полностью уверен [Разеев 2015]. Немалую роль в существовании такой иллюзии играют когнитивные искажения, которые проявляются как на уровне индивида, так и на уровне коллек-

тива. Этими искажениями манипулирует «символическая политика», используя прошлое в целях создания влиятельных образов и смыслов [Сенявская 1999]. Как правило, во время войны властью для мобилизации масс используется объединяющая сила мифов, тем самым происходит перманентная актуализация мифологических образов в жизни социума [Белозёров 2012, 108].

В статье анализируется мифология Великой Отечественной войны как необходимая составляющая в формировании российской идентичности. Объектом данной статьи является мифологический образ, распадающийся на три мифологемы, формирующие национальное самосознание в контексте семиотического поля понятия «война». Из всего многообразия семиотических объектов мы выделили три мифологемы: солдат-герой, Родина-мать, фронтовое письмо.

Предметом статьи является преломление мифологических конструктов Великой Отечественной войны в современном информационном пространстве, обслуживающее интересы воюющих государств. Противостояние России западной политике «отмены» Великой Победы, по праву принадлежащей советскому народу, относится к поворотному моменту истории. Май 1945 г. освободил Европу от фашистского гнета, и событие Победы живет в памяти народов, вовлеченных во Вторую мировую войну. Однако сегодня мы наблюдаем как яд, в борьбе с которым было положено множество жизней, искалечено множество судеб, вновь сочится со дна исторического бессознательного. События на Украине являются следствием возрождения исторического зла,

против которого призван бороться духовно осведомленный о подлинных подвигах прошлого человек. Именно мощные мифологические образы, архетипические смысловые единицы способны мобилизовать коллективный дух.

Герменевтика мифа как суммы психологических паттернов поведения позволит в данной работе показать смысловую связанность смыслов Великой Победы с процессами искажения общечеловеческих ценностей в современном информационном пространстве. С помощью мифологем как инструмента разделения ценностей и антиценностей в контексте российского общества возможно прояснить глубину современного аксиологического противостояния с западно-европейской цивилизацией.

Семиотический ореол Великой Отечественной войны

Говоря о знаках, символах и их понимании, мы попадаем под действие определенного семиотического поля. В случае с Великой Отечественной войной, победу в которой СССР одержал 80 лет назад, влияние будет сильным, поскольку жива традиция памяти о событиях ВОВ. На основе индивидуальной памяти о войне строятся мифологические конструкции, встраиваемые в механизмы памяти будущих поколений.

Конечно, в отличие от мифов о Гильгамеше или Исиде, современная мифология войны связана с интерпретацией реальных событий, которые происходили с живыми людьми, ставшими героями конкретного этноса или, точнее сказать, российского суперэтноса (по Л.Н. Гумилеву: [Гумилев 2008, 191]). Таким образом, мифическое время сплетается с историческим, где история как последовательность событий посредством мифа обретает жизнь в индивидуальном сознании: «Не история определяет для народа его мифологию, а, напротив, – мифология историю – или, вернее, она не определяет, а сама есть судьба народа, выпавший ему с самого начала жребий» [Кассирер 2011, 18]. На уровне коллективного сознания смыслы, которыми наделяются исторические события, формируются из ткани мифов.

Имеет смысл обратиться к конкретным образам, формирующим судьбу советского

народа в контексте мифологической парадигмы (солдат-герой, Родина-мать и фронтовое письмо), и выявить их семантическую и аксиологическую значимость для российской идентичности.

Культ героя, совершившего подвиг, характерный для поствоенного периода, преломляется сквозь призму подвига всего советского народа. Индивидуальное и коллективное сливаются в единый семиотический сплав, красноречивым образом которого предстают величественные памятники солдата (памятник Неизвестному солдату в г. Ржев, Мемориал Защитникам Заполярья в годы Великой Отечественной войны «Алеша» в г. Мурманск, «Саур-Могила» в г. Донецк и другие памятники в Казахстане, Узбекистане, Молдове).

На социально-политическом уровне образ героя необходим и является неотъемлемой частью политической мифологии. «Мифологема “героя” придает смысл индивидуальному существованию “массового человека”, создавая для него некие образцы идеального поведения» [Шульга 2006, 51]. В послевоенной ситуации в СССР фигура героя обретает тотальный смысл борца с мировым злом, защитника Родины, совокупности добродетелей советского человека, носителя духовной миссии, возложенной на весь советский народ.

Отметим, что до 1940-х гг. уже сформировался культ детей-героев, который появился в 1920–1930-х гг., «когда в новых условиях мирного строительства требовалось создать новый образ советского ребенка, способного на подвиг ради социалистических идей, и продолжал существовать вплоть до 1980-х» [Барышников 2010, 130]. Очевидно, во время Великой Отечественной войны героизм имел благодатную почву для своего расцвета, усилив свою миссию в подвиге советского народа.

В символических артефактах советской культуры заложен архетипический сюжет героя, который проходит этапы своего путешествия. «Такой герой следует по пути Мысли – он открыт, бесстрашен и убежден в том, что истина, к которой он стремится, освободит нас всех» [Кемпбелл, 2021, 31]. Солдат представляет собой один из атомов, слагающих образ народа, ради которого он совершает подвиги и проходит

путь начиная с «ухода в никуда» и заканчивая возвращением домой. Именно Отечественная война дает четкий героический образ простого солдата, который до прохождения инициации (участия в боевых действиях) не обладает статусом героя. После совершения миссии (возложенной на него судьбой) и возвращения домой героизация простого солдата превращается в культовый сюжет, воспетый в произведениях искусства, особенно в кино. Такие картины, как «Баллада о солдате» (1959), «Аты-баты, шли солдаты» (1976), «Судьба человека» (1959), раскрывают этапы становления героя, словно сошедшего со страниц древнего эпоса.

Независимо от контекста фигура простого солдата, неизвестного солдата принадлежит к символической истории человечества. «Неизвестный Солдат принадлежит к темной стороне деятельности, как идущий на жертву, несущий бремя в великих огненных пустынях, он призывается как добрый дух, объединяющий не только отдельные народы изнутри, но и разные народы между собой. Он – подлинный сын Земли» [Юнгер 2023, 36]. В отличие от рабочего, который проявляет на свет новые технологии, солдат работает на хтоническом уровне, пронизывая светом своей миссии пограничное поле жизни и смерти.

Еще одним из ярких и в то же время мощных по воздействию на сознание образов является образ Родины-матери. Скульптура в Волгограде «Родина-мать зовет», являясь частью мемориального комплекса на Мамаевом Кургане, созданного по проекту Е. Вучетича, – яркий пример того, что мифотворчество сохраняет свою преемственность и архетипичность. Здесь стоит отметить, что солдат, который становится кэмпбелловским героем, сражается против объективного зла (в лице фашистского режима Германии и фашизма в целом) за Родину, за мать, за семью и коллектив, который представляет советский народ. Те ценности, ради которых совершается подвиг, обретают свойство сакральности, и все, что противоречит сакральным смыслам, становится антиценностью. В этом смысле подобно древним курганам, священными становятся места масштабных битв, энергетика которых имеет сильное воздействие на душу русского человека, любого, чей род связан с событиями Великой Отечественной войны.

Происходит возвращение к Матери-Земле, божественные образы которой воспеты во всех мифологиях Древнего мира. Так, именно мифологемы Матери, Земли, Родины освещают этапы инициации героя для прохождения своего Пути.

Интересно наблюдение О. Рябова об исторической трансформации мифологемы Родины (России). Родина-мать восходит к мифопоэтическому образу Матери – сырой земли (архетипичный пример богини Матери, олицетворяющей природу и жизнь). «Вместе с тем уже заметны основные функции России-Матушки» – символизация национального (имперского) единства и мобилизация на борьбу с чужеземной агрессией» [Рябов, 2006, 35]. Еще до советского периода в символике и художественных произведениях Россия метафорически представляется в образе женщины.

Отметим в данном образе внутреннее противоречие, выражающее имплицитную бинарную оппозицию «пассивное – активное», «хранительница – воительница». С одной стороны, Родина-мать нуждается в защите, о чем красноречиво говорят картины, где изображена мать, благословляющая сына защищать Родину (род, семью, дом); с другой – монумент «Родина-мать зовет», а также знаменитый плакат И. Тоидзе с образом советской воительницы, ставший уже легендарным, демонстрируют Мать как активное начало: она призывает к защите и установлению справедливости. В этой связи интересную коннотацию приобретает христианский образ Богородицы, который, конечно, не играл явной роли в советский период (если и был значим на уровне субъекта, то тщательно скрывался), однако именно в период военного столкновения в истории России обращались к образу Богоматери как защитницы русской земли и помощнице в военной победе.

Указанное выше логическое противоречие снимается в мифе, синкретичном смысловом единстве противоположных свойств, что характерно для мифологического мышления. Миф как элемент культуры является не плодом построений рационального ума, но представляет собой «живое субъект-объектное взаимодействие, содержащее в себе свою собственную, вненаучную, чисто мифическую же истинность, достоверность и принципиальную закономерность и структуру» [Лосев 1994, 30].

Не менее значимым для раскрытия полноты мифологемы Родины-матери является духовно-философский концепт Софии, прочно вошедший в религиозно-философский дискурс в России. София, этот образ вечной женственности, согласно В.С. Соловьеву имеет две ипостаси: земную и небесную (подобно Афродите). Этот образ играет связующую роль в православной онтологии, где тварный мир обретает связанность с разумной природой логоса. В контексте русской философии София как феномен христианского мифа имеет центральное место в философских трудах Г.С. Сковороды, В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова [Кузнецова, 2016]. Таким образом, сохраняется символическая связанность с мифологемой Матери-земли, с женскими божествами.

Важнейшей составляющей героического пути советского солдата является его связь, невидимая нить в виде писем сына своей матери. Сильнейшее эмоциональное напряжение, вызванное самим существованием посланника, вестника, передающего информацию между двумя мирами, из мира, где каждое новое слово, написанное солдатом, может стать последним. Анализ фронтовых писем военно-исторического архива в г. Севастополе показал, что «почти во всех в первых строках автор сообщает о том, что он “жив-здоров”, при этом оговариваясь – “пока”» [Черепанова 2021, 91].

Это напряжение ожидания, хрупкость надежды, страх неизвестности (содержания послания) представляют связующее звено в генерации мифологемы письма в период войны. Подобно Гермесу, военная почта пребывает между двумя мирами, являясь медиумом и при этом субъектом действия.

Феномен письма становится частью мифотворчества, связанного с Великой Отечественной войной. В этом смысле письмо играет роль медиатора между бинарными оппозициями «война – мир», «явь – навь», «мужское – женское». Также фронтовое письмо является структурообразующим элементом хаоса войны, когда происходит остановка и внутреннее сосредоточение на своих чувствах, эмоциях и ощущении связанности с миром по ту сторону войны.

Знаменитое стихотворение К.М. Симона «Жди меня» раскрывает квинтэссенцию

экзистенциального переживания, заложенную в каждом фронтовом письме. Внутреннее требование ждать от своей родной матери, жены, ребенка, всех, кто находится по ту сторону военного фронта, оказывается элементом сотериологической практики солдата. Вера в то, что там, по ту сторону войны тебя кто-то ждет, является фактором воли к жизни на фронте.

Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой ¹.

Произведение «Жди меня», в котором выражен глубинный посыл надежды и связанности миров, становится концептом, мифогенным инвариантом всех фронтовых посланий.

При реконструкции исторических событий фронтовое письмо играет ключевую роль, в нем отражаются подлинные переживания конкретного солдата (героя), и такой неподдельный исторический артефакт приближает будущие поколения к истине пережитого момента. «Военные письма имеют еще колоссальную культурную ценность, поскольку являются носителем духовно-эмоциональных переживаний целого поколения огромной страны, пережившего такое страшное событие» [Варшавский 2012, с. 21–22].

В картине А.И. Локтионова «Письмо с фронта» подчеркивается экзистенциальная значимость письма как события-бытия, дающего возможность диалога с тем, кто находится по ту сторону мира (мир как место, где происходит жизнь, и мир как отсутствие войны), но имеющим связь с родным домом. Письмо связано с сакральным трепетом души, ожидающей добрую весть, но всегда оставляющей место сомнению. Письмо с фронта, подобно посланию Гермеса, содержит сообщение из инакового мира, полубожественного, поскольку фронт становится пограничным топосом между явленным миром живых и вечностью. В память о письме с фронта создан специальный сайт, где можно увидеть, как трепетно хранится письмо от сына, мужа, отца своей семь-

ей, словно святыня, каковой оно уже является в коллективной памяти ².

Мифологемы русской культуры после масштабного военного события переформатировали представление о национальном, заменив его на народное, и в этом принципиальная значимость войны как фактора формирования нового самосознания русского человека.

Трансформация ценностного восприятия трех мифологем

Поскольку мифотворчество продолжается не только внутри нашей страны, но и вне (как правило, там, где есть запрос на создание ложного образа героя, народа, страны, победившей мировое зло (фашизм)), то происходит противостояние подлинной истории и ложной неомифологии. В данном случае неомифы – это ложные, искажающие подлинную социальную память смысловые конструкции, что соответствует конъюнктурному типу мифа. В цифровую эпоху очень легко попасть под влияние неомифологии, целью которой является исказить и в итоге уничтожить памятование о подвиге советского народа. Такое мифотворчество лишь манипулирует экспрессивностью архетипических смыслов, но на самом деле стремится перекроить самосознание, настроить его против исторической памяти.

В этом идейном подрыве кроется коварная сторона мифа, поскольку одной из его задач является «маскировка социального, исторического, то есть преходящего и случайного, под природное – вечное и неизбежное» [Стрельник 2018, 82].

К сожалению, вниманием завладевает наиболее громкий, яркий, «цепляющий» мифологический конструкт. В данном случае мы говорим о мифе как об эффективном способе воздействия на сознание человека, у которого при этом имеется «мифическая потребность» [Хьюбнер 1996, 340].

Атака на символы Великой Победы происходит извне, чтобы на основании обесценивания вклада советского народа разобщить российское общество. Снос памятников, хранивших память о Великой Победе, и установка памятников фашистам в Восточной Европе десакрализируют историю и ведут к дегуманизации.

Проблема во многом состоит в том, что теряется живая связь памяти внутри отдельного рода [Алексеева, Алексеев 2018, с. 72]. Изменения в исторической памяти, как правило, приводят к изменению ведущих мифологем, влияющих на коллективное сознание и соответственно модифицируя национальное самосознание. Так, И.М. Дьяконов замечает: «...В наши времена мы нередко имеем дело с третичными мифологиями: эти мифы являются метонимически-ассоциативным оформлением доказуемо ложных положений. Таков миф об устройении царства божьего на земле, лишенного движущих антагонистических противоречий, миф о жидомасонах и другие подобные» [Дьяконов 2004, 62]. Мифы имеют свойство подчиняться идеологии, становясь отголоском первичного своего содержания, на основании чего происходит манипулирование общественным сознанием.

На уровне социального субъекта также происходят масштабные изменения. Образ советского человека является мифологемой, которая, однако, выходит за пределы семантического поля Великой Отечественной войны, но оказывается важным психологическим фактором восприятия человека в контексте истории. «Новый советский человек жил в творимом им мифе, где доведенные до предела человеческие силы перенесли эмоции, чувства, страсти, некогда открытые греками, на глобальный масштаб» [Недель, 2023, 9]. Однако такой тип человека *Homo soveticus* ограничен своей исторической и идеологической контекстуальностью.

В современную эпоху мы наблюдаем процесс создания новых мифов, призванных заменить предшествующий нарратив, а значит отменить его психологическое воздействие на сознание молодого поколения. Это делается для: «...1) воздействия на мировое общественное сознание для девальвации аксиологических смыслов Великой Победы и 2) на российское массовое сознание, направленное на разрыв нити исторической преемственности и генетической памяти народа-победителя» [Понизовкина 2018, 237].

Процесс глобализации на экономическом, политическом, аксиологическом уровнях приводит к дисгармонии и социальной диффузии, что ведет к потере ценностных ориентиров.

Цифровизация, усилившая текучесть общественных отношений, приводит к неконтролируемой генерации доступной массам информационных потоков, в которых заложен, как правило, заведомо ложный посыл. В этом, отчасти, кроется проблема идентичности, поскольку человек, который считает себя оторванным от корней, «гражданином мира», имплицитно содержит в себе культурные, национальные и цивилизационные коды и ту историю места, где проживали его предки, но не осознает ее. Навязывание ложных ориентиров, уводящих от исторических корней, ведет к поколенческому непониманию, утрате глубинного чувства и связи со своей Родиной. Для преодоления данного кризиса в России сегодня реализуется множество проектов, направленных на патриотическое воспитание молодежи, поскольку прививка чуждых ценностей приводит к той самой утрате глубинной связи с Родиной.

В общественном сознании проводится демаркация между целым народом и единичным субъектом, что ведет к атомизации, и память о Великой Отечественной войне, о Великой Победе на уровне субъекта становится его личным делом. Во многом здесь играет большую роль воспитательный компонент, который прививает ребенку чувство принадлежности к единому целому через его род. Ценностное мышление – это уважение к опыту прошлых поколений, почитание родной истории, осознанное отношение к себе как части своего рода, который, в свою очередь, есть ветвь истории народа. Именно субъект, личность становится точкой пересечения образов прошлого и новой мифологии. Формирование ценностного мышления является в данном случае приоритетной задачей в деле патриотического воспитания.

Однако герой, как архетипичный образ, восходящий к эпосу и сказкам, тем не менее сохраняет свою устойчивость в коллективном сознании. В этом смысле справедливо, что «Герой современной России – это безусловно, социальный субъект с повышенной субъектностью, выступающий контрсоциально с целью создания социальной среды повышенного уровня для окружающих и добровольно лишаящий себя всех положенных социальных благ, предусмотренных той или иной социальной сре-

дой» [Подлесная, Шевченко 2024, 48]. Несмотря на деколлективизацию образа героя, имеет место идеал героя, характерного исключительно для русского самосознания, что мы наблюдаем в тенденции возрождения сказок, создания медийных проектов, призванных посредством автохтонных, искомым образом привить чувство принадлежности русской культуре, столь богатой и вполне конкретной.

Семиотические границы мифологемы героя становятся шире, а ценностное восприятие его приобретает глубину. На семиотическом уровне герой становится СВОим. Выделение аббревиатуры специальной военной операции создает новый смысловой конструкт, который восходит к образу героя, при этом прочно связывая его с единой многонациональной страной, почвой для всех «СВОих».

Образ Родины-матери так же расширил свои смысловые границы, поскольку изменилось восприятие Родины как особого жизненного хронотопа. З. Бауман назвал современную социальную реальность «текущей современностью», когда «твердая» реальность с устойчивыми социальными ролями сменилась такими категориями времени, как гибкий график, удаленный режим работы; профессиональные навыки – мягкими навыками для успешного освоения новой профессии (которых может быть несколько); работа на «твердой» должности – фрилансом; и т. д. «Когда ненадежность становится перманентной и считается таковой, “жизнь в мире” все меньше воспринимается как связанная определенными законами и соблюдающая законы, логическая, последовательная и кумулятивная череда действий и становится больше похожа на игру, в которой мир внешний – один из игроков, и он ведет себя так же, как и все игроки, не раскрывая своих карт» [Бауман 2008, 148].

В исследовании Т.П. Рогожниковой и Ж.Б. Есмурзаевой выделяются три блока признаков понятия «Родина»: историко-географический, эмоционально-ценностный и императивный. Описанная мифологема Родины-матери, воплощенная в художественных артефактах СССР, внутренне собирает все три смысловых блока, при этом делая акцент на императивный, что ярко выражено призывом плаката И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» [Рогожникова, Есмурзаева 2010, 15].

Однако психологически понятие «Родина» сохраняется в качестве общечеловеческой ценности, инварианта личности. Для формирования идентичности Родина как ценностный коррелят является априорным условием. Однако уже нет отождествления Родины с женщиной, с матерью, которая сподвигает на свою собственную защиту героя. Изменение исторического нарратива вместе с текущей социальной реальностью привело к смещению акцента во внутреннее переживание Родины как особого экзистенциального чувства по отношению к родному дому.

Фронтовое письмо как весть из «иной» реальности, пожалуй, претерпевает наибольшие изменения в связи с технологиями, ускоряющими и упрощающими передачу информации. Кардинально изменился способ передачи информации и, как следствие, восприятие самого текстового послания. Номоскриптус, печатающий на клавиатуре или тыкающий пальцем в экран субъект, не идентичен тому, кто выражает на бумаге ручкой или карандашом содержание своей души.

Можно по-разному относиться к цифровому прогрессу, но бесспорно то, что он модифицировал феномен письма в целом и фронтового письма в частности. В связи с тотальностью возможности стать адресатом и отправителем послания его получатель лишается возможности испытать экзистенциальный трепет, который возможен лишь при взаимодействии с клочком бумаги, где неразборчиво начертаны слова умирающего солдата (или горячо любимого мужа, сына на границе жизни и смерти), когда через почерк, запах бумаги, цвет чернил и т. д. послание обретает индивидуализацию, что делает получателя сопричастным переживанию его автора. В этом смысле письмо в XX в. и в самом начале XXI в. еще сохраняло свою ценностную значимость по сравнению с коротким, но быстрым электронным сообщением. Даже в условиях современных военных конфликтов, когда психологически потребность в послании сохраняет свою экзистенциальную напряженность, при наличии социальных сетей и возможности быстрой связи письмо редуцируется к информированию. Конечно, при отсутствии возможности связи бумага, как почти архаический носитель, играет свою сакральную роль, од-

нако это, скорее, будет вынужденным исключением. Электронный текст постепенно вытесняет бумажный, и не потому, что книги стало дороже издавать, но по причине изменения восприятия, что привело к кризису длинного текста (лонгрид). Письмо как жанр, как способ передачи послания стало подлинным артефактом, который достоин музея, и здесь создается возможность для реставрации данного способа общения в качестве образовательной практики, чтобы молодое поколение не утратило способность писать от руки и в длинном тексте выразить свои чувства и эмоции, что является важнейшим критерием воспитания и развития эмоционального интеллекта.

Заключение

Мы рассмотрели три мифологических образа, пронизывающих события Великой Отечественной войны. Мифологемы солдата-героя, Родины-матери и фронтового письма – это лишь некоторые эмоционально нагруженные, ценностно-ориентированные образы. Эти три смысловые единицы отражают дух советского народа в послевоенный период и являются лакмусовой бумажкой ценностных трансформаций, которые произошли за прошедшие 80 лет с момента Великой Победы.

Сегодня, когда в странах, освобожденных от фашизма, происходит ликвидация исторической памяти, когда фрагменты искаженной реальности создают ложный образ прошлого, внутренний цензор активизирует образы героя и Родины как щиты национального сознания. В этом смысле мифологемы, с которыми резонирует родовая память человека, возрождаются в новом историческом контексте.

Герой сегодня – это герой специальной военной операции на Украине; Родина – это хронотоп родного города, села, деревни; фронтовое письмо – это память о подвигах предков. Трансляция глубинных смысловых единиц может быть прервана путем информационного насилия и пропаганды, которая искажает прошлое, заставляя воспринимать его неверно. Все три мифологемы содержат архетипические смыслы, являясь едиными для всего человечества, и если происходит искажение истории (переписывание учебников истории на Украине и в некоторых западных

странах), то ответственность за сохранение подлинной истории лежит на отдельном гражданине, предки которого принимали непосредственное участие в битве за будущее.

Такой глубокий философский подход к образам Великой Отечественной войны позволяет распаковать смысловые единицы пережитого опыта советского народа и показать уровни его символической значимости. Так, три рассмотренных нами образа играют объединяющую роль истории и мифологии, народа и индивида, памяти и сознания, прошлого и будущего. Нерасчлененность мифологическо-

го образа, его укорененность в социальной ткани делает миф инвариантом нашей реальности, требующим от нас уважения к нему как тому, что определяет наше понимание и смысловое измерение реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Симонов К.М. Стихотворения и поэмы. М.: Советский писатель, 1982. С.175.

² Солдатские письма – тоже святыня, с нами, живыми, они говорят. URL: <https://arhivosnk.ru/exhibitions/virtua/soldiers-letters.html>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева, Алексеев 2018 – *Алексеева И.Ю., Алексеев А.П.* Философия исторической памяти // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 67–76.
- Барышников 2010 – *Барышников П.Н.* Миф и метафора: лингвофилософский подход. СПб.: Алетейя, 2010.
- Бауман 2008 – *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Белозёров 2012 – *Белозёров В.К.* Отечественная война 1812 года и политическая мифология России // Вестник аналитики. 2012. № 4. С. 106–112.
- Варшавский 2012 – *Варшавский Д.И.* Мемуары, дневники и письма как исторический источник в вопросе изучения фронтового быта советских солдат в Великой Отечественной войне // Вестник МГОУ. 2012. № 4. С. 18–22.
- Гумилев 2008 – *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. М.: Айрис-пресс, 2008.
- Дьяконов 2004 – *Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Иванов 2012 – *Иванов А.Г.* Теории современной социальной мифологии // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философские науки. 2012. № 2 (412). Вып. 47. С. 18–27.
- Иванов 2019 – *Иванов А.Г.* Мифологема героя в структуре социального мифа // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 80–88.
- Кассирер 2011 – *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление. М: Акад. проект, 2011.
- Кемпбелл 2021 – *Кемпбелл Дж.* Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2021.
- Кузнецова 2016 – *Кузнецова С.В.* Мифологема Софии в контексте отечественной философии всеединства // Преподаватель XXI века. 2016. № 4, ч. 2. С. 349–357.
- Лосев 1994 – *Лосев А.Ф.* Миф – Число – Сущность. М.: Мысль. 1994.
- Недель 2023 – *Недель А.Ю.* Интимная идеология. СПб.: Алетейя, 2023.
- Подлесная, Шевченко 2024 – *Подлесная М.А., Шевченко О.К.* Фактор фронтирности в формировании образа героя в российском обществе // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 42–60.
- Понизовкина 2018 – *Понизовкина И.Ф.* Технологии мифотворчества и тема Великой Отечественной Войны в дискурсе информационно-идеологической борьбы // Право и практика. 2018. № 2. С. 236–241.
- Разеев 2015 – *Разеев Д.Н.* Ложные воспоминания и тождество личности // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 45–50.
- Рогожникова, Есмурзаева 2010 – *Рогожникова Т.П., Есмурзаева Ж.Б.* Актуализация периферийных признаков концепта Родина (на материале текстов педагогического дискурса начала XXI века) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2010. Вып. 10, № 1. С. 13–17.
- Рябов 2006 – *Рябов О.В.* «Родина-мать»: история образа // Женщина в российском обществе. 2006. № 3 (40). С. 33–46.
- Сенявская 1999 – *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Рос. полит. энцикл., 1999.

- Стрельник 2018 – *Стрельник О.Н.* Миф и мифотворчество как современное пространство коммуникативной культуры // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 81–85.
- Черепанова 2021 – *Черепанова Т.В.* Некоторые аспекты межличностной коммуникации в условиях войны (на примере фронтовых писем из Севастополя) // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4. С. 89–99.
- Шульга 2006 – *Шульга Н.С.* Современная политическая мифология // Омский научный вестник. 2006. № 2 (36). С. 49–52.
- Хьюбнер 1996 – *Хьюбнер К.* Истина мифа. М.: Республика, 1996.
- Юнгер 2023 – *Юнгер Э.* Уход в лес. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.

REFERENCES

- Alekseeva I. Yu., Alekseev A. P., 2018. Philosophy of Historical Memory. *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 67-76.
- Baryshnikov P. N., 2010. *Myth and Metaphor: A Linguophilosophical Approach*. Saint Petersburg, Aleteyya Publ.
- Bauman Z., 2008. *Liquid Modernity*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- Belozеров V. K., 2012. The Patriotic War of 1812 and the Political Mythology of Russia. *Vestnik analitiki*, no. 4, pp. 106-112.
- Varshavskij D. I., 2012. Memoirs, Diaries and Letters as a Historical Source in the Study of the Front Life of Soviet Soldiers in the Great Patriotic War. *Vestnik MGOU*, no. 4, pp. 18-22.
- Gumilev L. N., 2008. *From Rus 'to Russia*. Moscow, Ajris-press Publ.
- D'yakov I. M., 2004. *Archaic Myths of East and West*. Moscow, Editorial URSS.
- Ivanov A. G., 2012. Theories of Modern Social Mythology. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 2 (412), iss. 47, pp. 18-27.
- Ivanov A. G., 2019. Mythologeme of the Hero in the Structure of Social Myth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 441, pp. 80-88.
- Kassirer E., 2011. *Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2: Mythological Thinking*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- Kempbell Dzh., 2021. *The Thousand-Faced Hero*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- Kuznecova S. V., 2016. Mythologeme of Sophia in the Context of Russian Philosophy of Universalism. *Prepodavatel XXI veka*, no. 4, pt. 2, pp. 349-357.
- Losev A. F., 1994. *Myth – Number – Essence*. Moscow, Mysl Publ.
- Nedel A. Yu., 2023. *An Intimate Ideology*. Saint Petersburg, Aleteyya Publ.
- Podlesnaya M. A., Shevchenko O. K., 2024. The Factor of Frontierness in the Formation of the Image of the Hero in Russian Society. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, vol. 30, no. 3, pp. 42-60.
- Ponizovkina I. F., 2018. Myth-Making Technologies and the Theme of the Great Patriotic War in the Discourse of Information and Ideological Struggle. *Pravo i praktika*, no. 2, pp. 236-241.
- Razeev D. N., 2015. False Memories and the Identity of the Individual. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 45-50.
- Rogozhnikova T. P., Esmurzaeva Zh. B., 2010. Actualisation of Peripheral Signs of the Concept of Homeland (On the Material of Texts of Pedagogical Discourse of the Beginning of the 21st Century). *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika*, iss. 10, no. 1, pp. 13-17.
- Ryabov O. V., 2006. "Motherland": The History of the Image. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 3 (40), pp. 33-46.
- Senyavskaya E. S., 1999. Psychology of War in the 20th Century: Russia's Historical Experience. Moscow, Ros. polit. entsikl. Publ.
- Strelnik O. N., 2018. Myth and Myth-Making as a Modern Space of Communicative Culture. *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 81-85.
- Cherepanova T. V., 2021. Some Aspects of Interpersonal Communication in War Conditions (On the Example of Front Letters from Sevastopol). *Gumanitarnye i socialnye nauki*, no. 4, pp. 89-99.
- Shulga N. S., 2006. Modern Political Mythology. *Omskiy nauchny vestnik*, no. 2 (36), pp. 49-52.
- Khyubner K., 1996. *The Truth of Myth*. Moscow, Respublika Publ.
- Yunger E., 2023. *Going into the Forest*. Moscow, Ad Marginem Press Publ.

Information About the Author

Anastasiya V. Maslova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russian Federation, an_maslova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8827-3692>

Информация об авторе

Анастасия Владиленовна Маслова, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философских наук, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Российская Федерация, an_maslova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8827-3692>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.3>

УДК 130.2:7.01

ББК 87.6

Submitted: 15.12.2025

Accepted: 29.05.2026

“DIALOGUE” THAT NEVER HAPPENED OR THE CONCEPTUALIZATION OF “TRANSLATION” IN CONTEMPORARY THEATRE

Adelya K. Khayaleeva

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation

Abstract. The work is devoted to current issues of intercultural interaction and communication in the context of globalization, migration, and the development of intercultural contacts. The main focus is on a model of interaction that is not limited to direct dialogue but rather aims to identify and formulate the positions of each participant, as well as to delineate the boundaries between cultures. This approach emphasizes the importance of preserving cultural differences, even if it leads to ambiguity in communication. The key concept in this work is translation, understood in a culturological sense as the translation of meanings from one semiotic system to another. Following the ideas of Doris Bachmann, a medical scientist who develops the concept of translation as “border thinking,” we emphasize the potential of translation to preserve cultural differences and resist universalization. The analysis of intercultural interaction is carried out using the example of the play “Aangame/Dialogue” by the Mon Theater (Kazan), which is viewed through the prism of cross-cultural translation, the actor – network theory, and object-oriented ontology. The performance becomes a platform for the study of translation as a multilevel process that goes beyond language translation and includes the interaction of cultures, worldviews, and artistic forms. Translation serves as a way to overcome the impossibility of direct dialogue through the transition to other forms, including artistic ones. In the play, dialogue is understood not as reaching agreement but as a process of formulating questions and expressing contradictions. The paper uses the methods of actor-network theory (B. Latour), which allows us to identify in communication individual actors and point out the ongoing shifts in relationships, and the optics of object-oriented ontology (G. Harman), which highlights aesthetic attitudes. The work offers an alternative view of intercultural interaction, where translation becomes not only a communication tool but also a way to preserve cultural boundaries and express differences. The play “Aangama/Dialogue” demonstrates that dialogue may not be an attempt to reach mutual understanding but a process of expressing contradictions and searching for new forms of interaction.

Key words: intercultural interaction, dialogue, communication, border-thinking, object-oriented ontology, dialogics, actor – network theory, culture as translation.

Citation. Khayaleeva A.K. “Dialogue” That Never Happened or the Conceptualization of “Translation” in Contemporary Theatre. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 27-34. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.3>

УДК 130.2:7.01

ББК 87.6

Дата поступления статьи: 15.12.2025

Дата принятия статьи: 29.05.2026

«ДИАЛОГ», КОТОРОГО НЕ БЫЛО, ИЛИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ «ПЕРЕВОДА» В СОВРЕМЕННОМ ТЕАТРЕ

Аделя Камилевна Хаялеева

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена актуальным вопросам межкультурного взаимодействия и коммуникации в условиях глобализации, миграции и развития межкультурных контактов. Основное внимание уделяется моде-

ли взаимодействия, которая не сводится к прямому диалогу, а скорее направлена на выявление и формулирование позиций каждого участника, а также на очерчивание границ между культурами. Такой подход подчеркивает важность сохранения культурных различий, даже если это приводит к неоднозначности в коммуникации. Центральным для работы является понятие «перевод», используемое в культурологическом аспекте как перевод значений из одной семиотической системы в другую. Вслед за концепцией перевода как «мышления границами» мы указываем на потенциал перевода сохранять культурные различия в противовес тенденциям универсализации. Анализ межкультурного взаимодействия проводится на примере спектакля «Эңгәмә/Диалог» театра **Мон** (Казань), который рассматривается через призму кросс-культурного перевода, социологии перевода и объектно-ориентированной онтологии. Спектакль становится площадкой для исследования перевода как многоуровневого процесса, выходящего за рамки языкового перевода и включающего в себя взаимодействие культур, мировоззрений и художественных форм. Перевод становится способом преодоления невозможности прямого диалога через переход в другие формы, включая художественные. В спектакле диалог понимается не как достижение согласия, а как процесс формулирования вопросов и выражения противоречий. В работе использованы методы акторно-сетевой теории (Б. Латур), она позволяет выделить в коммуникации отдельных акторов и указать на происходящие смещения в их отношениях. Также мы обращаемся к объектно-ориентированной онтологии (Г. Харман), оптика которой выдвигает на первый план эстетическое отношение. Работа предлагает альтернативный взгляд на межкультурное взаимодействие, где перевод становится не только инструментом коммуникации, но и способом сохранения культурных границ и выражения различий. Спектакль «Эңгәмә / Диалог» демонстрирует, что диалог может быть не попыткой достичь взаимопонимания, а процессом выражения противоречий и поиска новых форм взаимодействия.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, диалог, коммуникация, мышление границами, объектно-ориентированная онтология, диалогика, социология перевода, культура как перевод.

Цитирование. Хаялеева А. К. «Диалог», которого не было, или концептуализация «перевода» в современном театре // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 27–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.3>

Культуролог Д. Бахманн-Медик обозначает большой культурный поворот в теории современности, в рамках которого выделяется переводческий поворот. Перевод после 1980-х гг. понимается не только как языковой феномен, но как процесс взаимодействия культур. Такой многоуровневый процесс перевода мы хотим рассмотреть на примере спектакля «Эңгәмә / Диалог». Перевод в этом спектакле, как будет показано далее, становится попыткой преодолеть невозможность прямой коммуникации и диалога через перевод в другую форму, которая зачастую (но не всегда) оказывается художественной формой. Благодаря тому смещению в отношениях, которое производит перевод, в сети отношений высвечиваются новые позиции, и разные участники коммуникации могут высказать свои позиции.

Перевод как мышление границами

Дорис Бахманн-Медик в работе «Культурные повороты» [Бахманн-Медик 2017] предлагает обратить внимание на понимание перевода как «мышления границами» или философию границ. Исследователь показывает,

что вопросы перевода, выходя за пределы сугубо языковой знаковой области, становятся пограничным феноменом. Д. Бахманн-Медик обращает внимание на межкультурные, кросс-культурные аспекты перевода; а также на возможность переводить из одного мировоззрения в другое, минуя «средние» универсализирующие термины.

Так, например, историк Дипеш Чакрабарты проблематизирует возможность включения в большую мировую историю повествования о малых культурах. Например, историю народов, для которых сущностным оказывается влияние нечеловеческих акторов, нельзя прямо перевести в термины гомогенной секулярной науки. Мало того, такие попытки рассматриваются как некоторые манипуляции, так, например, А.В. Малинов видит в попытке закрепить сакральный статус мест Горного Алтая подмену понятий экономической самостоятельности мистическими представлениями о сакральности места и народа [Малинов 2024, 73].

В том же русле, что Д. Бахманн-Медик, но генеалогически из другой традиции размышляет о пограничности перевода В. Махлин в статье «Перевод как опыт границ»

[Махлин 2015]. Акцент сделан на опытность, феноменологическое переживание другого, которые становятся первостепенными для переводчика. Перевод «другого» в «свои» термины необходим, чтобы «стать собой», отталкиваясь от «других» [Махлин 2015, 547].

Метафора «мышления границами» еще не обросла плотным теоретическим каркасом, но Дорис Бахманн-Медик указывает в качестве примера на опыт Сапатистского движения, который был проанализирован и проинтерпретирован с позиций двойного перевода и мышления границами. Авторы статьи «Двойной перевод» [Mignolo, Schiwy 2003] В. Миньоло и Ф. Шиви реконструируют процесс Сапатистского движения, оценивая взаимодействия центра и периферии, колонизатора и колонизированных не в черно-белых терминах, а в том аспекте, что Сапатистское сопротивление удержало и выразило различие между культурами, не смешивая многообразие объединенных народов, сохраняя при переводе собственное мировоззрение или космологию, передавая его через языковые формы.

В этом аспекте размышления В. Махлина о природе перевода, который всегда должен вернуться обратно, в свою культуру, в свой язык, созвучен опыту Сапатистского движения. Авторы «Double translation» всячески подчеркивают, что перевод по принципу двойного перевода производится в другие космологии и обратно. И этот обратный путь через границы культур, которые не стираются, но обретают некоторые обозримые черты и формы, оказывается обязательным пунктом, подобно тому, как хоббит Дж. Толкиена обязательно должен вернуться в Шир.

Наиболее слабое место культурологических и антропологических исследований – формирование инструментария одной социокультурной реальности для оценки другой. Мышление границами, как нам видится, позволяет, во-первых, увидеть реалистичным, феноменальным сам процесс перевода, взаимодействия; во-вторых, удержать границы культур, не впадая в крайние оценки и не пытаясь перевести все в ясный четкий язык науки или оценочных суждений.

Уровни перевода

Спектакль предлагает широкий спектр использования понятия перевода. На интерлин-

гвальный контекст перевода намекает название спектакля «Энгэмэ / Диалог», которое всегда указывается на двух языках. Двужычие, вынесенное в название – это указание на то, что вопросы перевода будут подниматься и в самом спектакле. Актеры спектакля говорят на трех языках (русском, татарском, тувинском), поэтому работа переводчика становится необходимой для каждого зрителя. Такая навязанная переведенность добавляет еще один слой смысла – избежать перевода не удастся никому.

Стоит указать, что переводчик спектакля (в данном случае – переводчица, поэтесса Йолдыз Миннуллина, единственный женский голос в данном спектакле) – это тот, кто связывает разные голоса в единое полотно повествования. Также важно указать, что перформативный характер постановки создает препятствия в возможности анализа перевода и оригинального текста, и такой анализ выходит за пределы задач автора работы. Наш анализ сосредоточивается на философско-культурологических аспектах перевода в тексте.

Другой контекст перевода используется для выражения того, что актеры не могут или не хотят выразить словами и обращаются к другим художественным формам. Это так называемый пример интерсемиотического перевода – то есть перевода в другую семиотическую неязыковую форму. Стоит оговориться, что, разумеется, разные художественные приемы в театре используются давно, например танец, песня и др. Здесь же речь идет о специфической ситуации, когда перевод в другую художественную форму не усиливает или подчеркивает исходный текст, а заменяет, в какой-то мере исключает его.

С. Сонтаг в эссе «О стиле» указывает на неделимость формы (стиля) и содержания, отмечая при этом, что нераздельность формы и содержания принимается всеми как аксиома, но на практике стиль концептуально пытаются отделить от некоего внутреннего содержания, что в принципе невозможно. В частности, как отмечает С. Сонтаг, некоторые метафоры, например стиля как занавеса (Уитмен) [Сонтаг 2004, 23], оказываются непреднамеренной или сознательной попыткой отделить видимое от невидимого. Занавес можно раскрыть или он может стать прозрачным – чего нельзя сделать с содер-

жанием. Соответственно, метафорика занавеса не работает в случае со стилем, если только мы не имеем в виду стилизацию – имитацию некоторого рода. В этом контексте, как указывает С. Сонтаг, стиль и содержание должны быть поняты обратно: стиль – и есть внутреннее качество, душа произведения, а тематика – это внешний план.

Многоуровневый перевод в спектакле «Энгэмэ / Диалог», как нам кажется, есть стиль произведения. Перевод используется не просто для того, чтобы выразить то, что невозможно выразить в языке (хотя такой посыл также считается в постановке), но перевод становится самым способом выражения, что, как подчеркивает С. Сонтаг, и есть суть художественного произведения.

Кроме того, важно указать, что перевод сегодня становится важной метафорой в контексте культурных исследований. Обозначим один из важнейших тезисов Д. Бахманн-Медик: перевод может быть как формой диалога, так и тем, что ему противится или даже исключает. Понимание перевода как процесса, который только налаживает связи, «перекидывает мосты» от автора оригинала к читателю перевода, от культуры к культуре игнорирует способность перевода выстраивать стены непонимания между участниками; делает невидимым значение перевода для истории колонизации, игнорирует насилие, которое может проявлять переводчик по отношению к предмету перевода или перевод как практику защиты от подобного насилия.

Перевод возникает в самых разных пограничных контактах и может производиться разными средствами: и классический интерлингвальный перевод, и интерсемиотический, к переводам относят и факты интерпретации культуры исследователями, и миграционные процессы – этот перечень, разумеется, не полон. Разные типы переводов не просто сосуществуют в параллельных пространствах, но и иногда вступают во взаимодействие. В спектакле «Энгэмэ / Диалог» использованы разные типы перевода, которые вступают в отношения друг с другом.

Диалог, которого не было

Обратимся подробнее к самому спектаклю «Энгэмэ / Диалог», который был постав-

лен на площадке театр Моң (г. Казань). Само название театра – неперебиваемое татарское слово, которое указывает на чувство светлой тоски, грусти, трепета при прослушивании музыкального произведения. Название задает определенную тематическую и концептуальную рамку театру: многие спектакли поднимают вопрос о невыразимом в слове, неперебиваемом личном или культурном: спектакли «Моң» (реж. Б. Павлович), «Тәржемә» (реж. А. Плотников), «Энгэмэ / Диалог» (реж. Р. Феодори), танцевальный перформанс «Дөр» Нуриевых и др.

Спектакль «Энгэмэ / Диалог» построен на сочетании танца, стендапа, песни, музыки, аудиосообщения, монолога героя. В центре этого автофикшн-спектакля – проблема взаимодействия главного героя – танцовщика Нурбека и его отца. Отец – известный деятель татарской культуры, писатель, драматург, просветитель, переводчик и толкователь Корана Рабит Батулла. Персонажем многих детских сказок Р. Батуллы [Батулла 2019] является его сын Нурбек – один из главных героев и один из авторов спектакля. Эта публичность, обнаженность личной жизни, истории главного героя в творчестве отца вызывает в нем сопротивление, что напоминает кризис, возникший у героини романа Г. Флинн [Флинн 2004] и одноименного фильма Д. Финчера «Исчезнувшая». Главная героиня романа Эми – дочь двух писателей, которые стали известны благодаря книжной героине Эми, – испытывает давление со стороны созданного образа-двойника. Нурбек переживает похожие чувства, например, в одной из сцен он рассказывает, как однажды его пригласили выступить в радиопередаче и рассказать историю из детства, пересказали саму историю и как она должна быть подана. В отличие от героини Г. Флинн, которая испытывает фрустрацию и неудовлетворенность от сравнения себя с идеальной книжной героиней, в «Энгэмэ / Диалог» Нурбек протестует против невозможности самому рассказать собственную историю, а не узнавать о ней через книги отца (опять же, через перевод в художественную форму). Попытка высказать себя как раз и реализуется через перевод в пластическую, музыкальную форму или посредством иронии.

Также Нурбек глубоко переживает факт того, что больше не способен мыслить на родном татарском языке, может только переводить на него. Герой в течение действия переходит с татарского на русский язык, что сопровождается синхронным переводом. В сцене, где герой выразительно читает рэп на татарском о потере языка, синхронный переводчик признается – «дальше не могу, ничего не понятно». Эта «неудача переводчика» как нам кажется, скорее является художественной формой отказа от перевода, нежели вызвана технической сложностью.

Еще одна форма перевода и диалога находится в музыкальной плоскости. Композитор Ислам Валеев – музыкант Malsi – герой спектакля, который находится на периферии сцены. Ислам периодически присоединяется к действию и в одном из эпизодов рассказывает о своем отце – об известном аккордеонисте Рустеме Валееве, уже ушедшем из жизни. Ислам через собственное творчество – он семплирует и миксует известную мелодию «Бик еракта идек без / Ак калфак»², сыгранную отцом, вступает во взаимодействие с творчеством отца. Невозможность прямого диалога, коммуникации компенсируется через взаимодействие в музыкальной плоскости, где различия во времени в некоторой степени оказываются сняты.

Музыкант Сугдэр Лудуп – так же, как Ислам, является теневой фигурой на сцене. Сугдэр – нам всячески подчеркивают его национальную принадлежность – тувинец, своей игрой на национальных инструментах и горловым пением добавляет к диалогу еще одно – пространственное измерение, перенося зрителя в новые неизведанные территории. Его отец, буддийский монах, потерял способность говорить, что также создает ситуацию, когда диалог напрямую невозможен³. Если художественные формы, которые демонстрируют Нурбек и Ислам, и их язык могут быть понятны русско- и татарско-язычному зрителю, то своеобразие языка и творчества Сугдэра оказывается непостижимым и в этом смысле непереводаемым.

Все трое участников находятся на сцене или ее периферии, все трое имеют близкий запрос к взаимодействию с отцами – но отказываются вступать в диалог друг с другом,

односложно отвечая на вопросы друг друга. Единственный диалог между Сугдэром и Исламом транслируется в виде текста на экране, тогда как закадровый голос каждого из них говорит на своем языке и никогда – на общем.

Актеры и объекты

Для пояснения формата взаимодействия персонажей на сцене вероятно полезно обратиться к традиции акторно-сетевой теории в версии Б. Латура, который также использует понятие перевода в контексте связей и коммуникации, чтобы показать происходящие смещения в отношениях между участниками коммуникации. Теория Б. Латура, которая в этой версии также называется социологией перевода, смещает акцент с фона, генеалогии, макропроцессов на самих участников и их взаимодействия [Латур 2017]. Так, социология перевода не пытается сформулировать концепцию взаимодействия отцов и детей, а изучает непосредственное взаимодействие конкретных актеров. Каждая из историй на сцене объединена общей тематикой, но каждая уникальна и несводима друг к другу.

Другая популярная методология исследования в социально-культурном пространстве – объектно-ориентированная онтология также полезна для анализа происходящего на сцене (и за ее пределами). Объектно-ориентированная онтология, по словам самого основателя Грэма Хармана – это теория, в которой эстетика и эстетическое становятся центром внимания [Harman 2007, 21]. В этом смысле работа Дидье Дебеа «Природа как событие» [Debeaise 2017], призванная онтологизировать эстетическое, близка по своим замыслам. Метафорическое понимание, несводимое к четким силлогизмам и выводам, характерно для спектакля, в котором заявленный диалог так и не состоится, а герои, как и их прототипы, оказываются недоступны друг для друга. Невозможность постичь чужую экзистенцию и выразить свою в диалоге, невозможность привести к общим основаниям ценности разных культур заставляют героев обратиться к переводу в другие формы, где их противоречия оказываются подсвечены иным образом, но не сняты.

Остается актуальным вопрос, является ли коммуникация (и последующее создание

сообщества в рамках этой коммуникации) единственной целью перевода? Теоретик перевода Лоуренс Венути однозначно отрицательно отвечает на этот вопрос, указывая на то, что в процесс перевода включены и этические, и политические позиции, конструирование исходной позиции и выбор из множества вариаций перевода [Venuti 2000, 485]. Перевод – не только коммуникация с другим, но и сложный процесс выстраивания иерархии, одомашнивания или отчуждения переводимого и пр. Продолжая линию рассуждения Бахманн-Медик, стоит добавить, что перевод – это также акт отказа от коммуникации, проведение границы между своим и другим. Эта пограничность перевода, которая часто представляется в снятом виде в продукте перевода, исследователями культурных явлений удерживается в несводимости ни к одному полюсу. Перевод может быть формой отказа от прямой коммуникации, попыткой не выйти на встречу другому, а выражением себя или противоречий между собой и другим.

Безусловно, в центре спектакля «Энгэмэ / Диалог» находится проблема отношений отцов и детей, но сама проблема формулируется в плоскости языка, культуры и отношений к ним. Кроме того, отношения отцов и детей отражают отношения разных культур – модерна и постмодерна, национально-традиционной и транснациональной.

В статье С.А. Либермана «Диалогика исторических форм» автор применяет модель диалогии В.С. Библера, чтобы продемонстрировать неисторический, неснятый характер отношений культур модерна и постмодерна. Автор предполагает возможность диалогического сосуществования разных исторических форм, между которыми субъект колеблется как между двумя (или тремя и более) языковыми системами [Либерман 2018]. Субъектны и сами системы, они способны развиваться, обогащаться, «переводиться» в новые формы, что подчеркивает и метафора культуры как перевода, предложенная Д. Бахманн-Медик.

Однако, как нам кажется, в таком видении стоит конкретизировать, что мы подразумеваем под термином «диалог». И главный герой – Нурбек Батулла, и его отец проникают в миры друг друга, они не изолированы. Но каждое переключение в другую культуру

и историческую форму меняет соотношения и отношения этих героев (отношения отца / сына сменяются отношениями творцов), так как перевод всегда происходит с некоторым смещением.

В контексте спектакля «Энгэмэ / Диалог» исторические культуры сосуществуют, но конструктивный диалог между ними как минимум проблематичен, а в пределе невозможен. И в такой ситуации речь идет не о поляризации культур, а взаимном признании при отсутствии прямой коммуникации, попыток постичь другого в его инобытии. Каждая из представленных культур оказывается вещью-в-себе, непостижимостью, непередаваемостью для другого. Диалог становится не попыткой ответить на поставленные вопросы, а самим формулированием этих вопросов, выражением личного и межличностного противоречия. Диалог оказывается процессом без результата и в этом смысле противостоит тотальности, данности и предлагает продолжить разговор.

Заключение

В статье центральной проблематикой оказывается процедура перевода, понятая в нескольких измерениях. В зависимости от уровня перевода мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, в рамках культурологического движения в сторону культурных поворотов мы видим, что переориентация теории в пользу частных форм отношений, коммуникаций, исследования пограничных зон культур служит тому, что культуры имеют возможность противиться тотализирующей тенденции универсальной науки. Малые культуры, будь то участники Сапатистского движения или жители горного Алтая, способны выстраивать и отстаивать собственную космологию в противовес общим тенденциям гомогенизации и секуляризации теории.

Во-вторых, феноменологическое прочтение переводческой деятельности высвечивает пограничность позиции переводчика, который оказывается «подвешенным» между оригиналом и переводом. И если ранее акцент в этой пограничности делался скорее на факте языка, то сегодня культурный и феноменологический пласт становятся не менее значимыми.

И, в-третьих, теория культурного перевода, которая использует методологию разных теорий – философских, социологических, искусствоведческих – позволяет создать логичную понятную картину отношений разных культур (источника и приемника) и вместе с тем сложное полотно связей. Такая сложность может показаться избыточной, когда вместо взаимопонимания мы обнаруживаем сложную напряженную динамику внутренних отношений участников коммуникационной переводческой сети. При всем этом, как нам кажется, эта сложность имеет свою ценность: когда каждый из участников способен в переведенной форме выразить то, что оказывается невыразимым при помощи слов, перевод делает осязаемым, видимым существующие противоречия и отказывается сводить их к привычным клише. Например, в случае героев спектакля «Энгэмэ / Диалог» отношения отцов и детей выходят на

уровень отношений творцов, а также осмысливаются сквозь призму встречи разных исторических типов на частных примерах.

Предложенный вариант межкультурного взаимодействия, использующий перевод разных уровней в диалоге, который не подразумевает взаимопонимания, но позволяет выразить различные позиции, кажется нам альтернативой межкультурного диалога, подразумевающего согласие сторон в спорных вопросах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <https://monkazan.ru/dialog>

² Текст песни «Бик еракта идек без / Ак кал-фак» в том числе раскрывает тему долгого пути героя (героев), истосковавшегося по родным.

³ В 2025 г. отец Судгера Лудупа ушел из жизни, о чем сам Судгер говорит в спектакле. Выражаем соболезнования в связи с утратой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батулла 2019 – Батулла Р. Бака-бакылдык. Казань: Юлбасма, 2019.
- Бахманн-Медик 2017 – Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. М.: НЛЮ, 2017.
- Латур 2017 – Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27, № 1 (116). С. 173–200.
- Либерман 2018 – Либерман С.А. Диалогика исторических форм. Социальная философия после постмодерна // Общество: философия, история, культура. 2018. № 7 (51). С. 15–17. DOI: 10.24158/fik.2018.7.2
- Малинов 2024 – Малинов А.В. Пространство и время в алтайской этнософии // Международный журнал исследования культуры. 2024. № 3 (56). С. 65–80.
- Махлин 2015 – Махлин В.Л. Перевод как опыт границ // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею : сб. ст. М.: Полит. энцикл., 2015. С. 544–560.
- Сонтаг 2004 – Сонтаг С. О стиле // Против интерпретации и другие эссе. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2004. С. 21–46.
- Флинн 2004 – Флинн Г. Исчезнувшая. М.: Азбука, 2004.
- Debaise 2017 – Debaise D. Nature as Event: The Lure of the Possible. Durham: Duke University Press, 2017.
- Harman 2007 – Harman G. Aesthetics as First Philosophy: Levinas and the Non-Human // Naked Punch. 2007. Vol. 9. P. 21–30.
- Mignolo, Schiwy 2003 – Mignolo W.D., Schiwy F. Transculturation and the Colonial Difference: Double Translation // Translation and Ethnography: The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding. Chicago: The University of Arizona Press. 2003. P. 12–34.
- Venuti 2000 – Venuti L. Translation, Community, Utopia // The Translation Studies Reader. N. Y.: Routledge, 2000. P. 468–488.

REFERENCES

- Batulla R., 2019. *Frog-Croak*. Kazan, Yulbasma Publ.
- Bachmann-Medick D., 2017. *Cultural Turns. New Orientations in the Study of Culture*. Moscow, NLO Publ.

- Latour B., 2017. On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus, More Than a Few Complications. *Logos*, vol. 27, no. 1 (116), pp. 173-200.
- Liberman S., 2018 Dialogics of the Historical Forms. Social Philosophy in the Post-Postmodernist Context. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, vol. 7 (51), pp. 15-17. DOI: 10.24158/fik.2018.7.2
- Malinov A., 2024. Space and Time in Altaic Ethnosophy. *Mezhdunarodny zhurnal issledovaniya kultury*, vol. 3 (56), pp. 65-80.
- Makhlin V., 2015. Translation as an Experience of Boundaries. *Toposy filosofii Natalii Avtonomovoy. Kyubileyu: sb. st.* Moscow, Polit. entsikl. Publ., pp. 544-560.
- Sontag S., 2004. O stile. *Protiv interpretatsii i drugie esse*. Moscow, Ad Marginem Press, pp. 21-46.
- Flinn G., 2004. *Ischeznuvshaya*. Moscow, Azbuka Publ.
- Debaise D., 2017. *Nature as Event: The Lure of the Possible*. Durham, Duke University Press.
- Harman G., 2007. Aesthetics as First Philosophy: Levinas and the Non-Human. *Naked Punch*, vol. 9, pp. 21-30.
- Mignolo W.D., Schiwy F., 2003. Transculturation and the Colonial Difference: Double Translation. *Translation and Ethnography: The Anthropological Challenge of Intercultural Understanding*. Chicago, The University of Arizona Press, pp. 12-34.
- Venuti L., 2000. Translation, Community, Utopia. *The Translation Studies Reader*. New York, Routledge, pp. 468-488.

Information About the Author

Adelya K. Khayaleeva, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Philosophy and Media Communication, Kazan State Power Engineering University, Krasnoselskaya St, 51, 420066 Kazan, Russian Federation, adelyakhayaleeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9077-6421>

Информация о авторе

Аделя Камилевна Хаялеева, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и медиакоммуникаций, Казанский государственный энергетический университет, ул. Красносельская, 51, 420066 г. Казань, Российская Федерация, adelyakhayaleeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9077-6421>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.4>

UDC 001.92: 316.776.4

LBC 87.6

Submitted: 13.03.2026

Accepted: 29.05.2026

THE DISCIPLINARY STATUS OF SOCIAL PHILOSOPHY IN RUSSIA AND THE WEST: DIFFERENT ACADEMIC LOGICS

Sophia V. Tikhonova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Dmitry V. Melnichuk

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article examines the disciplinary status of social philosophy in Russia and in Western academic contexts using a comparative approach. The authors treat social philosophy as an indicator of transformations in philosophical knowledge and show how different academic logics shape its institutional position, subject boundaries, and modes of scholarly legitimation. In the Russian tradition, social philosophy has developed as an autonomous philosophical discipline with a stable subject matter, a specific methodological horizon, and an extensive system of educational and academic certification. The authors trace its development in the post-Soviet period, analyze the strategy of de-ideologizing the philosophical legacy of dialectical and historical materialism, and demonstrate how reforms of the nomenclature of academic specialties contributed to clarifying and strengthening the disciplinary identity of social philosophy. In Western academic contexts, social philosophy is not institutionalized as an autonomous discipline. The authors show that social-philosophical problematics are distributed among sociology, social theory, political philosophy, and critical studies, as a result of which social philosophy functions as a distributed form of intellectual practice. An analysis of interdisciplinary competition, based on Richard Kilminster's concept of the "sociological revolution" as interpreted by Andrew Scott, reveals the connection between changes in the role of philosophy and transformations in the institutional and epistemological conditions of knowledge production in Western social theory. The article also addresses the impact of digitalization and the hybridization of scientific knowledge on the erosion of disciplinary boundaries and the reconfiguration of the academic identity of philosophy. In conclusion, the authors argue that the differences between the Russian and Western models of social philosophy reflect not a hierarchy of scholarly significance, but different strategies for adapting philosophical knowledge to the conditions of interdisciplinarity and digital society. *Funding.* This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 25-28-03014, <https://rscf.ru/project/25-28-03014/>.

Key words: social philosophy, disciplinary status, academic logics, interdisciplinarity, philosophy of social sciences, digital society, institutionalization of knowledge, social theory.

Citation. Tikhonova S.V., Melnichuk D.V. The Disciplinary Status of Social Philosophy in Russia and the West: Different Academic Logics. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 35-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.4>

УДК 001.92: 316.776.4

ББК 87.6

Дата поступления статьи: 13.03.2026

Дата принятия статьи: 29.05.2026

ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СТАТУС СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ: РАЗЛИЧИЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЛОГИК

Софья Владимировна Тихонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Дмитрий Вадимович Мельничук

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется дисциплинарный статус социальной философии в России и в западных академических контекстах на основе сравнительного подхода. Авторы рассматривают социальную философию как индикатор трансформаций философского знания и показывают, как различные академические логики формируют ее институциональное положение, предметные границы и способы научной легитимации. В российской традиции социальная философия утвердилась как самостоятельная философская дисциплина с устойчивым предметом, специфическим методологическим горизонтом и развернутой системой образовательного и аттестационного воспроизводства. Авторы прослеживают ее развитие в постперестроенный период, анализируют стратегию деидеологизации философского наследия диалектического и исторического материализма и показывают, каким образом реформы номенклатуры научных специальностей способствовали уточнению и укреплению дисциплинарной идентичности социальной философии. В западных академических контекстах социальная философия не закрепляется в виде автономной дисциплины. Авторы показывают, что социально-философскую проблематику распределяют между социологией, социальной теорией, политической философией и критическими исследованиями, в результате чего социальная философия функционирует как распределенная форма интеллектуальной практики. Анализ междисциплинарной конкуренции, основанный на концепции «социологической революции» Р. Килминстера в интерпретации А. Скотта, позволяет выявить связь между изменением роли философии и трансформацией институциональных и эпистемологических условий производства знания в западной социальной теории. Авторы также рассматривают влияние цифровизации и гибридизации научного знания на размывание дисциплинарных границ и переосмысление академической идентичности философии. В заключении сделан вывод о том, что различия между российской и западной моделями социальной философии отражают не иерархию научной значимости, а различные стратегии адаптации философского знания к условиям междисциплинарности и цифрового общества. *Благодарности.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03014, <https://rscf.ru/project/25-28-03014/>.

Ключевые слова: социальная философия, дисциплинарный статус, академические логики, междисциплинарность, философия социальных наук, цифровое общество, институционализация знания, социальная теория.

Цитирование. Тихонова С. В., Мельничук Д. В. Дисциплинарный статус социальной философии в России и на Западе: различие академических логик // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 35–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.4>

Введение

Дисциплинарный статус социальной философии – показатель не только внутреннего устройства философского знания, но и более широких академических логик, в рамках которых производится и легитимируется знание об обществе. Вопрос о том, является ли социальная философия автономной дисциплиной, междисциплинарным полем или распределенной интеллектуальной практикой, напрямую связан с исторически сложившимися моделями организации науки, образовательной политики и представлений о роли философии в системе гуманитарного знания [Момджян 2010]. В этом смысле сопоставление российской и западной традиций социальной философии позволяет выявить не столько различия тематических интересов, сколько различие организационных моделей академической рациональности.

Социальная философия по своему положению изначально находится в зоне напряжения между философским анализом предельных оснований социального и эмпирическими исследованиями социальных процессов [Кимелев, Полякова 2014]. Это делает ее особенно чувствительной к институциональным трансформациям науки. В одних национальных контекстах данная напряженность приводит к закреплению социальной философии в качестве самостоятельной философской дисциплины с четко артикулированным предметом и образовательной инфраструктурой, в других же – к рассеиванию социально-философской проблематики между социологией, социальной теорией, политической философией и культурными исследованиями. Эти различия не являются случайными, а укоренены в различных исторических траекториях формирования философии как академической отрасли знания.

Ключевым фоном для понимания этих расхождений выступает история институционализации философии в культуре печатной книги. Именно в условиях книжной культуры философия оформляется как системная форма знания [Петров 2004], ориентированная на целостные концептуальные конструкции, авторство, канонические тексты и устойчивые дисциплинарные границы. Университетская философия Нового времени складывается как рефлексивный центр знания, способный задавать метаязык для описания природы, общества и познания. Эта логика системности и иерархии дисциплин во многом определила и классическое представление о социальной философии как философском знании об обществе, отличном от эмпирических наук [Зеленков 2021].

Однако в конце XX – начале XXI в. данная модель подвергается масштабной трансформации. Усиление трансдисциплинарности, переход к проектным формам науки, изменение режимов финансирования и оценки научной продуктивности, а также цифровизация академической коммуникации приводят к размыванию традиционных институциональных границ. Дисциплины все чаще функционируют не как замкнутые структуры, а как пересекающиеся поля, объединенные временными исследовательскими задачами, платформенными инфраструктурами и сетевыми формами кооперации. В этих условиях философия утрачивает монополию на рефлексию целого и все чаще выступает как один из аналитических ресурсов в гибридном производстве знания [Павлов 2018б].

Цифровое общество радикально усиливает эту тенденцию. Производство знания все в большей степени осуществляется в распределенных средах, где тексты, данные, визуальные материалы и алгоритмические процедуры образуют единые исследовательские контуры [Пеннер 2025]. Академические поля становятся проницаемыми, а границы между философией, социальной теорией, эмпирическими исследованиями и медиасферой теряют жесткость [Гришечкина, Тихонова 2018; Артамонов, Тихонова 2020]. В результате дисциплинарная идентичность все чаще определяется не формальным статусом, а способностью артикулировать специфический тип проблематизации и сохранять методологичес-

кую целостность в условиях гибридных форм знания.

В этом контексте различие между российской и западной моделями социальной философии приобретает особую аналитическую значимость [Бакланова 2011]. Оно позволяет рассмотреть два альтернативных ответа на вызовы междисциплинарности и цифровой трансформации науки. С одной стороны, возможна стратегия сохранения философской автономии и дисциплинарной целостности как условия критической и онтологической рефлексии социального [Павлов 2018а]. С другой стороны, реализуется модель распределенной философской практики, встроенной в конкурентное и сетевое пространство социальных наук. Цель настоящей статьи заключается в анализе этих различий как проявлений разных академических логик.

Социальная философия в России

Активное развитие социальной философии в России пришлось на постперестроечное время. Несмотря на категориальную модернизацию и зачистку от понятийного аппарата догматического марксизма, она осталась предметной наследницей диалектического и исторического материализма, чья авторитетность и методологическая значимость в советский период не нуждались в специальном обосновании. Эта стратегия «деидеологизации авторитета» во многом определила как востребованность, так и массовость социальной философии в российском академическом пространстве, а также историческую укорененность ее автономии. Социальная философия как раздел философского знания удерживала дистанцию как по отношению к эмпирическим социальным наукам, так и по отношению к нормативно-идеологическим формам социального знания. Именно эта промежуточная [Сигнаевская, Стрельчук 2016], но принципиально самостоятельная позиция задает специфику российской модели социальной философии как дисциплины.

В ее рамках социальная философия последовательно утверждается как автаркичная философская дисциплина, обладающая собственным предметом, методологическим горизонтом и сложной внутренней дифференци-

ацией [Орехов 2007]. В академическом философском сообществе устойчиво отстаивается представление о недопустимости редукции социальной философии к социологии или иным эмпирическим дисциплинам. В начале XXI в. в центре дискуссий находился риск эмпирического редукционизма, который рассматривался как угроза утраты философской глубины социального анализа и его превращения в совокупность описательных процедур [Перов 2000]. Защита дисциплинарного статуса социальной философии в этом контексте понималась не как борьба за институциональные привилегии, а как сохранение специфического философского типа проблематизации социального, ориентированного на анализ оснований, форм и пределов социального бытия. Тем не менее попытки свести социальную философию к «философии социальных наук» достаточно устойчивы [Кукарников 2016].

Существенным элементом российской модели является институциональная закреплённость социальной философии в системе научных специальностей. В течение длительного времени она существовала в рамках специальности 09.00.11 «Социальная философия», что обеспечивало ее автономный статус в системе научной аттестации, диссертационных исследований и экспертных процедур. Реформы номенклатуры научных специальностей, завершившиеся переходом к новой классификации и введением кода 5.7.7 «Социальная и политическая философия», сопровождались не только административными изменениями, но и переосмыслением границ философского знания. Эти преобразования актуализировали вопрос о месте социальной философии в структуре философских наук и одновременно стимулировали более четкую артикуляцию ее предметной и методологической специфики. Обновление классификаторов стало фактором, который, вопреки опасениям, не ослабил, а во многом укрепил дисциплинарную идентичность социальной философии, сделав ее автономию предметом явной теоретической и институциональной рефлексии [Боков 2025].

Институциональная устойчивость социальной философии в России проявляется также в наличии специализированных кафедр, образовательных программ и устойчивых публикационных площадок. С середины 2010-х гг.

внутрифилософские дискуссии все отчетливее смещаются от абстрактных методологических споров к вопросам воспроизводства дисциплины в академическом пространстве. Социальная философия закрепляется через бакалаврские и магистерские программы, аспирантскую подготовку и процедуры научной аттестации, что свидетельствует о ее способности к институциональному самовоспроизводству [Бойченко 2014]. При этом сама институциональная оформленность рассматривается как производная от способности дисциплины удерживать собственный предмет и отличать его от смежных исследовательских областей, а не как достаточное основание автономии [Аршин 2020].

В совокупности эти характеристики формируют специфическую российскую модель социальной философии, в рамках которой дисциплинарный статус понимается не как фиксированное положение в иерархии наук, а как динамическая конфигурация. Социальная философия сохраняет открытость к взаимодействию с социологией, политической теорией, культурологией и другими областями знания [Хачатрян, Шафигуллин 2023; Митин, Полозова 2024], но при этом удерживает философскую целостность, методологическую интенсивность и онтологическую проблематику [Розин 2020]. Такое понимание позволяет рассматривать социальную философию как рефлексивное ядро философского знания об обществе, способное одновременно обеспечивать междисциплинарный диалог и сохранять собственную дисциплинарную автономию в условиях трансформации академических и институциональных ландшафтов.

Западная модель философского знания об обществе

Сопоставление российской и западной траекторий развития социальной философии выявляет принципиальные различия в способах ее дисциплинарного оформления и академической легитимации. В отличие от российской модели, ориентированной на сохранение социальной философии в статусе самостоятельной философской дисциплины, западная традиция характеризуется отсутствием жес-

тко закрепленного институционального контура данной области знания. Социальная философия в западных академических контекстах, как правило, не фиксируется в форме отдельной научной специальности и редко оформляется через специализированные кафедры или автономные образовательные программы.

Вместо этого социально-философская проблематика оказывается распределенной между различными интеллектуальными полями, каждое из которых фокусируется на отдельных аспектах анализа социального [Hamati-Ataya 2018]. Нормативные вопросы справедливости, власти и легитимности преимущественно развиваются в рамках *social and political philosophy*; структурные и онтологические характеристики общества анализируются в поле социальной теории, чаще всего в границах социологии; критика идеологии, идентичности и дискурсивных практик формируется в русле *critical theory* и культурных исследований. В результате социальная философия в западной академической традиции существует не как целостная дисциплина, а как совокупность пересекающихся тематик, рассредоточенных по разным исследовательским направлениям [Kaue 2021].

Такой способ организации знания отражает более широкий контраст между двумя моделями академической рациональности. Российская традиция стремится удерживать философскую целостность и автономию социально-философского анализа даже в условиях активной междисциплинарной коммуникации. Западная же модель исходит из принципиальной проницаемости дисциплинарных границ, допуская растворение философского анализа в смежных областях и рассматривая его как один из возможных аналитических языков, а не как привилегированную форму теоретической рефлексии.

Следствием этого становится характерная для западного контекста ситуация, при которой ключевые социально-философские идеи и концепты разрабатываются преимущественно вне философских департаментов в узком смысле слова. Существенная часть теоретических инноваций возникает в социологии, политической теории, медиаисследованиях или в рамках междисциплинарных программ, где философия выступает не институциональным

центром, а одним из интеллектуальных ресурсов. В итоге мы наблюдаем ризоматичную структуру, отражающую современную специфику понятия «социального», которое не имеет четко определенного содержания и границ его применения [Бобров 2006, 52].

Таким образом, отличие западной социальной философии заключается не в отсутствии философского анализа общества как такового, а в специфике его академической организации. Социальная философия здесь функционирует как распределенная интеллектуальная практика, лишенная жесткой дисциплинарной идентичности и встроенная в конкурентное пространство социальных и гуманитарных наук. Именно эта распределенность и отсутствие формализованного статуса принципиально отличают западную модель от российской, где социальная философия сохраняет автономию как целостная философская дисциплина.

Проблема междисциплинарной конкуренции

Отличия в формировании западной интеллектуальной традиции философского осмысления социального объясняется не только отсутствием нормативной стандартизирующей государственной научной политики, но и постоянным соперничеством между философией, социологией и социальной теорией.

Этот процесс может быть интерпретирован как проявление более глубокой трансформации статуса философского знания об обществе, что позволяет обратиться к анализу А. Скотта, посвященному концепции «социологической революции» Р. Килминстера [Kilminster 1998]. Последний, как представитель британской социологии, последовательно настаивал на необходимости интеллектуальной автономии социологии и ее освобождения от философской опеки [Scott 2019]. В центре данного анализа находится не просто смена теоретических парадигм, но изменение самих условий производства знания, в рамках которых философия утрачивает исключительное право на рефлекссию социального целого, тогда как социология заявляет притязание на когнитивное лидерство.

Согласно реконструкции Скотта, западная социальная теория второй половины XX и начала XXI в. развивалась в логике дистанцирования от философского наследия, прежде всего от трансценденталистских и нормативно-универсалистских установок. В интерпретации Килминстера социология предстает как форма когнитивного разрыва, который «сметает – или должен сметать – все на своем пути, одновременно выходя за пределы и присваивая проблемные поля конкурирующих дисциплин, в частности философии» [Scott 2019, 1]. Такая установка выражает характерную для западного академического пространства тенденцию рассматривать философию не как метадисциплину, а как один из исторически обусловленных дискурсов, подлежащих социологическому анализу наравне с другими формами знания.

Значимое место в западной рефлексии занимает критика «модных» теоретических диагнозов современности. Скотт подчеркивает, что популярность многих философско-социальных концепций была обусловлена не столько их аналитической продуктивностью, сколько способностью к риторическому конструированию резких дихотомий и символических разрывов. На этом фоне позиция Килминстера, ориентированная на анализ долгосрочных исторических процессов, выглядит сознательно «антимодной» и вступает в противоречие с доминирующими интеллектуальными ожиданиями. Отказ от драматизации настоящего означает одновременно отказ от философии как источника привилегированных интерпретаций современности, поскольку «отступление социологии в настоящее» заслоняет структурные и процессуальные измерения социального времени [Scott 2019, 3].

Особый вклад Скотта заключается в выявлении институционального измерения данного конфликта. Он показывает, что соперничество социологии и философии в западном контексте во многом носит компенсаторный характер. Философия, утратившая статус «королевы наук», оказывается в уязвимом положении, тогда как социология и социальная теория вынуждены адаптироваться к требованиям измеримой эффективности, междисциплинарности и академической конкуренции. В этих условиях дисциплинарные противоре-

жения нередко приобретают форму защиты идентичности, а не продуктивного теоретического обмена. Как отмечает Скотт, «социология и философия могут теперь стать частью общего сообщества судьбы» [Scott 2019, 6], разделяя риски маргинализации в утилитарно ориентированной академической среде.

Существенное значение для западной рефлексии философского знания об обществе имеет обращение Скотта к наследию Карла Мангейма и его компромиссной позиции в социологии знания. В противоположность дисциплинарному империализму, мангеймовский подход допускает сосуществование различных типов интерпретации, не сводя философию к идеологическому материалу для социогенетического объяснения. Это позволяет Скотту наметить альтернативу радикальной социологизации философии, основанную на признании различия познавательных интересов. Социология, вынося вопрос истины «за скобки», не аннулирует философское знание, а лишь смещает фокус анализа [Scott 2019, 8].

В целом западная рефлексия философского знания об обществе, реконструируемая Скоттом, предстает как напряженное поле между стремлением к дисциплинарной автономии и необходимостью теоретического посредничества. Философия здесь лишается статуса высшего арбитра, однако сохраняет значение как источник проблематизации и концептуальной чувствительности. В этом смысле анализ Скотта демонстрирует, что кризис философии в западной социальной теории является не свидетельством ее исчерпанности, а результатом трансформации институциональных и эпистемологических условий производства знания.

Заключение

Проведенный анализ позволяет показать, что дисциплинарный статус социальной философии в России и на Западе формируется в рамках различных академических логик, отражающих не только особенности интеллектуальных традиций, но и различия в институциональной организации знания. Социальная философия в этом отношении выступает чувствительным индикатором изменений философского знания об обществе, поскольку именно в данной области наиболее отчетливо проявля-

ется напряжение между философским осмыслением целостности социального и специализированными формами его анализа.

Российская модель социальной философии отличается устойчивой ориентацией на сохранение дисциплинарной самостоятельности и философской целостности. В отечественном академическом контексте социальная философия институционально закреплена как особая философская область, обладающая собственным предметным полем, методологическими установками и воспроизводимыми механизмами академической легитимации. Такая конфигурация позволяет рассматривать социальное как онтологическую проблему философского уровня, не сводя его ни к эмпирическим данным, ни к нормативно-идеологическим схемам. В этом смысле социальная философия выполняет функцию концептуального центра философского анализа общества, обеспечивая аналитическую дистанцию по отношению к частным социальным наукам.

Западная модель, напротив, демонстрирует тенденцию к институциональной и тематической рассредоточенности социально-философского знания. Отсутствие жестко фиксированного дисциплинарного статуса сопровождается включенностью социально-философской проблематики в конкурентное пространство социологии, социальной теории, политической философии и критических исследований. В результате социальная философия функционирует преимущественно как распределенная форма интеллектуальной работы, в рамках которой философский анализ выступает одним из

возможных инструментов интерпретации социального, а не привилегированным уровнем теоретической рефлексии. Такая ситуация отражает более общую установку на проницаемость дисциплинарных границ и развитие гибридных режимов производства знания.

Обращение к проблеме междисциплинарной конкуренции, реконструируемой через анализ А. Скотта и концепцию «социологической революции» Р. Килминстера, позволяет показать, что трансформация роли философии в западной социальной теории связана прежде всего с изменением институциональных и эпистемологических условий академической деятельности. Философия утрачивает позицию высшего теоретического арбитра, однако сохраняет значимость как источник постановки проблем, концептуальной чувствительности и исторической перспективы анализа социального.

В целом различия дисциплинарных статусов социальной философии в России и на Западе целесообразно рассматривать не в логике оценки их «силы» или «слабости», а как выражение различных стратегий адаптации философского знания к условиям усиливающейся междисциплинарности, цифровизации и трансформации академических институтов. Эти различия формируют пространство для сравнительного анализа и диалога, позволяя рассматривать социальную философию как подвижную и исторически обусловленную форму философского знания, конфигурация и функции которой зависят от конкретных институциональных и культурных условий ее воспроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов, Тихонова 2020 – Артамонов Д.С., Тихонова С.В. «Гараж» истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 237–254. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.72.72.015
- Аршин 2020 – Аршин К.В. Проблема статуса и предмета социальной философии: актуальные вопросы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 140–151.
- Бакланова 2011 – Бакланова О.А. Тенденции социальной философии: западный и российский опыт осмысления постмодернизма // Философия права. 2011. № 5 (48). С. 23.
- Бобров 2006 – Бобров В.В. О предмете социальной философии // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 1. С. 52–56.
- Бойченко 2014 – Бойченко М.И. Социальная философия сегодня: достижения и перспективы дальнейшего развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2014. № 3. С. 16–31.
- Боков 2025 – Боков Г.Е., Лисицына А.А., Чанны Е.В. Дискуссии о преподавании философии в российской высшей школе в условиях новых образовательных реформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. № 4. С. 1022–1036. DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-4-1022-1036

- Гришечкина, Тихонова 2018 – *Гришечкина Н.В., Тихонова С.В.* Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 123–138. DOI: 10.5840/eps201855233
- Зеленков 2021 – *Зеленков А.И.* Социокультурный статус философии в эпоху цивилизационного транзита // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 3. С. 33–40.
- Кимелев, Полякова 2014 – *Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Философия социальных наук // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 1. С. 20–46.
- Кукарников 2016 – *Кукарников Д.Г.* Философия социальных наук: современные концепции и модели // Новые идеи в философии. 2016. № 3 (24). С. 195–200.
- Митин, Полозова 2024 – *Митин А.В., Полозова И.В.* Социальная философия: к вопросу об основоположениях // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. С. 104–106.
- Момджян 2010 – *Момджян К.Х.* К характеристике предмета социальной философии // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12, № 2 (55–56). С. 77–92.
- Орехов 2007 – *Орехов А.М.* Социально-философская наука: предметные основания, структура, функции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2007. № 3. С. 5–17.
- Павлов 2018а – *Павлов А.В.* Паралаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 149–172.
- Павлов 2018б – *Павлов А.В.* Социальная философия и междисциплинарность // Философские науки. 2018. № 6. С. 131–135. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-6-131-135
- Пеннер 2025 – *Пеннер Р.В.* Алгоритмическая рациональность: во зло или во благо // Социологические исследования. 2025. № 10. С. 31–38. DOI: 10.31857/S0132162525100035
- Перов 2000 – *Перов Ю.В.* Проблема философского статуса социальной философии // Историчность и историческая реальность. Серия «Мыслители». Вып. 2. СПб.: Санкт-Петербург: филос. о-во, 2000. С. 132–144.
- Петров 2004 – *Петров Ю.В.* Философия как всеобъемлющий синтез знания // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 5–24.
- Розин 2020 – *Розин В.М.* Рефлексия оснований междисциплинарного изучения социальности // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 64–73. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-1-64-73>
- Сигнаевская, Стрельчук 2016 – *Сигнаевская О.Р., Стрельчук Т.А.* Концепция промежуточного слоя знаний: диалектическое единство философии и науки // Философия и наука. 2016. Т. 15. С. 312–318.
- Хачатрян, Шафигуллин 2023 – *Хачатрян А.А., Шафигуллин В.А.* Ключевые проблемы современной социальной философии // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 11. С. 144–147.
- Hamati-Ataya 2018 – *Hamati-Ataya I.* The Sociology of Knowledge as Postphilosophical Epistemology: Out of IR's Socially Constructed Idealism // International Studies Review. 2018. Vol. 20, no. 1. P. 3–29. DOI: <https://doi.org/10.1093/ist/vix028>
- Kaye 2021 – *Kaye L.K.* Exploring the Socialness of Social Media // Computers in Human Behavior Reports. 2021. Vol. 3. P. 100083. DOI: 10.1016/j.chbr.2021.100083
- Kilminster 1998 – *Kilminster R.* The Sociological Revolution: From the Enlightenment to the Global Age. L.: Routledge, 1998.
- Scott 2019 – *Scott A.* Contesting Disciplinary Boundaries. Richard Kilminster and the Sociological Revolution // Human Figurations: Long-Term Perspectives on the Human Condition. 2019. Vol. 8, no. 1. P. 1–17.

REFERENCES

- Artamonov D.S., 2020. “Garage” of History: The Digital Turn of “Independent Historical Research”. *Dialog so vremenem*, no. 72, pp. 237–254. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.72.72.015
- Arshin K. V., 2020. The Problem of the Status and Subject of Social Philosophy: Topical Issues. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 4, pp. 140–151.
- Baklanova O.A., 2011. Trends in Social Philosophy: Western and Russian Approaches to Interpreting Postmodernism. *Filosofiya prava*, no. 5 (48), p. 23.
- Bobrov V.V., 2006. On the Subject Matter of Social Philosophy. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 1, pp. 52–56.
- Boychenko M.I., 2014. Social Philosophy Today: Achievements and Prospects for Further Development. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, no. 3, pp. 16–31.

- Bokov G.E., Lisitsyna A.A., Chapny E.V., 2025. Debates on Teaching Philosophy in Russian Higher Education Under New Educational Reforms. *RUDN Journal of Philosophy*, no. 4, pp. 1022-1036. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-4-1022-1036>
- Grishechkina N.V., Tikhonova S.V., 2018. Civic Expertise and Scientific Knowledge in the Digital Age. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 55, no. 2, pp. 123-138. DOI: 10.5840/eps201855233
- Zelenkov A.I., 2021. The Sociocultural Status of Philosophy in the Era of Civilizational Transition. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya*, no. 3, pp. 33-40.
- Kimelev Yu.A., Polyakova, N.L., 2014. Philosophy of Social Sciences. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya*, no. 1, pp. 20-46.
- Kukarnikov D.G., 2016. Philosophy of Social Sciences: Contemporary Concepts and Models. *Novye idei v filosofii*, no. 3 (24), pp. 195-200.
- Mitin A.V., Polozova I.V., 2024. Social Philosophy: On the Question of Foundational Principles. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, no. 6, pp. 104-106.
- Momdzhyan K.Kh., 2010. On the Characteristics of the Subject of Social Philosophy. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, vol. 12, no. 2 (55-56), pp. 77-92.
- Orekhov A.M., 2007. Social-Philosophical Science: Subject Foundations, Structure, Functions. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya*, no. 3, pp. 5-17.
- Pavlov A.V., 2018a. Fox Parallaxes: Toward Defining the Subject and Boundaries of Social Philosophy. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 17, no. 3, pp. 149-172.
- Pavlov A.V., 2018b. Social Philosophy and Interdisciplinarity. *Filosofskie nauki*, no. 6, pp. 131-135. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-6-131-135>
- Penner R.V., 2025. Algorithmic Rationality: For Better or for Worse. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 31-38. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162525100035>
- Perov Yu.V., 2000. The Problem of the Philosophical Status of Social Philosophy. *Istorichnost i istoricheskaya realnost. Seriya «Mysliteli». Vyp. 2*. Saint Petersburg, Sankt-Peterburg. filos. o-vo, pp. 132-144.
- Petrov Yu.V., 2004. Philosophy as an All-Encompassing Synthesis of Knowledge. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 282, pp. 5-24.
- Rozin V.M., 2020. Reflection on the Foundations of Interdisciplinary Studies of Sociality. *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 64-73. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-1-64-73>
- Signaevskaya O.R., Strelchuk T.A., 2016. The Concept of an Intermediate Layer of Knowledge: The Dialectical Unity of Philosophy and Science. *Filosofiya i nauka*, vol. 15, pp. 312-318.
- Khachatryan A.A., Shafigullin V.A., 2023. Key Problems of Contemporary Social Philosophy. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, no. 11, pp. 144-147.
- Hamati-Ataya I., 2018. The Sociology of Knowledge as Postphilosophical Epistemology: Out of IR's Socially Constructed Idealism. *International Studies Review*, vol. 20, no. 1, pp. 3-29. DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/vix028>
- Kaye L.K., 2021. Exploring the Socialness of Social Media. *Computers in Human Behavior Reports*, vol. 3, p. 100083. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100083>
- Kilminster R., 1998. *The Sociological Revolution: From the Enlightenment to the Global Age*. London, Routledge.
- Scott A., 2019. Contesting Disciplinary Boundaries. Richard Kilminster and the Sociological Revolution. *Human Figurations: Long-Term Perspectives on the Human Condition*, vol. 8, no. 1, pp. 1-17.

Information About the Authors

Sophia V. Tikhonova, Doctor of Sciences (Philosophy), Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Dmitry V. Melnichuk, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Department of Function Theory and Stochastic Analysis, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, mlnchkdv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6689-8904>

Информация об авторах

Софья Владимировна Тихонова, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Дмитрий Вадимович Мельничук, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теории функций и стохастического анализа, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, mlnchkdv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6689-8904>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.5>

UDC 165.12

LBC 87.22

Submitted: 21.04.2026

Accepted: 29.05.2026

**INTEROCEPTION FROM THE FIRST-PERSON PERSPECTIVE:
STRATIFICATION OF INTEROCEPTIVE MODES,
CRITIQUE OF PRIVILEGED ACCESS TO INTEROCEPTIVE STATES,
AND THE CHALLENGE OF DIGITAL OBJECTIFICATION**

Roman S. Perov

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the epistemic status of interoception in the context of the classical philosophical critique of privileged access to interoceptive states and contemporary technologies of bodily objectification. The author argues that interoception is not monolithic but stratified into two modes. The first, basic mode is an autonomous, nonintentional flow of homeostatic signals. The second, eventbased mode includes vivid intentional experiences such as pain and hunger. This distinction is rooted in H. Plessner's philosophical anthropology, specifically in the concept of eccentric positionality. It allows us to reconsider the arguments of G. Ryle, D. Dennett, and externalists, in particular H. Putnam and T. Burge. It is shown that the critical arguments of G. Ryle, D. Dennett, and the externalists are directed exclusively at the event-based mode and do not affect basic interoception, which remains elusive to introspection, yet it is basic interoception that grounds the very possibility of experience. The article also examines the role of language as a tool for the social verification of interoceptive experience. The dual function of language is revealed, namely the verification of eventbased interoception and the constitution of the background bodily horizon. Further, the transition from linguistic representation to digital profiling is considered, and the concept of data behaviourism is introduced, denoting a methodological stance whereby bodily data are recorded and used to predict behaviour without recourse to subjective experience; the application of this stance is demonstrated through examples from medicine, education, and fitness. Then the author turns to the notion of algorithmic psychometry, that is, the extraction of data about mental states from bodily behaviour. This notion makes it possible to show that without stratification of interoception into basic and event-based modes, such psychometry leads to a confusion of the corresponding ontological levels – the basic and the event-based. The author concludes that, despite the growing externalisability of bodily signals, the basic bodily feeling retains its ontological irreducibility, being reducible neither to introspective report nor to digital data. This reveals the limits of applicability of digital methods in the study of the body. In perspective, the work opens opportunities for empirical research using the proposed distinction to test hypotheses about eventbased and basic interoception, as well as for ethical reflection on the digital objectification of the body.

Key words: interoception, introspection, privileged access to interoceptive state, stratification of interoceptive modes, databehaviourism.

Citation. Perov R.S. Interoception from the First-Person Perspective: Stratification of Interoceptive Modes, Critique of Privileged Access to Interoceptive States, and the Challenge of Digital Objectification. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 45-55. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.5>

**ИНТЕРОЦЕПЦИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ПЕРВОГО ЛИЦА:
СТРАТИФИКАЦИЯ РЕЖИМОВ ИНТЕРОЦЕПЦИИ,
КРИТИКА ПРИВИЛЕГИРОВАННОГО ДОСТУПА
К ИНТЕРОЦЕПТИВНЫМ СОСТОЯНИЯМ
И ВЫЗОВ ЦИФРОВОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ**

Роман Сергеевич Перов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу эпистемического статуса интероцепции в контексте классической философской критики привилегированного доступа субъекта к собственным интероцептивным состояниям и современных технологий объективации телесного. Автор обосновывает тезис о том, что интероцепция не монолитна, а стратифицирована на два режима. Базовый режим представляет собой автономный неинтенциональный поток гомеостатических сигналов. Событийный режим включает яркие интенциональные переживания, такие как боль и голод. Это различие зафиксировано в философской антропологии Х. Плеснера. Введенное им понятие эксцентрической позициональности позволяет пересмотреть аргументы Г. Райла, Д. Деннета и экстерналистов, в частности Х. Патнэма и Т. Берджа. Показано, что критические аргументы Г. Райла, Д. Деннета и экстерналистов направлены исключительно на событийный режим и не затрагивают базовую интероцепцию, которая остается неуловимой для интроспекции, однако именно базовая интероцепция фундирует саму возможность опыта. В работе также анализируется роль языка как инструмента социальной верификации интероцептивного опыта. Выявляется двойственная функция языка, включающая верификацию событийной интероцепции и конституирование фонового телесного горизонта. Далее рассматривается переход от языковой репрезентации к цифровому профайлингу. Вводится понятие дата-бихевиоризма, обозначающего методологическую позицию, при которой телесные данные фиксируются и используются для прогнозирования поведения без обращения к субъективным переживаниям; применение этой позиции продемонстрировано на примерах из медицины, образования и фитнеса. Затем автор обращается к понятию алгоритмической психометрии, то есть извлечения данных о психических состояниях из телесного поведения. Это понятие позволяет показать, что без стратификации интероцепции на базовый и событийный режимы такая психометрия ведет к смешению соответствующих онтологических уровней – базового и событийного. Автор приходит к выводу, что, несмотря на растущую выводимость телесных сигналов во внешнее поле, базовое телесное чувство сохраняет свою онтологическую нередуцируемость, несводимость ни к интроспективному отчету, ни к цифровым данным. В перспективе работа открывает возможности для эмпирических исследований, использующих предложенное различие, а также для этической рефлексии над цифровой объективацией телесности.

Ключевые слова: интероцепция, интроспекция, привилегированный доступ к интероцептивным состояниям, стратификация режимов интероцепции, дата-бихевиоризм.

Цитирование. Перов Р. С. Интероцепция в перспективе первого лица: стратификация режимов интероцепции, критика привилегированного доступа к интероцептивным состояниям и вызов цифровой объективации // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 45–55. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.5>

Введение

Интероцепцию всегда считали привилегированной «внутренней территорией». Тело «сообщает» нам о себе. Боль, голод и другие яркие ощущения воспринимаются как непосредственно данные. Но споры об интроспекции у Г. Райла и Д. Деннета заставляют сомневаться в этой непосредственности. Циф-

ровые технологии усиливают эти сомнения. То, что мы считали неоспоримо «внутренним», сегодня доступно внешнему отслеживанию. Носимые сенсоры, фитнес-трекеры фиксируют состояния нашего тела извне.

Возникает парадокс: чем глубже философы сомневаются в нашей способности познавать себя изнутри, тем активнее технологии предлагают объективную фиксацию те-

лесных состояний. И тем самым проблема привилегированного доступа к интероцептивным состояниям не решается, а обходится стороной. Автор задается вопросом: каков эпистемический статус интероцепции, если классические претензии на привилегированный доступ сталкиваются с ее растущей выводимостью в публичное поле? Что остается от первого лица, когда его внутренние ландшафты картографируются извне?

В методологическом плане наше исследование опирается на понимание экспериментальной философии, предложенное Н.В. Зайцевой и Д.В. Зайцевым. Они трактуют экспериментальную философию как изменение философского метода, предполагающее синтез традиционных философских методов и методов эмпирической науки [Зайцева, Зайцев 2024, 931]. В рамках этого подхода интроспекция рассматривается через внешние данные, а именно язык и цифровые устройства. Наша работа сосредоточена на прояснении и стратификации понятия интероцепции: мы используем философскую антропологию Х. Плеснера и идеи нейрофеноменологии, а в качестве примеров привлекаем существующие исследования и цифровые платформы, такие как BodyPark АТОМ.

Основной тезис автора заключается в следующем. Интероцепция не является чем-то монолитным. Она стратифицирована и разделена на два режима. Первый, базовый режим представляет собой автономные, неинтенциональные сигналы, ускользающие от внимания. Второй, событийный режим затрагивает яркие, интенциональные переживания. Каждый режим по-разному вовлечен в интроспекцию, язык и технологическую фиксацию. Признание этой двойственности сохраняет ценность первого лица, но лишает его картезианской непогрешимости. Именно в этой дифференциации кроется ключ к тому, какие притязания первого лица на самопознание еще имеют силу, а какие следует пересмотреть.

Для прояснения нашей позиции пройдем последовательный путь. Сначала реконструируем, как интероцепция вписана в классические споры о приватности ментального. Затем, вооружившись приемом стратификации, пересмотрим эту критику привилегированного доступа к собственным интероцептивным со-

стояниям, показав, что ее сила ограничена событийным режимом. Наконец, проследим, как представления о приватности ментальных состояний и привилегированном доступе к ним трансформируются под давлением цифровой реальности.

Интероцепция в поле интроспекции: привилегированный доступ первого лица и его границы

Понятие интероцепции формировалось внутри разных исследовательских программ. Нас прежде всего интересует, как интероцепция связана с проблемой интроспекции. Ведь именно здесь, в вопросах о том, как мы постигаем собственные состояния, телесность традиционно осмыслялась с позиции первого лица. Долгое время прямой доступ к «внутренним» процессам считался привилегированным и безошибочным [Byrne 2018]. Однако возможность внешней фиксации интероцептивной активности, производимой в языковых отчетах и данных фитнес-трекеров, ставит этот статус под сомнение.

До эры информационных технологий язык и поведение были главными посредниками интероцепции. Теперь носимые нами устройства сами выводят наружу сигналы, которые мы не осознаем [Gunnars web; Novembre et al. web]. К чему это ведет? Во-первых, приватность перестает быть стеной, отделяющей внутренние состояния от внешнего наблюдения. Во-вторых, интероцепция становится открытой для анализа третьими лицами.

Чтобы осмыслить этот сдвиг, нужна новая методологическая позиция. Назовем ее дата-бихевиоризмом. Как и классический бихевиоризм, она предполагает сосредоточение на поведении, игнорируя внутренний мир. Цифровые устройства действуют в этой же логике. Они собирают телесные данные, находят корреляции, предсказывают действия, при этом не спрашивая человека о чувствах. Напоминает метод Скиннера – с той разницей, что поведение выводится не из наблюдения или самоотчета, а из факта цифровой фиксации.

Но стоит заметить, что у этой выводимости есть и обратная сторона. Внешняя фиксация

сация обнажает, насколько ограничен наш доступ ко внутреннему. Он избирателен. Острую боль мы можем осознавать и, скорее всего, заметим. А вот давление, действие гормонов, фоновая активность тела остаются за порогом сознания, хотя и создают почву для любого переживания. Это различие надо строго проводить.

Поговорим подробнее о вышеупомянутой дифференциации инteroцепции. Мы помещаем в центр анализа различие двух ее режимов. Опишем их подробнее.

1. Базовая (дорефлективная) инteroцепция – непрерывный, неинтенциональный поток сигналов, обеспечивающий гомеостаз. Эти процессы неуловимы для интроспекции, хотя доступны объективной регистрации (ЭКГ, давление и т. д.). Они не являются содержанием сознания, но задают его базовую рамку или устойчивое «ощущение себя в теле». Телесностью в таком контексте является не то, что мы осознаем, а то, благодаря чему осознание вообще возможно. Вместе с тем телесность также есть граница, которую само сознание не может переступить.

2. Событийная (тематическая) инteroцепция. Этот режим связан с яркими событиями, врывающимися в сознание: острая боль, голод и т. п. Они привлекают внимание, порождают отчетливые ментальные переживания. В традиции их часто связывают с квалиа – субъективными качествами переживания, тем, что ощущается изнутри как боль или голод. Так, например, Нед Блок, различая феноменальное и доступное сознание, пишет: «Феноменальное сознание – это опыт; феноменально сознательный аспект состояния – это то, каково это, находиться в этом состоянии. Маркер доступного сознания, напротив, – это доступность для использования в рассуждениях и рациональном управлении речью и действием» [Block 1995, 230]. Событийная инteroцепция в этом смысле воплощает собой случай, когда феноменальное переживание становится доступным сознанию.

Такое устройство телесного опыта вовсе не случайно, а является выражением более фундаментальных структур.

Различение базовой и событийной инteroцепции меняет взгляд на интроспекцию. Если интроспекция и сохраняет силу, то лишь

в отношении событийного режима. К базовой инteroцепции, основе нашего бытия, интроспекция слепа. Данное уточнение не отменяет интроспекцию, но позволяет иначе взглянуть на критику «мифа» о привилегированном доступе.

Но почему телесность устроена именно так: включает слепой фон и яркие события? Ответ дает философская антропология. Эта двойственность укоренена в самой структуре человеческого бытия, как ее описывает Хельмут Плеснер [Филиппов web]. Плеснер вводит понятие эксцентрической позициональности. В отличие от животного, для которого центр восприятия неотделим от плоти и не осознается самим животным, человек способен «зайти за себя», дистанцироваться от собственного жизненного центра. Это и есть акт рефлексии, рождающий самосознание. Но сама дистанция возможна лишь потому, что есть от чего дистанцироваться, то есть неустранимый «необъективируемый полюс субъекта», жизненный центр, остающийся непрозрачной основой [Филиппов web]. Мы действуем и воспринимаем, опираясь на этот центр, но не можем объективировать его.

Это плеснеровское различение центрической и эксцентрической позициональности служит концептуальной основой для нашей стратификации инteroцепции на базовый и событийный режимы. Базовый режим выражает на уровне телесных сигналов тот самый «жизненный центр», о котором говорит Плеснер. Этот слой образует глубинную телесную основу, на которой держится наше существование и которую мы не можем объективировать. В то же время событийный режим может рассматриваться как проявление эксцентрической способности сделать аспекты этого центра, например боль или голод, объектами внимания и критики.

Предложенное различение находит методологическое обоснование в современной нейрофеноменологии. Как отмечает О.А. Власова, нейрофеноменология стремится к «преодолению дихотомии биологического и психического, обращаясь к полю опыта как полю общего интереса» [Власова 2024, 965]. Этот подход позволяет рассматривать фоновый режим, который неуловим для интроспекции, но способен быть объективно регистрируе-

мым, как то самое «поле опыта», где сходятся данные физиологии и феноменология. Наша стратификация становится концептуальным инструментом для эмпирических исследований. Она задает гипотезы о том, какие сигналы могут становиться событийными, а какие навсегда остаются фоном. Как подчеркивают Н.В. Зайцева и Д.В. Зайцев, нейрофеноменология «благодаря обращению к субъективному опыту оказывается методологически близкой к естественным наукам» [Зайцева, Зайцев 2024, 937]. Она открывает путь для совместной работы философов и экспериментаторов.

Но нейрофеноменология представляет собой лишь одно из направлений изучения сознания. Не менее важен пересмотр самой философской традиции. Классическая критика интроспекции начиная с Г. Райла и Д. Деннета и вплоть до современных экстерналистов направлена, прежде всего, на событийный режим и упрекает его в ненадежности. Ее главной мишенью является запаздывающий и интерпретативный характер самонаблюдения. Однако эта критика почти не затрагивает статус базового режима interoцепции, выражающего необъективируемый полюс субъекта. Этот полюс остается неуловимым для рефлексии, но фундирует саму возможность опыта. Признание двухуровневости interoцепции, то есть ее разделения на базовый и событийный режимы, позволяет понять, почему интроспекция так часто ошибается и одновременно защищает телесность от попыток объявить ее иллюзией.

Критика привилегированного доступа субъекта к собственным interoцептивным состояниям в свете стратификации interoцепции

Фундаментальное различие базового и событийного режимов interoцепции заставляет пересмотреть споры о привилегированном доступе субъекта к собственным interoцептивным состояниям. Если интроспекция и дает знание, то лишь о событийном режиме. Но даже здесь ее надежность под вопросом, поскольку сам акт интроспекции запаздывает и неизбежно интерпретирует переживание. Проследим, как предложенная нами

стратификация interoцепции отвечает на критические аргументы Райла, Деннета и современных экстерналистов.

Ретроспективность и интерпретация: выпад Райла

Г. Райл атакует саму возможность непосредственного интроспективного наблюдения. Мы часто ловим себя на переживании лишь постфактум, с фатальной задержкой [Райл 1999, 168]. Знание о себе, по его мнению, строится не на внутреннем зрении, а на интерпретации, своеобразном «чтении мыслей» [Райл 1999, 408]. Если бы интроспекция была прямым наблюдением, она требовала бы раздвоения внимания, а это, как он подчеркивает, ведет к абсурду [Райл 1999, 169].

Здесь стратификация вносит уточнение. Качественное переживание, относящееся к событийному режиму, действительно требует временной задержки и интерпретации. Но критика почти не затрагивает базовый режим. Ощущение «себя в теле» не ретроспективно и не интерпретативно. Оно составляет ту рамку, внутри которой только и возможна интерпретация.

Ученый, по сути, признает этот неустранимый остаток. Он говорит о систематической неуловимости акта самонаблюдения: «...мой комментарий по поводу моих действий ничего не может сказать об одном моем действии, а именно о самом этом комментировании» [Райл 1999, 217]. Именно этот слой, не могущий быть объектом рефлексии, соответствует базовой interoцепции. Интроспекция может быть ненадежным инструментом для отчета о переживаниях, но сама неинтерпретируемая телесная самоданность от надежности отчета не зависит: она первична по отношению к любому отчету и не сводится к нему.

Деннет развивает эту линию еще радикальнее, подвергая сомнению сам объект интроспективного наблюдения. В своей модели «множественных набросков» (Multiple Drafts Model) он утверждает, что «не существует единого, определенного “потока сознания”, потому что нет единого центра, нет картезианского театра, где “все сходится воедино”. Вместо этого существуют множественные

каналы, в которых специализированные цепи пытаются, в параллельном пандемониуме, делать свои разнообразные дела, создавая по ходу дела множественные наброски» [Dennett 1991, 113]. Интроспекция, согласно этой модели, не столько открывает нам доступ к внутренним механизмам, сколько конструирует нарратив о них, не имеющий прямой связи с их реальной работой.

И Райл, и Деннет показывают: интроспекция не дает нам прямого доступа к внутренним механизмам. Она запаздывает, интерпретирует, а то и вовсе конструирует иллюзию единого потока. Однако их критика направлена на то, что мы называем событийным режимом. Следовательно, применить ее можно лишь к отчетливым переживаниям, которые поддаются описанию. Базовое же, фоновое ощущение себя остается за ее пределами. Но есть еще одна линия атаки на привилегированный доступ. Она распространяется не изнутри сознания, а извне, из мира, в который мы погружены.

Давление внешнего мира: экстерналистский вызов

Приходящая «извне» линия критики ставит под сомнение чистое, независимое от мира самопознание. Речь об экстернализме (или антииндивидуализме) в философии сознания.

Возьмем классический мысленный эксперимент Х. Патнэма «Земля-двойник» [Сысоев web]. Представим планету, во всем похожую на Землю. Только там жидкость, которую все называют «водой», имеет иной химический состав (XYZ, а не H₂O). На глаз, на вкус, на ощупь она неотличима. Теперь перенесемся в 1750 год, когда о химии еще никто не слышал. В то время на Земле живет Оскар, а на планете-двойнике – его точная копия по имени Тоскар. Оба смотрят на воду, оба говорят «вода мокрая». С точки зрения внутреннего самоощущения они находятся в одном и том же состоянии. Но экстенционал у них разный. Слово «вода» на разных планетах отсылается к разным вещам. На Земле это H₂O, а на планете-двойнике – XYZ. Выводы Патнэма таковы, что психологическое состояние само по себе не определяет, о чем именно мы думаем. Значения не в голове.

Т. Бердж идет дальше. Он показывает, что от социального окружения зависит не только значение слов, но и содержание наших мыслей. Вот его знаменитый пример с артритом. Пациент искренне считает, что у него артрит в бедре. На самом деле артритом называют воспаление суставов, в бедре его быть не может. Однако сообщество, в котором живет пациент, использует слово «артрит» именно так, как он это делает. Бердж приходит к выводу: содержание мысли не исчерпывается внутренними состояниями человека. «Даже те пропозициональные установки, которые не затронуты неполным пониманием, зависят для своего содержания от социальных факторов» [Burge 1979, 85]. И еще жестче: «Социальный контекст проникает даже в отчетливо ментальные черты. Ментальные феномены никакого человека не являются изолированными» [Burge 1979, 87].

Какое отношение это имеет к интероцепции? Самое прямое. Эксперименты Патнэма и Берджа показывают, что даже самые простые убеждения, вроде того что вода мокрая или у тебя артрит в бедре, зависят от внешнего мира, а не только от нашего внутреннего самоощущения. Следовательно, интроспекция не может быть априорным, независимым от мира знанием. Картезианская мечта о сознании, прозрачном для самого себя, оказывается под вопросом [Burge 2018].

Однако эта критика бьет преимущественно по событийному режиму, по состояниям, уже концептуализированным, облеченным в убеждения. До базального, телесного «чувства себя» она не добирается. Экстерналистские аргументы убедительны, когда речь идет о пропозициональных состояниях. Например: убеждение, что «у меня кислотность». Но они спотыкаются о дорефлексивный поток базовой интероцепции. Ощущение равновесия, фоновый мышечный тонус – все эти состояния не являются «содержательными» в том смысле, в каком мы говорим о мыслях и убеждениях.

Как иронично замечает Ф. Дрецке, интроспекция не дает нам доступа к нейронным механизмам сознания, поэтому наша уверенность в собственной сознательности не имеет более надежного основания, чем убеждения о внешнем мире [Dretske 2003, 1].

Подводя итог, можно сказать, что привилегированный доступ не абсолютен. Насколько ему можно верить, зависит от того, о каком режиме интероцепции идет речь и какие у нас есть средства проверки. Интроспекция дает уникальную перспективу, но при этом не гарантирует априорной истины.

Особенно явной эта контекстуальность становится при выводе интероцепции вовне через социальные практики и в конечном счете через технологии.

Язык и социальная верификация интероцептивного опыта

Исторически первым способом вывода интероцепции вовне выступает язык. Он становится мостом между приватным переживанием и социальным миром, делая ощущение фактом общения. Ведь его истинность зависит не только от говорящего, но и от адресата. Язык не является точным «слепок» с телесного факта. Между переживанием и словом всегда остается зазор. Телесное ощущение целостно и аморфно, язык же дискретен и скован грамматикой [Stanier, Miglio 2021, 101].

Важно подчеркнуть, что этот разрыв не обесценивает язык, а указывает на его социально верифицирующую функцию. Мы не просто сообщаем о своей боли, а ждем от другого подтверждения, ждем, чтобы нам ответили: «Я тебя понимаю». Речь идет не об объективной истине, а о том, чтобы прийти к общему согласию. Ответная реплика придает одинокому переживанию социально признанный статус. Язык оказывается не столько инструментом репрезентации, сколько инструментом координации приватного и публичного.

Но язык не только верифицирует событийную интероцепцию. Он еще и конституирует сам горизонт телесного опыта. Как отмечает М. Джонсон, даже абстрактное мышление укоренено в телесных схемах, а язык черпает первичный смысл из дорефлективных ощущений [Johnson 2007, 273]. Однако сегодня язык уже не единственное средство выведения интероцепции в публичное поле. Он также перестал быть уникальным способом ее социальной верификации. У человечества появились информационные технологии. Они и перехватывают эти функции у языка.

Цифровой профиль интероцепции: на пути к дата-бихевиоризму

Объективация телесного: от данных к зависимостям

Если язык был культурным посредником между телесным опытом и социумом, то сегодня эту роль с невероятной скоростью перехватывают цифровые технологии. Носимые устройства переводят непрерывный аналоговый поток таких телесных активностей, как пульс, сон, уровень глюкозы, в дискретный чистый массив биометрических данных [Gunnars web]. Так интероцепция обретает цифровой профиль. Она смещается из плоскости приватного, недоступного переживания в плоскость публичного, машиночитаемого факта.

Этот сдвиг реанимирует интерес к бихевиористской методологии, но в новом, цифровом ключе, который мы называем дата-бихевиоризмом. Как отмечает Ф. Гуннарс, «бихевиористские принципы все еще актуальны при разработке цифровых инструментов для начального образования, хотя часто сочетаются с конструктивистскими подходами» [Gunnars web].

Классический бихевиоризм Скиннера работал с протоколами внешне наблюдаемого поведения. Его цифровой наследник более изощренный, он работает с протоколами данных, извлекая корреляции между биологическими параметрами и поведенческими паттернами.

Реальным примером становятся «цифровые пилюли». Встроенные сенсоры превращают глотание таблетки в отслеживаемое цифровое событие. Они позволяют анализировать не только физиологический эффект, но и его память [Matwyshyn 2019]. Человек даже не замечает, как самый интимный акт становится точкой данных в электронной карте.

Эмоции как соматические данные: фиксация и прогноз

Технологии, о которых мы говорили, не ограничиваются фиксацией физиологических показателей. Они продвинулись куда дальше и теперь претендуют на объективацию эмоций и психических состояний. Такая тотальная объективация возможна благодаря фун-

даментальной предпосылке. Она заключается в том, что эмоции имеют четко воспроизводимые телесные корреляты. Как писал У. Джеймс, «телесные изменения следуют непосредственно за восприятием волнующего факта, и наше переживание этих изменений, по мере того как они происходят, и является эмоцией» [Джеймс 2002, 456–465].

Цифровые технологии доводят это знание до логического предела. Масштабный проект HUMBI (HUMAN Multiview Behavioral Imaging, то есть многоакурсная съемка поведения человека) использует массивы синхронизированных видеоданных и машинное зрение для создания гигантских баз телесных экспрессий сотен людей. Алгоритмы учатся не просто распознавать, но и реконструировать и предсказывать эмоциональные состояния по позе и микродвижениям [Yoon et al. web].

Исследования подтверждают удивительную согласованность. Люди разных культур последовательно ассоциируют конкретные эмоции с активностью определенных зон тела. Так, горе связывают с грудной клеткой, а радость – с областью живота и сердца [Novembre et al. web]. Тело само предоставляет алгоритмам своего рода «карту» аффектов, которую можно оцифровать. Цифровые инструменты преодолевают кажущуюся неуловимость эмоций. Они переводят их из плана субъективного переживания в план объективно регистрируемых, анализируемых и прогнозируемых соматических паттернов.

Дата-бихевиоризм в действии: медицина, образование и фитнес

В медицине системы распознавания эмоций на основе глубокого обучения внедряются для дистанционной диагностики. Аудиовизуальная система по видеозвонку анализирует изменения лица и голоса, автоматически идентифицируя признаки тревоги, депрессии или боли [Hossain, Muhammad 2019]. Методы машинного обучения прогнозируют индивидуальные риски, например, осложнения после пересадки органов. Они классифицируют медицинские изображения, выявляя скрытые, неочевидные для врача паттерны [Sidey-Gibbons, Sidey-Gibbons web]. Знание здесь все чаще выводится из анализа данных, а не из клинической интуиции.

В сфере образования мониторинг психоэмоционального состояния учащихся через анализ их аудиовизуальных паттернов на видеоуроках преподносится как передовой инструмент персонализации [Lu web]. Концепция «точного образования» превращает телесные данные учащихся и двигательную активность в сырье для количественной оценки психологических особенностей и «научной» модернизации учебного процесса [Williamson 2019]. Сбор данных о частоте моргания и иных микровыражениях превращается из нарушения приватности в инструмент прогресса.

Фитнес – наиболее массовое воплощение дата-бихевиоризма. Платформа BodyPark АТОМ отслеживает ключевые точки тела, дает голосовую коррекцию, анализирует траектории движений и геймифицирует тренировку [BodyPark АТОМ web]. Алгоритм не просто регистрирует, а предсказывает и иницирует поведение, адаптивно подстраиваясь под самочувствие. Человек добровольно помещает себя в режим перманентного цифрового мониторинга, за что вознаграждается «персонализацией» и «эффективностью».

Эти примеры знаменуют рождение алгоритмической психометрии, то есть извлечения «психоданных» из телесного поведения [Williamson 2019]. Однако, как предупреждают Бойд и Кроуфорд, притязания на объективность больших данных вводят в заблуждение [Boyd, Crawford 2012, 663].

Во всех этих случаях общим является смешение базового и событийного онтологических уровней. Именно поэтому наш анализ показывает, что без стратификации интероцепции мы рискуем принять цифровой профиль за само тело. Если не различать базовый и событийный режимы, алгоритм, фиксирующий пульс, начинает восприниматься как прямой доступ к боли или тревоге. Давление (базовый режим) регистрируется адекватно, но боль (событийный режим) остается косвенной проекцией. Смешение уровней ведет к онтологической ошибке: цифровая тень принимается за живое тело. В медицине это грозит диагнозом по трекеру без учета самочувствия, в образовании – тем, что программы обучения будут создаваться по биометрии без учета интереса ребенка.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Интероцепция не монолитна, а стратифицирована на два режима: базовый для неуловимых автономных гомеостатических сигналов и событийный, который «выхватывает» осознаваемые переживания. Объективная регистрация базового режима не отменяет и не замещает живого телесного чувства. Данные о теле и переживание тела являются разными онтологическими уровнями. Базовый режим онтологически первичен. Он есть то, из чего вырастает и субъективный опыт, и научное знание. Классическая критика привилегированного доступа в лице Райла, Деннета и экстерналистов бьет без промаха по событийному режиму, но не затрагивает базовый. Последний остается неуловимым для интроспекции, однако именно он фундирует саму возможность опыта. Язык и цифровые данные позволяют вывести часть интероцепции в публичное поле, но не отменяют этого фундаментального различия. Переориентация с первого лица на циф-

ровые данные конституирует то, что мы назвали дата-бихевиоризмом, однако базовое телесное чувство сохраняет свою онтологическую нередуцируемость. Цифровой профиль представляет собой лишь образ, но не реального человека. Таким образом, перспектива первого лица имеет неустранимую границу. Базовый режим остается недоступным для интроспекции и может быть познан только извне.

Философская значимость исследования заключается в пересмотре картезианской непогрешимости первого лица в пользу модели самопознания, учитывающей контекст и стратификацию. Тем самым экспериментально-философский подход получает эмпирически проверяемое различие между фоновым и событийным опытом, которое может служить инструментом для дальнейших исследований. Перспективы изучения проблемы связаны с анализом того, как именно цифровая объективация телесного трансформирует практики медицины, образования и разработки ИИ, а также с этической рефлексией над алгоритмической психометрией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Власова 2024 – Власова О.А. Old Problems and New Perspectives for Neurophenomenology in Psychiatry // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28, № 4. С. 964–978.
- Джеймс 2002 – Джеймс У. Что такое эмоция? // Общая психология. Тексты. М.: Психология: Генезис, 2002. В 3 т. Т. 2, кн. 1. С. 456–465.
- Зайцева, Зайцев 2024 – Зайцева Н.В., Зайцев Д.В. Экспериментальный поворот в философии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28, № 4. С. 931–944.
- Райл 1999 – Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, 1999.
- Сысоев web – Сысоев М.С. Двойник Земли [Большая российская энциклопедия. 2023] // <https://bigenc.ru/c/dvoinik-zemli-29a17a>
- Филиппов web – Филиппов А.Ф. Плеснер [Новая философская энциклопедия. 2020] // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH362b1c945da233640b8c36>
- Block 1995 – Block N. On a Confusion About a Function of Consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18, № 2. P. 227–287.
- BodyPark ATOM web – BodyPark ATOM: The World's First AI Fitness Companion // <https://www.bodypark.fit>
- Boyd, Crawford 2012 – Boyd D., Crawford K. Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Acholarly Phenomenon // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15, № 5. P. 662–679. DOI: 10.1080/1369118X.2012.678878
- Burge 1979 – Burge T. Individualism and the Mental // Midwest Studies in Philosophy. 1979. Vol. 4. P. 73–121.
- Byrne 2018 – Byrne A. Transparency and Self-Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2018.
- Dennett 1991 – Dennett D.C. Consciousness Explained. Boston: Little, Brown and Co., 1991.
- Dretske 2003 – Dretske F. How Do You Know You are Not a Zombie? // Privileged Access: Philosophical Accounts of Self-Knowledge. L.: Routledge, 2003. P. 1–12.

- Gunnars web – Gunnars F. A Large-Scale Systematic Review Relating Behaviorism to Research of Digital Technology in Primary Education [Computers and Education Open. 2021. Vol. 2] // <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S266655732100029X>
- Hossain, Muhammad 2019 – Hossain M.S., Muhammad G. An Audio-Visual Emotion Recognition System Using Deep Learning Fusion for a Cognitive Wireless Framework // IEEE Wireless Communications. 2019. Vol. 26, № 3. P. 62–68.
- Johnson 2007 – Johnson M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. Chicago: University of Chicago Press, 2007.
- Lu web – Lu X. Deep Learning Based Emotion Recognition and Visualization of Figural Representation [Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 12] // https://www.researchgate.net/publication/357677255_Deep_Learning_Based_Emotion_Recognition_and_Visualization_of_Figural_Representation
- Matwyshyn 2019 – Matwyshyn M. The Internet of Bodies // William & Mary Law Review. 2019. Vol. 61, № 1. P. 77–128.
- Novembre et al. web – Novembre G., Zanon M., Morrison I., Ambron E., Urgesi C. Bodily Sensations in Social Scenarios: Where in the Body? [PLOS ONE. 2019. Vol. 14, № 6] // https://www.researchgate.net/publication/333713604_Bodily_sensations_in_social_scenarios_Where_in_the_body
- Sidey-Gibbons, Sidey-Gibbons web – Sidey-Gibbons J.A.M., Sidey-Gibbons C.J. Machine Learning in Medicine: A Practical Introduction [BMC Medical Research Methodology. 2019. Vol. 19, № 1] // https://www.researchgate.net/publication/364987888_Machine_learning_in_medicine_a_practical_introduction_to_techniques_for_data_pre-processing_hyperparameter_tuning_and_model_comparison
- Stanier, Miglio 2021 – Stanier J., Miglio N. Painful Experience and Constitution of the Intersubjective Self: A Critical-Phenomenological Analysis // Phenomenology of Bioethics. Cham: Springer, 2021. P. 101–114. DOI: 10.1007/978-3-030-65613-3_8
- Williamson 2019 – Williamson B. Digital Policy Sociology: Software and Science in Data-Intensive Precision Education // Critical Studies in Education. 2019. Vol. 62, № 3. P. 1–17.
- Yoon et al. web – Yoon J.S., Yu Z., Park J., Park H. HUMBI: A Large Multiview Dataset of Human Body Expressions and Benchmark Challenge [IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. 2021] // <https://arxiv.org/abs/2110.00119>

REFERENCES

- Vlasova O.A., 2024. Old Problems and New Perspectives for Neurophenomenology in Psychiatry. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, vol. 28, no. 4, pp. 964-978.
- Dzheims U., 2002. What is an Emotion? *Obshchaya psikhologiya. Teksty*. Moscow, Psikhologiya Publ., Genezis Publ., in 3 vols., vol. 2, book 1, pp. 456-465.
- Zaytseva N.V., Zaytsev D.V., 2024. Experimental Turn in Philosophy. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, vol. 28, no. 4, pp. 931-944.
- Ryle G., 1999. *The Concept of Mind*. Moscow, Ideya-Press.
- Sysoev M.S., 2023. Earth's Twin. *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya*. URL: <https://bigenc.ru/c/dvoynik-zemli-29a17a>
- Filippov A.F., 2020. Plessner. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH362b1c945da233640b8c36>
- Block N., 1995. On a Confusion About a Function of Consciousness. *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 18, no. 2, pp. 227-287.
- BodyPark ATOM. *The World's First AI Fitness Companion*. URL: <https://www.bodypark.fit>
- Boyd D., Crawford K., 2012. Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon. *Information, Communication & Society*, vol. 15, no. 5, pp. 662-679. DOI: 10.1080/1369118X.2012.678878
- Burge T., 1979. Individualism and the Mental. *Midwest Studies in Philosophy*, vol. 4, pp. 73-121.
- Byrne A., 2018. *Transparency and Self-Knowledge*. Oxford, Oxford University Press.
- Dennett D.C., 1991. *Consciousness Explained*. Boston, Little, Brown and Co.

- Dretske F., 2003. How Do You Know You are Not a Zombie? *Privileged Access: Philosophical Accounts of Self-Knowledge*. London, Routledge, pp. 1-12.
- Gunnars F., 2021. A Large-Scale Systematic Review Relating Behaviorism to Research of Digital Technology in Primary Education. *Computers and Education Open*, vol. 2. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S266655732100029X>
- Hossain M.S., Muhammad G., 2019. An Audio-Visual Emotion Recognition System Using Deep Learning Fusion for a Cognitive Wireless Framework. *IEEE Wireless Communications*, vol. 26, no. 3, pp. 62-68.
- Johnson M., 2007. *The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding*. Chicago, University of Chicago Press.
- Lu X., 2022. Deep Learning Based Emotion Recognition and Visualization of Figural Representation. *Frontiers in Psychology*, vol. 12. URL: https://www.researchgate.net/publication/357677255_Deep_Learning_Based_Emotion_Recognition_and_Visualization_of_Figural_Representation
- Matwyshyn M., 2019. The Internet of Bodies. *William & Mary Law Review*, vol. 61, no. 1, pp. 77-128.
- Novembre G., Zanon M., Morrison I., Ambron E., Urgesi C., 2019. Bodily Sensations in Social Scenarios: Where in the Body? *PLOS ONE*, vol. 14, no. 6. URL: https://www.researchgate.net/publication/333713604_Bodily_sensations_in_social_scenarios_Where_in_the_body
- Sidey-Gibbons J.A.M., Sidey-Gibbons C.J., 2019. Machine Learning in Medicine: A Practical Introduction. *BMC Medical Research Methodology*, vol. 19, no. 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/364987888_Machine_learning_in_medicine_a_practical_introduction_to_techniques_for_data_pre-processing_hyperparameter_tuning_and_model_comparison
- Stanier J., Miglio N., 2021. Painful Experience and Constitution of the Intersubjective Self: A Critical-Phenomenological Analysis. *Phenomenology of Bioethics*. Cham, Springer, pp. 101-114. DOI: 10.1007/978-3-030-65613-3_8
- Williamson B., 2019. Digital Policy Sociology: Software and Science in Data-Intensive Precision Education. *Critical Studies in Education*, vol. 62, no. 3, pp. 1-17.
- Yoon J.S., Yu Z., Park J., Park H., 2021. HUMBI: A Large Multiview Dataset of Human Body Expressions and Benchmark Challenge. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*. URL: <https://arxiv.org/abs/2110.00119>

Information About the Author

Roman S. Perov, Postgraduate Student, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 10/2, 117198 Moscow, Russian Federation, 1142230503@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9458-8750>

Информация об авторе

Роман Сергеевич Перов, аспирант кафедры онтологии и теории познания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, 117198 г. Москва, Российская Федерация, 1142230503@rudn.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9458-8750>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.6>

UDC 1:316.3

LBC 87.6

Submitted: 02.05.2026

Accepted: 29.05.2026

PEDAGOGICAL SYSTEMS AS PROJECTS OF JUSTICE

Nataliya O. Korostina

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article substantiates the thesis that any pedagogical system, regardless of its declared goals, implicitly or explicitly acts as a project of social justice. The relevance of the study is determined by the crisis of the neoliberal model of education, which reduces it to a market service and the training of a narrow “specialist,” contradicting the humanistic tradition of cultural reproduction and the formation of contemporary social reality. A rethinking of the philosophical foundations of education is required due to growing global challenges and inequality. W. Jaeger’s concept of *paideia*, which links the ideal of a person and the ideal of a just society, serves as the methodological framework. Based on the ideas of M. Foucault, P. Bourdieu, and M. Nussbaum, the power, reproductive, and emancipatory mechanisms of education are identified. The methods employed include philosophical reconstruction, comparative analysis, and typologization. The main result of the work is the author’s typological matrix, which classifies pedagogical systems according to two criteria: the type of target society (individualistic/collectivist) and the mode of representing the idea of justice (explicit/implicit project). The matrix is being validated using the material of various pedagogical systems, from the ideas of ancient *paideia* onwards. The analysis shows that justice, as represented in pedagogical systems, can be realized as equality of opportunity, natural order, solidarity, or instrumental efficiency. The scientific novelty consists in the creation of an original matrix for the typology of pedagogical systems. In this work, pedagogical systems are analyzed not from a methodological or historical-pedagogical perspective but from a socio-philosophical one, as projects for building a just society. The practical significance of the study lies in the possibility of using the matrix for the critical assessment of educational policies. The conclusion highlights the need for reflection on the socio-philosophical foundations of pedagogical design in the contemporary context.

Key words: pedagogical system, social justice, *paideia*, project of justice, society, philosophy of education, implicit/explicit project.

Citation. Korostina N.O. Pedagogical Systems as Projects of Justice. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 56-65. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.6>

УДК 1:316.3

ББК 87.6

Дата поступления статьи: 02.05.2026

Дата принятия статьи: 29.05.2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ КАК ПРОЕКТЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Наталья Олеговна Коростина

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье обосновывается тезис, согласно которому любая педагогическая система, вне зависимости от декларируемых целей, имплицитно или эксплицитно выступает проектом социальной справедливости. Актуальность исследования обусловлена кризисом нелиберальной модели образования, сводящей его к рыночной услуге и подготовке узкого «специалиста», что вступает в противоречие с гуманистической традицией воспроизводства культуры и формирования современной социальной реальности. Переосмысление философских оснований образования требуется из-за возрастающих глобальных вызовов и неравенства. Методологической рамкой выступает концепция пайдеи В. Йегера, связывающая воедино образ человека и образ справедливого общества. На основе анализа идей М. Фуко, П. Бурдьё и М. Нуссбаум выявляются властные, воспроизводственные и эмансипаторные механизмы образования. В работе использованы методы философской реконструкции, сравнительного анализа и типологизации. Основным результатом исследования является авторская типологическая матрица, классифицирующая педагогические систе-

мы по двум основаниям: по типу целевого общества (индивидуалистическое / коллективистское) и по способу репрезентации идеи справедливости (эксплицитный / имплицитный проект). Матрица апробируется на материале различных педагогических систем, начиная от идей античной пайдеи. Анализ демонстрирует, что справедливость, представленная в педагогических системах, может реализовываться как равенство возможностей, естественный порядок, солидарность или инструментальная эффективность. Научная новизна состоит в создании авторской матрицы типологии педагогических систем. В данной работе педагогические системы анализируются не с методической или историко-педагогической сторон, а с социально-философской – как проекты построения справедливого общества. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования матрицы для критической оценки образовательной политики. Делается вывод о необходимости рефлексии социально-философских оснований педагогического проектирования в современных условиях.

Ключевые слова: педагогическая система, социальная справедливость, пайдеия, проект справедливости, общество, философия образования, имплицитный / эксплицитный проект.

Цитирование. Коростина Н. О. Педагогические системы как проекты справедливости // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 56–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.6>

Введение

Современная отечественная система образования находится в кризисе, и этот кризис определен не столько формой и организацией, сколько смысловым содержанием. На протяжении нескольких десятилетий мы наблюдаем замену целей образовательной системы. Доминирующая ныне неолиберальная модель, утвердившаяся в постсоветской России, провозглашает главной целью образования создание «специалиста», востребованного на рынке труда, а само образование воспринимается через экономическую призму и предстает в качестве услуги, товара. Эффективность образования измеряется экономическими показателями: прибыль, эффективные контракты, рейтинги, востребованность выпускников и пр. «Хотя официально последнее (образование. – Н. К.) провозглашается духовной ценностью общества, de facto это уже сфера услуг, функционирующая по правилам рынка, конкуренции, получения прибыли. Поэтому мы наблюдаем различные варианты коммерциализации образования. Эти явления и процессы усиливаются на фоне глобализации» [Бадалянц 2020, 84].

Однако гуманистическая традиция, восходящая к античности, понимает под образованием воспроизводство и передачу культуры, ценностей, а также формирование социальной реальности. Сама этимология слова «образование» (нем. *Bildung*, от *Bild* – образ) указывает на приведение человека к некоторому нормативному образу, имплицитно содержащему глубинные ценностные установ-

ки [Карчагин 2013, 127]. Мы видим разрыв, двойственность: обществу требуется свободная личность, думающая, критически мыслящая, творческая, но проводимые образовательные реформы с их стандартизацией, рыночной эффективностью, напротив, формируют de facto необразованных индивидов, ведут к снижению степени доверия ко всей системе образования.

Данное положение дел усугубляется современными вызовами: цифровизацией образования, развитием искусственного интеллекта, усилением социального неравенства. Вопросы педагогики – это не просто споры о методах и подходах к обучению, это важные вопросы социально-политической философии.

В данной статье мы рассмотрим педагогические системы как проекты справедливости, поскольку они определяют доступ к знаниям как к социальному благу, образ «идеального выпускника» образовательных учреждений любого уровня и, следовательно, прямо или косвенно проектируют справедливую модель общественных отношений.

Философская критика образования

Для понимания глубинных механизмов влияния института образования на общество необходимо обращение к философской критике, которая вскрывает властные, социальные и нормативные аспекты педагогики.

Французский философ Мишель Фуко в работе «Надзирать и наказывать» показывает, что современные ему тюрьмы, больницы, казармы и школы являются продуктом ста-

новления «дисциплинарного общества» в XVII–XVIII веках. Фуко интересует не воспитательные идеалы школы, а то, как она реально организована, как она действует на тела и сознания людей. Фуко в своей работе «Интеллектуалы и власть» подчеркивает, что «вся система обучения, которая, как кажется на первый взгляд, создается для того, чтобы распространять знание, ...на самом деле создана для того, чтобы сохранять власть у определенного общественного класса и исключить орудия власти всякого иного общественного класса» [Фуко 2002, 119–120]. Ключевой идеей Фуко является понимание образования как дисциплинарного пространства, которое производит определенный тип субъекта – «послушное тело». Механизмы его формирования: организация пространства (классы, парты, строгая иерархия), регламентация времени (расписание, звонки), техники надзора и экзамены. «Не существует отдельно, с одной стороны, познания или науки, а с другой, общества и государства, но существуют лишь фундаментальные формы “власти – знания”» [Фуко 1996, 118]. Школьные правила, оценки, поощрения и наказания определяют «хороших» и «отстающих» учеников, тем самым совершая «насилие» над множественностью индивидуальных проявлений. На смену «дисциплинарной власти», по Фуко, должна прийти «индивидуализирующая власть», «обращенная к отдельному индивиду» [Фуко 2002]. Эта альтернатива указывает на возможность иной педагогики, ориентированной на автономию субъекта – «человек начинает заботиться о своей дальнейшей жизни, отныне он хочет жить лучше, и это стремление воплощается в желании усердно учиться и воспитывать себя, вне зависимости от возраста» [Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю. 2015, 31].

Французские социологи Пьер Бурдьё и Жан-Клод Пассрон в своей книге «Воспроизводство: элементы теории системы образования» показывают, как школа, провозглашая себя институтом равных возможностей и социальной мобильности, на деле является главным инструментом легитимации и воспроизводства социального неравенства. «Система образования для выполнения своей внешней функции культурного и социального воспроизводства должна формировать габи-

тус, максимально отвечающий принципам культурного произвола, который она уполномочена воспроизводить» [Бурдьё, Пассрон 2007, 67]. Они пишут о «культурном капитале», том «багаже», наследуемом от семьи, с которым ребенок изначально приходит в школу (манеры, знание литературы, музыки, общий кругозор). Дети из привилегированных слоев обладают культурным капиталом, который школа определяет, как «норму», «талант» или «способности». Школа вознаграждает этот капитал и принимает его за природную одаренность. Дети из низших слоев оказываются «культурно обездоленными»: их домашняя культура отличается от школьной, они вынуждены усваивать чуждые им нормы и образы, что воспринимается как недостаток способностей. Этот процесс Бурдьё и Пассрон описывают через понятие «символического насилия». Школа навязывает определенную культурную традицию господствующего класса и считает ее единственно легитимной, объективной и универсальной. «Всякое педагогическое воздействие объективно является символическим насилием, поскольку своей произвольной властью навязывает культурный произвол» [Бурдьё, Пассрон 2007, 24]. Важно подчеркнуть, что эти механизмы воспроизводства неравенства действуют имплицитно: школа не осознает себя инструментом классового отбора, а транслирует «объективное» знание и «беспристрастно» оценивает «способности». Но на деле школьные оценки и экзамены являются не беспристрастным измерением индивидуальных заслуг, а оценивают степень близости семейной культуры ребенка к легитимной культуре. Еще одним важным понятием является «габитус» – он формируется семьей и закрепляется школой. В дальнейшем именно габитус определяет социальные позиции ребенка. «...Габитус, приобретенный в семье, служит основой рецепции и усвоения школьного сообщения, а габитус, приобретенный в школе, служит основой другого уровня рецепции и другой степени усвоения сообщений, создаваемых и распространяемых индустрией культуры и в целом любого научного или полунучного сообщения» [Бурдьё, Пассрон 2007, 55].

Марта Нуссбаум – американский философ, специалист по философии образования –

в работе «Не ради прибыли» осуществляет нормативную критику доминирующих сегодня неолиберальных моделей, которые видят целью образования подготовку необходимых для рынка специалистов. В ее понимании справедливая педагогическая система призвана развивать у обучающихся критическое мышление, эмпатию, воображение и способность к мировому гражданству. «Великие педагоги и государственные деятели понимали, что искусство и гуманитарные науки прививают детям способность к критическому мышлению, которая готовит человека к самостоятельным действиям и разумному сопротивлению слепой силе традиций и авторитетов» [Нуссбаум 2014, 2]. Позиция Нуссбаум задает нормативную шкалу оценки для любой педагогической системы: в какой мере она способствует эмансипации человека, развитию его автономии и способности к солидарности, а в какой – работает на его порабощение и стандартизацию. Ее обращение к «сократовской педагогике» служит тем идеалом, с которым можно сверять любые образовательные проекты.

Рассмотренные критические идеи позволяют нам сформулировать вывод: педагогические системы являются полем борьбы различных механизмов и сил. Фуко указывает на то, что любая педагогическая система содержит в себе властный и дисциплинирующий механизм. При любом подходе школа организует, оценивает и нормализует процесс. Бурдье и Пассрон раскрывают социально-воспроизводящую функцию образования. Образование неизбежно транслирует социальный культурный капитал и легитимирует неравенство. Нуссбаум предлагает модель, каким должно быть образование, чтобы оно работало на эмансипацию, а не на порабощение человека. Ее обращение к «сократовской педагогике» задает шкалу оценивания.

Пайдейя как методологическая рамка: единство педагогики, этики и политики

Ключевым теоретическим фундаментом для нашего анализа является античная концепция пайдейи (παιδεία), раскрытая Вернером Йегером. В его труде «Пайдейя. Воспитание античного грека» пайдейя предстает как

преобразование человека, формирование идеальной человеческой личности (καλοκάγαθία) и, следовательно, идеального полиса и культуры. «Греческая пайдейя, в том виде, в каком римский государственный муж воспринял ее как образец, исходит не из отдельного, а из идеи. Выше человека – стадного животного и мнимо автономного Я – стоит человек как Идея: так всегда на него смотрели греки-воспитатели» [Йегер 1997, 23].

Пайдейя представляет собой:

Во-первых, создание и трансляцию культурного идеала, направленного на преодоление хаоса и архаики; именно благодаря этическим идеалам полис объединялся в культурном единстве;

Во-вторых, калокагатию – гармонию физического и духовного совершенства, единство внутренней добродетели и внешнего проявления. Такой гражданин, «прекрасный и добрый», был гарантом стабильности и справедливости полиса, так как руководствовался внутренними, усвоенными нормами;

В-третьих, воспроизводство элиты, способной к разумному управлению на основе добродетели (аретэ – ἀρετή).

Таким образом, пайдейя предоставляет собой модель, в которой педагогика, этика и политика находятся во взаимосвязи. Главным условием существования справедливого общества для античных греков являлось формирование идеального гражданина. В йегеровской модели педагогика предстает как ядро социального бытия. Образование в этом контексте выступает ключевым механизмом трансляции и закрепления представлений о должном порядке, образуя отдельную «информационно-образовательную область справедливости», а сама справедливость может быть понята как «аксиологическая идея о мере должного распределения социальных благ и тягот» [Карчагин 2013, 127–128].

Опираясь на эту идею, мы рассмотрим педагогические системы с точки зрения категорий справедливости. Методология исследования сочетает историко-философский аспект с элементами сравнительного педагогического и социально-философского анализа. В качестве материала рассматриваются теоретические труды, раскрывающие основы педагогического проектирования.

Типология педагогических систем

Главной гипотезой нашей работы выступает идея о том, что педагогические системы являются прямо или косвенно проектами справедливого устройства общества. Такой подход опирается на понимание справедливости как «оправданности социокультурного порядка», где культура предоставляет обоснование того, какая мера разделения благ и тягот является наилучшей. Выделяемые нами индивидуалистическая и коллективистская модели соответствуют двум фундаментальным типам социокультурного порядка: «акцент на части и акцент на целом, когда в качестве высшей ценности признается индивид или общество» [Карчагин 2015, 33].

Мы сосредоточимся на том, какой образ человека и общества закладывается в самой педагогической системе.

Мы разделили наиболее известные педагогические системы следующим образом: (см. таблицу).

Эксплицитные проекты открыто заявляют свою социально-политическую цель, свою идеологию достижения справедливости. Имплицитные проекты явно не заявляют о справедливости, но посредством организации образовательного процесса *de facto* влияют на формирование личности, которая, в свою очередь, формирует общественное устройство определенного типа.

Индивидуалистическая модель нацелена на социальную систему с приоритетом индивида над социальным целым. Коллективистская модель общества нацелена на социальную систему, где коллектив и общественное целое довлеет над индивидом.

Важно подчеркнуть, что предложенная матрица не предполагает жесткой демаркации: отдельные педагогические системы могут занимать пограничное положение, соче-

тая черты разных типов. Особенно показателен в этом отношении пример П. Фрейре, чья педагогика соединяет коллективистскую направленность с индивидуалистическими методами развития критического сознания.

Далее охарактеризуем наиболее яркие образцы для каждой ячейки полученной матрицы.

1. Эксплицитные индивидуалистические проекты: свобода от общества

Ярким примером данной группы педагогических систем является система естественного воспитания и обучения Жан-Жака Руссо («Эмиль, или О воспитании»). Его педагогическая теория рассматривается во взаимосвязи с социально-политической философией, представленной в трудах «Общественный договор» и «Рассуждение о происхождении неравенства».

Период творчества Руссо приходится на эпоху Просвещения, именно тогда разум, свобода и естественные права человека выходят на первый план новой европейской мысли. Руссо заявлял о том, что разум – это высшая ценность, что ребенок рождается свободным и равным, а счастье и благополучие каждого отдельного человека является главной целью общественного устройства. Воспитание и образование Руссо – это «возврат к природе», искусство развития истинной свободы человека, зависящей только от него самого. Руссо в своем труде «Рассуждение о происхождении неравенства» критикует современное ему общество, считает, что социальные институты развращают человека, который становится эгоистичным, завистливым, разобщенным и поработленным мнением других – данное состояние он называет «болезненное отчуждение».

В «Эмиль, или О воспитании» Руссо пишет о создании автономного, естественного

Типология педагогических систем

	Эксплицитный проект	Имплицитный проект
Индивидуалистическая модель	Ж.-Ж. Руссо, Ж. Ферри, А. Нилл	М. Монтессори, Р. Штайнер, Ш. Амонашвили
Коллективистская модель	А. Макаренко, Н. Крупская, В. Сухомлинский, П. Фрейре	Прусская модель образования (реформы Гумбольдта)

человека, без вредных влияний общества. «Все выходит хорошим из рук Творца, все вы рождается в руках человека» [Руссо 1981, 5]. Главным дидактическим принципом, по мнению Руссо, является счастье человека, которое есть дар природы. Основная задача воспитания – сформировать сердце, суждение и ум. Справедливость понимается как свобода от развращающего влияния общества и реализуется через культивацию естественного начала.

Другим примером на институциональном уровне выступает французская республиканская школа эпохи Третьей республики (реформы Ж. Ферри, 1880-е гг.). Образовательные реформы Жюль-Франсуа-Камиля Ферри – французского политического и государственного деятеля – на законодательном уровне установили принципы, являющиеся основой современной системы французского образования. Справедливость понимается как равенство всех перед единым, рациональным знанием и возможность свободного карьерного роста, основанного на личных способностях. Ферри считал, что школа должна воспитывать гражданина, делая упор на нравственное и гражданское образование, которое должно быть обязательным, бесплатным и светским, не зависеть от влияния традиционных систем [Федулова 2016, 628]. Эксплицитная цель – формирование гражданина нации. Справедливость выступает как равенство возможностей, а знания являются социальным лифтом. «Основным следствием принятия законов Ферри 1881–1882 гг. стало образование прочной социальной базы для становления гражданского общества, руководствующегося республиканскими идеями и принципами» [Федулова 2016, 630].

Особого упоминания заслуживает Александр Нилл, основатель школы Саммерхилл. В своей практике он довел принцип свободы ребенка до радикального воплощения, отказавшись от обязательных уроков, оценок и принуждения. Нилл исходил из убеждения, что свободный ребенок, не подавленный авторитетом взрослых, естественным образом вырастет в ответственного и счастливого человека, способного к сотрудничеству с другими на основе внутренней дисциплины, а не внешнего принуждения. Нилл критиковал существую-

ющую систему образования за воспитание «слишком послушных» детей, которые не способны бросить вызов. «Печальный факт: обработанные таким образованием люди принимают пороки своего общества как должное» [Нилл 2019, 8]. В своей книге Нилл задается вопросом «почему изначально доброе человечество создает такой нездоровый, несправедливый и жестокий мир?» И отвечает на этот вопрос: «Человечество излечилось бы от своих болезней, если бы мы смогли избавиться от тирании в семье, строгих школ, жизнеотрицающей религии. Но как же огромно это “если бы”!» [Нилл 2019, 9]. Он эксплицитно заявляет о возможности изменить социальное устройство «ты не имеешь права на неучастие. Борись с нездоровьем мира, но не лекарствами вроде нравственных поучений и наказаний, а натуральными средствами – принятием, нежностью, терпимостью» [Нилл 2019, 9]. А. Нилл не строил развернутой социально-философской теории, его педагогический эксперимент содержит проект общества, основанного на доверии к природе человека и уважении к автономии каждой личности.

2. Эксплицитные коллективистские проекты: служение общему благу

Классическим примером здесь выступают советские педагогические системы 1930–1950-х гг. (А.С. Макаренко, Н.К. Крупская, В.А. Сухомлинский). Справедливое общество понималось как бесклассовое и коммунистическое, основанное на принципах социальной справедливости и равенства. Задачей образования провозглашалось формирование «строителя коммунизма», личные цели которого непосредственно связаны с интересами коллектива [Макаренко 1981]. Данная задача реализовывалась посредством идеологии, коллективных форм деятельности и строгой иерархии. Воспитание в коллективе и через коллектив рассматривалось как магистральный путь формирования новой личности.

Иной вариант представляет Паулу Фрейре и его «Педагогика угнетенных». Паулу Фрейре – бразильский педагог-марксист. «Я никогда не мог принять мистификацию о том, что образование – это нейтральная деятельность. Я думаю, что верно обратное, что об-

разование – это всегда политический акт» [Фрейре 2018]. Он резко критикует сложившуюся «банковскую модель» образования, в которой учитель «вкладывает» знания в пассивного ученика, что и является механизмом «угнетения». Альтернативной моделью, по его мнению, является проблемно-ориентированное образование, пробуждающее критическое сознание (*conscientização*). Его целью было не просто распространение грамотности, а осознание безграмотными взрослыми своего экономического, социального и политического положения в мире, за которым неизбежно последовала бы решимость его изменить. «Образование не меняет мир. Образование меняет людей. Люди меняют мир» [Фрейре 2018].

Фигура Фрейре занимает особое, пограничное положение в нашей матрице. При явной коллективистской направленности (освобождение угнетенных как класса, солидарность, борьба за социальную справедливость) его педагогика делает ставку на развитие критического сознания каждого отдельного человека. «Я никогда не мог принять мистификацию о том, что образование – это нейтральная деятельность. Я думаю, что верно обратное, что образование – это всегда политический акт» [Фрейре 2018]. Пробуждение индивидуального субъекта, способного к рефлексии и действию, – необходимое условие для любой коллективной эмансипации. Это сближает Фрейре с индивидуалистическими моделями, демонстрируя, что границы между типами не являются абсолютными, а скорее отражают доминирующие акценты.

3. Имплицитные индивидуалистические проекты: среда для автономии

Данная группа педагогических систем сосредоточена на ребенке, его развитии, создании правильной развивающей среды; они не заявляют открыто о своей социально-философской функции и, возможно, даже не осознают ее. Но сама эта среда, принцип обучения и воспитания создают определенную модель общественных отношений.

Примером данной группы педагогических систем является педагогика Марии Монтессори. Основная идея системы Монтессори выражена в принципе «Помоги мне это сде-

лать самому». «О, Господи, помоги нам вникнуть в секрет детства, чтобы мы могли знать ребенка, любить и служить ему в соответствии с законами Твоей справедливости и следовать Твоей воле!» [Монтессори 2001, 4]. По ее мнению, в каждом ребенке заложен огромный природный потенциал; чтобы его развить, необходимо создать соответствующие условия. Основной принцип обучения – это создание развивающей среды, в которой ребенок захочет проявить свои индивидуальные способности.

Сама эта среда способствует формированию личности, способной к автономному целеполаганию, самодисциплине и уважению границ другого. Ключевые элементы: свобода выбора деятельности и материалов, индивидуальная работа или работа в малых группах по интересам, отсутствие соревнования и системы оценок. Достигнув возраста 6–7 лет, дети естественным образом проявляют интерес к социализации, которая предполагает умение видеть свои границы, уважать границы других и действовать в коллективе исходя из общих интересов, но сохраняя себя. Монтессори-среда формирует общество, где гармония и порядок достигаются внутренней саморегуляцией свободных личностей. Справедливость в этой имплицитной модели выступает как естественный порядок, возникающий из уважения к автономии каждого и саморегуляции свободных индивидов.

К этой же группе можно отнести Вальдорфскую педагогику Рудольфа Штайнера, где центральное место занимает следование природным ритмам развития ребенка, формирование творческих способностей и целостного восприятия мира. «Главной задачей воспитания Штайнер считал концентрацию в человеке “свободного духа”, – под которым понимается сосредоточение в сознании интеллектуальных и душевных способностей, – и его реализацию в жизненной практике» [Помелов 2010, 120]. Штайнер выдвинул идею о том, что школа должна быть основана на свободе, самоуправлении и ответственности педагогов.

Еще одним примером в данной группе может выступить гуманистическая педагогика Шалвы Амонашвили, в центре которой находится личность ученика и сотрудничество учителя и детей, основанное на любви

и уважении. Конец 1950-х – начало 1990-х гг. ознаменован новой философией образования – гуманно-личностной педагогикой. Гуманизм и Личность – были главными понятиями педагогического учения [Богуславский 2011, 28]. «Действительно гуманная педагогика – это та, которая в состоянии приобщить детей к процессу созидания самих себя» [Амонашвили 1986, 46]. «Учитель в стенах школы моделирует будущее общество» [Амонашвили 1991, 8].

Социальный идеал в педагогических системах данной группы не заявляется, но он, пронизывая сам образовательный процесс, результируется в формировании соответствующей общественной системы – общества автономных, ответственных и уважающих друг друга личностей.

4. Имплицированные коллективистские проекты: порядок и дисциплина

К данной группе относятся системы, в которых наблюдается четкая иерархия и дисциплина, но при этом не говорится прямо о справедливости. Социальный идеал присутствует здесь имплицитно – в самой организации образовательного процесса, в тех добродетелях, которые культивируются, и в тех качествах личности, которые считаются желательными.

Классическим примером служит прусская модель образования XIX в. (реформы прусского министра образования Вильгельма фон Гумбольдта). Гумбольдт, формируя свою модель образования, опирался на классический гуманистический идеал *Bildung*, понимаемый как всестороннее развитие личности, самосовершенствование, развитие ответственности и творчества. Однако на практике, особенно после реформ 1810-х гг. и в ходе дальнейшей институционализации, эта система превратилась в инструмент государственного контроля и подготовки дисциплинированных солдат и послушных рабочих. Дисциплина, стандартизация и иерархия стали главными добродетелями. Школа была полностью подконтрольна правительству; с целью облегчения надзора был разработан единый учебный план, стандарты, введены выпускные экзамены, была уч-

реждена классно-урочная система обучения. Император Вильгельм II на школьном съезде 1890 г. заявил: «Это наш долг воспитать молодых людей так, чтобы они стали молодыми немцами, а не молодыми греками или римлянами» [Бим-Бад web]. Здесь справедливость понимается инструментально – как порядок и предсказуемость, обеспечиваемые четким исполнением каждой своей социальной функции, что ведет к стабильности государства.

Заключение

В результате мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, любая педагогическая система представляет собой философско-политическую программу, эксплицитно или имплицитно она формирует определенный тип личности, которая, в свою очередь, формирует определенный способ общественного устройства. Педагогические системы, будучи частью информационно-образовательной области распределения социальных благ, выступают ключевым механизмом реализации представлений о справедливости.

Во-вторых, в различных педагогических системах по-разному представлена и сама справедливость: как равенство возможностей и уважение к автономии отдельной личности в индивидуалистических моделях, как солидарность, служение общему благу и функциональный порядок в коллективистских моделях. При этом внутри образовательной области действуют как внешние нормы (задаваемые государством, рынком, религией), так и внутренние (связанные с распределением знаний и оцениванием).

В-третьих, существует разница между целями образования и его эффектами; любые проекты справедливости содержат в себе влияние власти, дисциплины и социального воспроизводства, которые требуют осмысления. Задача исследователя и практика – сделать имплицитные проекты эксплицитными, осознать, какой именно «образ» человека мы транслируем и к какому типу общества это ведет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амонашвили 1986 – Амонашвили Ш.А. Как живете, дети? М.: Просвещение, 1986.
- Амонашвили 1991 – Амонашвили Ш.А. Психологические основы педагогики сотрудничества. Киев: Освита, 1991.
- Бадалянец 2020 – Бадалянец О.В. Трансформации в обществе и образовании: противоречия и тенденции // *Философия и общество*. 2020. № 2 (95). С. 81–96.
- Бим-Бад web – Бим-Бад Б.М. История государственной школы в Германии (XVIII – первая треть XX века) // *Историко-педагогический журнал*. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-gosudarstvennoy-shkoly-v-germanii-xviii-pervaya-tret-hh-veka>
- Богуславский 2011 – Богуславский М.В. Феномен Ш.А. Амонашвили (к 80-летию со дня рождения) // *Проблемы современного образования*. 2011. № 1. С. 26–41.
- Бурдые, Пассрон 2007 – Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007.
- Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю. 2015 – Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю. Идеи М. Фуко об образовании как социальном институте // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2015. № 2 (35). С. 113–119.
- Йегер 1997 – Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997.
- Карчагин 2013 – Карчагин Е.В. Нормы справедливости в области образования // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 6: Унив. образование. 2013. № 14. С. 127–131.
- Карчагин 2015 – Карчагин Е.В. Справедливость как социокультурный феномен // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 4 (30). С. 28–36.
- Макаренко 1981 – Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: Популяр. лит., 1981.
- Монтессори 2001 – Монтессори М. Помогите мне сделать это самому. М.: Карапуз, 2001.
- Нилл 2019 – Нилл А.С. Воспитание свободой. Школа Саммерхилл. М.: АСТ, 2019.
- Нуссбаум 2014 – Нуссбаум М. Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Высш. шк. экономики, 2014.
- Помелов 2010 – Помелов В.Б. Рудольф Штейнер и его вальдорфская педагогика (к 150-летию со дня рождения) // *Вестник ВятГУ*. 2010. № 2-1. С. 120–127.
- Руссо 1981 – Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1: Эмиль, или О воспитании. М.: Педагогика, 1981.
- Федулова 2016 – Федулова К.А. Роль реформ Жюль Ферри в становлении французской системы образования // *Молодой ученый*. 2016. № 27 (131). С. 627–630.
- Фрейре 2018 – Фрейре П. Педагогика угнетенных. М.: Радикал. теория и практика, 2018.
- Фуко 1996 – Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. Киев: Ника-Центр, 1996.
- Фуко 2002 – Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С.Ч. Офертаса. М.: Практика, 2002.

REFERENCES

- Amonashvili Sh.A., 1986. *How Are You, Children?* Moscow, Prosveshchenie Publ.
- Amonashvili Sh.A., 1991. *Psychological Foundations of Cooperation Pedagogy*. Kiev, Osvita Publ.
- Badal'yants O.V., 2020. Transformations in Society and Education: Contradictions and Trends. *Filosofiya i obshchestvo*, no. 2 (95), pp. 81-96.
- Bim-Bad B.M., 2015. History of the State School in Germany (18th – First Third of the 20th Century). *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-gosudarstvennoy-shkoly-v-germanii-xviii-pervaya-tret-hh-veka>
- Boguslavsky M.V., 2011. The Phenomenon of Sh.A. Amonashvili (On the 80th Anniversary of His Birth). *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, no. 1, pp. 26-41.

- Bourdieu P., Passeron J.-C., 2007. *Reproduction: Elements of the Theory of the Education System*. Moscow, Prosveshchenie Publ.
- Vishnevsky Yu.R., Vishnevsky S.Yu., 2015. M. Foucault's Ideas on Education as a Social Institution. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2 (35), pp. 113-119.
- Jaeger V., 1997. *Paideia. The Education of the Ancient Greek*. Moscow, Greko-latin. kabinet Yu.A. Shichalina Publ.
- Karchagin E.V., 2013. Norms of Justice in Education. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Univ. obrazovanie*, no. 14, pp. 127-131.
- Karchagin E.V., 2015. Justice as a Social and Cultural Phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii*, no. 4 (30), pp. 28-36.
- Makarenko A.S., 1981. *Pedagogical Poem*. Moscow, Populyar. lit. Publ.
- Montessori M., 2001. *Help Me Do It Myself*. Moscow, Karapuz Publ.
- Neill A.S., 2019. *Education by Freedom: Summerhill School*. Moscow, AST Publ.
- Nussbaum M., 2014. *Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities*. Moscow, Vyssh. shk. ekonomiki.
- Pomelov V.B., 2010. Rudolf Steiner and His Waldorf Pedagogy (On the 150th Anniversary of His Birth). *Vestnik IyatGU*, no. 2-1, pp. 120-127.
- Rousseau J.J., 1981. *Pedagogical Works. In 2 Vols. Vol. 1: Emile, or On Education*. Moscow, Pedagogika Publ.
- Fedulova K.A., 2016. The Role of Jules Ferry's Reforms in the Formation of the French Education System. *Molodoy uchenyy*, no. 27 (131), pp. 627-630.
- Freire P., 2018. *Pedagogy of the Oppressed*. Moscow, Radikal. teoriya i praktika Publ.
- Foucault M., 1996. *The Archaeology of Knowledge*. Kiev, Nika-Centr Publ.
- Foucault M., 2002. *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews*. Moscow, Praksis Publ.

Information About the Author

Nataliya O. Korostina, Lecturer, Department of Philosophy, Sociology and Psychology, Volgograd State Technical University, Akademicheskaya St, 1, 400074 Volgograd, Russian Federation, cdp_iais@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2545-5509>

Информация об авторе

Наталья Олеговна Коростина, преподаватель кафедры философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет, ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация, cdp_iais@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2545-5509>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.7>

UDC 101.1:316

LBC 87.6

Submitted: 11.03.2026

Accepted: 29.05.2026

CRITICISM OF POSTHUMANISM, TRANSHUMANISM, AND JUSTIFICATION FOR RECOGNIZING TECHNOLOGICALLY MODIFIED HUMANS

Daniil V. Iunusov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Abstract. The article analyzes posthumanism and transhumanism as competing philosophical discourses that construct the techno-modified subject in different ways within contemporary technoculture. The accelerated development of NBIC technologies, artificial intelligence systems, and bioengineering shifts the technological modification of human beings into the realm of acute socio-political problems. Practices of genetic editing and cyborgization highlight issues concerning the boundaries of the human, the redistribution of resources, and new configurations of power and inequality. The author shows that the posthumanist perspective provides a critical vocabulary for deconstructing the boundaries between the human and the non-human, as well as for detailing distributed and hybrid subjectivity. However, the radical deconstruction of the autonomous subject complicates the development of positive normative criteria: it becomes unclear how to allocate responsibility, justice, and dignity within complex networks of relations. Transhumanism, in turn, articulates the values of autonomy and the right to technological self-improvement aimed at overcoming biological limitations, enhancing cognitive abilities, and radically extending lifespan. Nevertheless, this project does not sufficiently take into account the socio-political consequences of techno-differences. The dominant techno-commercial versions of transhumanism have an individualistic orientation and ignore risks such as unequal access to technologies, the exclusion of “unenhanced” individuals, and status conflicts. As an alternative framework, the article draws on the tradition of Russian cosmism, where overcoming human limitations is conceived not as an individual privilege, but as a collective “common cause” based on solidarity and equal access. The author concludes that it is necessary to supplement these discourses with theories of recognition and the analysis of practices of inclusion and exclusion. The integration of the category of recognition will allow moving from the critique of future scenarios to the development of a comprehensive normative model of technoculture, where overcoming limitations is combined with preserving the dignity and mutual respect of the participants in social interaction.

Key words: posthumanism, transhumanism, technoculture, recognition, normative model of technoculture, technological modification of the human being.

Citation. Iunusov D.V. Criticism of Posthumanism, Transhumanism, and Justification for Recognizing Technologically Modified Humans. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 66-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.7>

УДК 101.1:316

ББК 87.6

Дата поступления статьи: 11.03.2026

Дата принятия статьи: 29.05.2026

КРИТИКА ПОСТГУМАНИЗМА, ТРАНСГУМАНИЗМА И ОБОСНОВАНИЕ ПРИЗНАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА

Даниил Валиевич Юнусов

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются постгуманизм и трансгуманизм как конкурирующие философские дискурсы, по-разному конструирующие техномодифицированного субъекта в условиях современной

технокультуры. Ускоренное развитие НБИК-технологий, систем искусственного интеллекта и биоинженерии переводит технологическую модификацию человека в плоскость острых социально-политических проблем. Практики генетического редактирования и киборгизации актуализируют вопросы о границах человеческого, перераспределении ресурсов и новых конфигурациях власти и неравенства. Автор показывает, что постгуманистическая перспектива дает критический язык для деконструкции границ человеческого и нечеловеческого, а также детального описания распределенной и гибридной субъектности. Однако радикальная деконструкция автономного субъекта затрудняет выработку позитивных нормативных критериев: становится неочевидно, как распределять ответственность, справедливость и достоинство в сложных сетях отношений. Трансгуманизм, в свою очередь, формулирует ценности автономии и артикулирует право на технологическое самосовершенствование в целях преодоления биологических ограничений, усиления когнитивных способностей и радикального продления жизни. Тем не менее этот проект недостаточно учитывает социально-политические последствия техноразличий. Доминирующие технокоммерческие версии трансгуманизма имеют индивидуалистическую установку и игнорируют такие риски, как неравенство доступа к технологиям, исключение «неулучшенных» индивидов и конфликты новых статусов. В качестве альтернативной рамки в статье привлекается традиция русского космизма, в которой преодоление человеческих ограничений мыслится не как индивидуальная привилегия, а как коллективное «общее дело», основанное на солидарности и равном доступе. Автор приходит к выводу о необходимости дополнения этих дискурсов теориями признания и анализа практик включения и исключения. Интеграция категории признания позволит перейти от критики сценариев будущего к разработке полноценной нормативной модели технокультуры, где преодоление ограничений сочетается с сохранением достоинства и взаимного уважения участников социального взаимодействия.

Ключевые слова: постгуманизм, трансгуманизм, технокультура, признание, нормативная модель технокультуры, технологическая модификация человека.

Цитирование. Юнусов Д. В. Критика постгуманизма, трансгуманизма и обоснование признания технологически модифицированного человека // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 66–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.7>

Введение

Ускоренное развитие НБИК-технологий, биоинженерии, нейроинтерфейсов и систем искусственного интеллекта переводит технологическую модификацию человека в область социально-политических проблем. Практики радикального улучшения, в отличие от компенсирующей терапии, усиливают вопрос о границах человеческого, перераспределении уязвимости и ресурсов, а также о новых конфигурациях власти и неравенства.

Ключевые философские отклики формируются в дискурсах постгуманизма и трансгуманизма. Постгуманизм у Д. Харауэй [Харауэй 2017], Н.К. Хэйлс [Hayles, 1999], Р. Брайдотти [Брайдотти 2021], Ф. Феррандо [Феррандо, 2022] деконструирует границу «человек-нечеловек», критикует гуманистический образ автономного субъекта и описывает гибридные формы субъектности. Трансгуманизм, напротив, проектирует нормативную программу улучшения человека, опираясь на Н. Бострома [Bostrom 2014], документы Humanity+ и Transhumanist FAQ [Transhumanist FAQ web].

В российском контексте трансгуманизм и его критика представлены в работах А.А. Болонкина [Болонкин 2007], В.А. Кутырева [Кутырев 2010], Д.И. Дубровского [Дубровский web], П.В. Кайгородова [Кайгородов 2014], а также в коллективных исследованиях о трансгуманизме и техносетях [Аверьянов и др. web]. Существенный массив критики развивают Л.Г. Черемных [Черемных, Губанов web], Ю.В. Жолобова и Е.А. Счастливцева [Жолобова, Счастливцева 2019], А.Ф. Поломошнов [Поломошнов 2017]. Генетически мотив преодоления ограничений соотносится с русским космизмом В.И. Вернадского [Вернадский 1993] и Н.Ф. Федорова [Федоров 1906], однако постмодерные версии пост- и трансгуманизма часто индивидуализируют антропотехническое совершенствование и сопрягают его с рыночной коммерциализацией технологий.

Эти процессы накладываются на более общий тренд неустойчивости индивидуальной и социальной идентичности в условиях глобализации. Цифровые коммуникации позволяют конструировать и даже скрывать персональную идентичность ради позитивной социальной оценки, что сопровождается деперсона-

лизацией как ценой отказа от целостности прежнего «Я» [Поздьева 2018, 194].

При интенсивности дискуссий сравнительно слабо исследованы формы признания и непризнания техномодифицированных субъектов, механизмы включения и исключения и институциональные рамки допустимого преобразования человеческого. Цель статьи состоит в критическом анализе предпосылок пост- и трансгуманизма и постановке проблемы дефицита институционального и социального признания в оценке биотехнических вмешательств. Методология опирается на критико-аналитический и сравнительный подходы с элементами дискурса-анализа. Новизна связана с интерпретацией обоих дискурсов через призму признания как ресурса социальной интеграции и легитимации различий.

Постгуманистическое переопределение субъекта в технокультуре

Постгуманизм объединяет подходы, проблематизирующие гуманистический образ автономного, рационального и центрированного субъекта. В отличие от трансгуманизма, сохраняющего антропоцентрическую оптику и трактующего человека как проект улучшения [Bostrom, 2014], постгуманизм концентрируется на деконструкции границы человеческого и нечеловеческого [Харауэй 2017; Hayles 1999; Брайдотти 2021; Феррандо 2022]. Он исходит из того, что человек уже включен в сети отношений с технологиями, животными, экосистемами и информационными средами.

Фигура киборга у Д. Харауэй фиксирует гибридность органического и технического и подрывает бинарные оппозиции «человек-машина» и «человек-животное» [Харауэй 2017, 9]. Н.К. Хэйлс показывает смещение акцента с телесного носителя на информацию и описывает постчеловека как узел потоков, а не как устойчивое внутреннее «Я» [Hayles 1999, 2]. Р. Брайдотти, критикуя универсалистский образ человека европейской традиции, предлагает концепцию «номадического субъекта», задающий множественность и подвижность субъектности [Брайдотти 2021, 98]. Ф. Феррандо различает постгуманизм, трансгуманизм и антигуманизм и подчеркивает расширение агентности и круга

морально и политически значимых субъектов за пределы *Homo sapiens* [Феррандо 2022, 317].

Генеалогически постгуманистический поворот связан с критикой субъекта у М. Фуко и у Ж. Делеза и Ф. Гваттари. М. Фуко анализирует дисциплинарную власть и биополитику, показывая, как институты формируют тела и популяции через нормализацию и контроль [Фуко 1999, 198]. Ж. Делез и Ф. Гваттари описывают субъективность как динамику потоков и сборок и тем самым подрывают представление о субъекте как стабильном носителе идентичности [Делез, Гваттари 2010, 223]. Эти линии усиливают язык описания гибридной субъектности, но одновременно обостряют нормативный вопрос о том, как определять ответственность, права и обязанности в условиях распределенной субъектности.

Трансгуманизм как проект технологического улучшения человека

Трансгуманизм задается как нормативный проект радикального улучшения человека средствами науки и техники, сохраняя антропоцентрическую перспективу: человек признается исходной точкой моральной оценки, но его природа мыслится как открытая для направленного совершенствования. В работах Н. Бострома и в документах Humanity+ трансгуманизм описывается как программа преодоления биологических ограничений и конструирования постчеловеческого состояния с расширенной продолжительностью жизни, усиленными когнитивными способностями и увеличенной свободой выбора [Bostrom 2014, 48].

Transhumanist FAQ (Humanity+) фиксирует цели радикального продления жизни, поддержания когнитивных функций и применения генной инженерии и нанотехнологий для долговременной функциональности тела [Transhumanist FAQ web]. В числе перспективных направлений обозначаются интерфейсы «мозг – компьютер», фармакологические средства и когнитивные практики усиления, развитие искусственного интеллекта, а также сценарий «загрузки сознания» как путь к цифровому бессмертию [Bostrom 2014, 25]. В результате классические гуманистические ценности автономии и самосовершенствования переформируются в технологически ориентированном горизонте.

В российском контексте радикально технооптимистическую линию развивает А.А. Болонкин, описывающий переход к «электронной цивилизации» и модели цифрового бессмертия [Болонкин 2007, 24]. П.В. Кайгородов показывает, как трансгуманизм конструирует антропологию, где тело трактуется как модуль, а личность определяется функциональными и информационными характеристиками [Кайгородов 2014, 129]. Д.И. Дубровский, анализируя перенос сознания на искусственный носитель, указывает на спекулятивность многих моделей и дефицит четких критериев идентичности и субъективного переживания [Дубровский web]. При различии оценок общим остается тезис о нарастающей роли технологических вмешательств, что требует систематического социально-философского анализа, включая оценку социальных последствий.

Ограничения постгуманизма в отношении нормативности и признания

Постгуманистические концепции убедительно демонстрируют гибридный характер субъекта в технокультуре и историческую подвижность границы человеческого и нечеловеческого [Харауэй 2017, 14; Hayles 1999, 95; Феррандо 2022, 323]. Однако радикальная деконструкция субъекта, несмотря на разработку постантрополоцентрической этики (номадической, витальной) порождает дефицит институционально-правовой опоры: в условиях растворения субъекта в сетях отношений и сборок, то становится неочевидно, кому адресовать требования справедливости, на чем строить критерии моральной оценки и в каких понятиях говорить о правах и обязанностях гибридных форм жизни.

Это напряжение усиливается в связи с генеалогической критикой субъекта. М. Фуко вскрывает механизмы дисциплинарной власти и биополитики [Фуко 1999, 435], а Ж. Делез и Ф. Гваттари предлагают язык потоков и сборок [Делез, Гваттари 2010, 52]. Постгуманизм радикализирует эти интуиции в условиях цифровых сетей и биотехнологий, предоставляя сильное описание распределенной субъектности, но не давая достаточного ответа на вопросы распределения ответственности, вины и нормативного статуса.

Дополнительный слой сложности задает анализ поздней технокультуры. Ж. Бодрийяр показывает, как медийная реальность размывает различия между реальным и виртуальным и осложняет традиционные формы моральной оценки [Baudrillard 1993, 83]. Э. Дэвис исследует квазирелигиозные ожидания, формирующиеся вокруг цифровых технологий, и фиксирует одновременную мобилизацию и размывание привычных представлений о добре, зле и ответственности [Дэвис 2008, 15]. В этих условиях постгуманистическая диагностика оказывается сильнее, чем нормативная артикуляция процедур коллективной оценки допустимых и недопустимых форм техномодификации. Следовательно, для социально-философского анализа техномодифицированного субъекта постгуманистическую перспективу требуется дополнять рамкой, описывающей признание, непризнание и борьбу за признание в технокультуре.

Социально-философская критика трансгуманизма

Критика трансгуманизма исходит из того, что он сочетает технооптимизм с индивидуалистической установкой. В.А. Кутырев трактует трансгуманизм как проект абсолютизации технических средств и редукции человеческой сущности к набору параметров инженерной настройки [Кутырев 2010, 2]. Ф. Фукуяма подчеркивает, что радикальные биотехнологические вмешательства способны подорвать идею равенства, поскольку политический статус начинает зависеть от доступа к технологиям и готовности применять их [Фукуяма 2004, 19].

В российской мысли критика получает также идеологическое измерение: в докладе Изборского клуба «Трансчеловек против человека» В.И. Аверьянов, В.И. Баранов, А. Комогорцев и соавторы показывают, что трансгуманистические проекты воспринимаются частью общества как угроза «традиционному человеку» и культурным основаниям человеческого мира [Аверьянов и др. web]. Тем самым конфликт касается не только индивидуального выбора, но и коллективных критериев того, кого считать человеком и какие пределы вмешательства допустимы.

Для анализа последствий трансгуманистических программ продуктивно различать

мега-, макро-, мезо- и микроуровни: от человечества в целом до отдельных индивидов. На этих уровнях трансгуманизм фактически участвует в переконфигурации критериев «нормальности» и «девиации», «человеческого» и «нечеловеческого». Важный пласт критики связан с техноразличиями: усилением стратификации между «улучшенными» и «неулучшенными», ростом уязвимости тех, кто не имеет доступа к технологиям, и возникновением новых форм дискриминации по степени техномодификации [Черемных, Губанов web]. Ю.В. Жолобова и Е.А. Счастливецва подчеркивают риск переноса внимания с преобразования социальных отношений на техническую перестройку индивида, что способно закреплять неравенство в телесных и когнитивных параметрах [Жолобова, Счастливецва 2019, 17]. Религиозно-философская критика у А.Ф. Поломошнова трактует трансгуманизм как антропологический волюнтаризм и секуляризованную версию спасения через технологии [Поломошнов 2017, 23].

Во всех линиях критики ключевой остается проблема признания. Трансгуманизм предполагает, что доступ к технологиям и готовность ими воспользоваться автоматически улучшают положение субъектов и что институты адаптируются к новым формам жизни. Однако остается открытым вопрос о признании техномодифицированных субъектов как полноправных участников сообществ, о преобразовании критериев нормальности и о процедурах легитимации допустимых форм улучшения. Без анализа структуры признания и механизмов включения и исключения трансгуманизм рискует оставаться технократической утопией, не учитывающей конфликты интересов и ценностей.

Русский космизм и проекты преодоления человеческих ограничений

Русский космизм задает альтернативную рамку обсуждения преодоления ограничений. У В.И. Вернадского человечество описывается как геологическая сила, включенная в эволюцию биосферы и переходящая к ноосфере, где разумная деятельность становится определяющим фактором преобразования среды. Концепция «автотрофности чело-

вечества» предполагает расширение возможностей самоподдержания и саморазвития [Вернадский 1993]. У Н.Ф. Федорова преодоление смерти мыслится как «общее дело», связанное с коллективной ответственностью и солидарностью поколений, а не как индивидуальная привилегия [Федоров 1906, 115].

Сопоставление с трансгуманизмом выявляет различие в понимании субъекта и справедливости: либертарианское течение трансгуманизма, в отличие от его демократических версий, ориентированных на равный доступ, акцентирует право индивида распоряжаться телом и сознанием, тогда как космизм в своем изначальном идеале, несмотря на исторические риски элитарных трактовок, связывает радикальные проекты с участием, равенством в доступе к плодам прогресса и вниманием к исключенным. Это различие поддерживает вывод о необходимости анализа признания как категории, позволяющей оценивать не только технологические сценарии, но и формы общественных отношений, через которые проекты техномодификации получают легитимацию или, напротив, порождают отчуждение и конфликт.

Заключение

Проведенный нами анализ позволяет прийти к следующим выводам.

1.1. Постгуманистические и трансгуманистические подходы по-разному отвечают на вопрос о будущих формах человеческого существования в условиях технокультуры, но в обоих случаях сохраняют односторонность. Постгуманизм концентрируется на критике классического субъекта и подчеркивает гибридность и распределенность субъектности в сетях людей, технологий и иных агентов. Трансгуманизм, напротив, выстраивает нормативный проект технологического улучшения, в центре которого находится автономный индивид, распоряжающийся телом и сознанием в горизонте продления жизни, усиления когнитивных способностей и преодоления биологических ограничений.

2.2. Анализ постгуманизма выявляет его объяснительную силу в деконструкции привычных границ человеческого. Он дает язык для описания сращивания биологического, техни-

ческого и информационного уровней и изменений представлений о телесности, идентичности и автономии в сетевых и алгоритмических средах. Однако размывание устойчивого субъекта затрудняет формулирование позитивной нормативной позиции. Возникает вопрос, на каком основании говорить об ответственности, справедливости и достоинстве, если носитель прав и обязанностей понимается как временный узел распределенной конфигурации взаимодействий людей, технологий и институтов. В результате остаются недостаточно проработанными критерии оценки техномодификаций и основания равенства, когда сам человеческий статус становится проблематичным.

Трансгуманизм, напротив, предлагает более определенный набор ценностных ориентиров, связанных с автономией, правом на самоуправление и допустимостью вмешательства в тело и психику ради расширения возможностей. Это позволяет формулировать требования к политике в области биомедицины, нейротехнологий и цифровых сервисов и обсуждать пределы использования радикальных технологий. Вместе с тем акцент на индивидуальном выборе ослабляет социально-политическое измерение проблемы. Недостаточно раскрыто, как меняются отношения между «улучшенными» и «неулучшенными», какие формы неравенства и исключения порождают технологические различия и как обеспечить признание тех, кто не соответствует образу «улучшенного» субъекта или не разделяет соответствующие нормы. Поэтому остаются неопределенными механизмы общественного обсуждения и институционального закрепления этих вопросов как значимой коллективной повестки.

1.3. Обращение к русскому космизму показывает, что мотив преодоления человеческих ограничений не является исключительной особенностью современных техноутопий. В отечественной традиции он связан не с индивидуальным проектом самосовершенствования, а с коллективной установкой на преобразование человеческого существования, солидарностью поколений и ответственностью за общее будущее. Преодоление смерти и расширение горизонтов человеческой жизни мыслится как «общее дело» и соотносится с участием, взаимной ответственностью и справедливым распределением возможностей научно-технического

развития. Тем самым фиксируется иная ценностная конфигурация, в которой радикальные трансформации рассматриваются через призму общественных отношений и механизмов включения, а не только индивидуальной выгоды или абстрактной эволюции.

2.4. Обобщая результаты, можно утверждать, что без обращения к категории признания и практикам признания и непризнания любая картина постчеловеческого будущего остается нормативно и социально незавершенной. Постгуманизм выявляет многомерность техномодифицированного субъекта, но не дает достаточных инструментов для описания его включения в устойчивые отношения и оснований притязаний на уважение и защиту. Трансгуманизм формулирует набор прав и свобод, но преимущественно в индивидуалистической перспективе, где социальные эффекты технологических различий оказываются вторичными.

Перспектива русского космизма указывает на возможность включения проектов преодоления смерти и ограничений в рамках коллективной ответственности, но требует перевода на язык современных институтов, норм и процедур. Необходимы формы регулирования, которые легитимируют цели и пределы техномодификации и одновременно предотвращают конфликты, связанные с новыми режимами неравенства и исключения.

С этой точки зрения дальнейшее исследование требует разворота к теориям признания и анализу того, как технологически модифицированные субъекты включаются или не включаются в пространство взаимного уважения, равенства и участия. Следует уточнить критерии признания применительно к новым конфигурациям человеческого и нечеловеческого, определить институты справедливого распределения видимости, ресурсов и голосов, а также описать конфликты и линии отчуждения вокруг доступа к улучшениям и отказа от них.

Детальная концептуализация механизмов признания выходит за рамки данной статьи, однако обоснованная нами теоретическая потребность в них позволяет перейти от критики к разработке нормативной модели технокультуры, в которой преодоление ограничений сочетается с сохранением достоинства и взаимного признания участников социального взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянов и др. web – *Аверьянов В.И., Баранов С., Комогорцев А., Черемных К.* Трансчеловек против человека: доклад Изборского клуба (31 окт. 2020) // <https://izborsk-club.ru/20212>
- Болонкин 2007 – *Болонкин А.А.* Бессмертие людей и электронная цивилизация: сб. ст., интервью, дискуссий о путях достижения бессмертия людей и будущем человечества. Нью-Йорк: Lulu, 2007.
- Брайдотти 2021 – *Брайдотти Р.* Постчеловек. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021.
- Вернадский 1993 – *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // *Русский космизм: антология философской мысли.* М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 288–303.
- Делез, Гваттари 2010 – *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Дубровский web – *Дубровский Д.И.* Кибернетическое бессмертие: фантастика или научная проблема? // <https://iphras.ru/uplfile/ai/dubrovsky2.pdf>
- Дэвис 2008 – *Дэвис Э.* Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. М.: Ультра. Культура, 2008.
- Жолобова, Счастливецва 2019 – *Жолобова Ю.В., Счастливецва Е.А.* Философское содержание трансгуманизма в контексте кризисности человеческой природы // *Вестник Вятского государственного университета.* 2019. № 2 (132). С. 14–22. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.014
- Кайгородов 2014 – *Кайгородов П.В.* Трансгуманизм: ценностные установки в моделях человека // *Человек.RU.* 2014. № 9. С. 127–131.
- Кутырев 2010 – *Кутырев В.А.* Философия трансгуманизма. Н. Новгород: Нижегород. ун-т, 2010.
- Поздеева 2018 – *Поздеева С.М.* Кризис идентичности в условиях глобализации // *Научные труды КубГТУ.* 2018. № 10. С. 191–196.
- Поломошнов 2017 – *Поломошнов А.Ф.* Кризис и судьба гуманизма в современном мире // *Вестник Донского государственного аграрного университета.* 2017. Т. 23, № 2-2. С. 23–31.
- Федоров 1906 – *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела: статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова. Т. 1. Верный: Тип. Семиречен. обл. правл., 1906.
- Феррандо 2022 – *Феррандо Ф.* Философский постгуманизм. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022.
- Фуко 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фукуяма 2004 – *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ: ЛЮКС, 2004.
- Харауэй 2017 – *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Черемных, Губанов web – *Черемных Л.Г., Губанов Н.Н.* Концепт постчеловека в современном философском дискурсе // *Гуманитарный вестник.* 2023. № 1. С. 1–11.
- Baudrillard 1993 – *Baudrillard J.* The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena. L.: Verso, 1993.
- Bostrom 2014 – *Bostrom N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Hayles 1999 – *Hayles N.K.* How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: The University of Chicago Press, 1999.
- Transhumanist FAQ web – Transhumanist FAQ [Humanity+] // <https://www.humanityplus.org/transhumanist-faq>

REFERENCES

- Averyanov V.I., Baranov S., Komogortsev A., Cheremnykh K. *Transhuman versus Human: Report of the Izborsky Club. Izborsky Club (October 31, 2020).* URL: <https://izborsk-club.ru/20212>
- Bolonkin A.A., 2007. *Immortality of People and Electronic Civilization: A Collection of Articles, Interviews, and Discussions on Achieving Human Immortality and the Future of Humanity.* New York, Lulu.
- Braidotti R., 2021. *The Posthuman.* Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara.
- Vernadsky V.I., 1993. *Autotrophy of Humanity. Russkii kosmizm: antologiya filosofskoi mysli.* Moscow, Pedagogika-Press, pp. 288-303.

- Deleuze G., Guattari F., 2010. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ.; Moscow, Astrel Publ.
- Dubrovsky D.I. *Cybernetic Immortality: Science Fiction or a Scientific Problem?* URL: <https://iphras.ru/uplfile/ai/dubrovsky2.pdf>
- Davis E., 2008. *TechGnosis: Myth, Magic and Mysticism in the Age of Information*. Moscow, Ul'tra. Kul'tura Publ.
- Zholobova Yu.V., Schastlivtseva E.A., 2019. The Philosophical Content of Transhumanism in the Context of the Crisis of Human Nature. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (132), pp. 14-22. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.014
- Kaigorodov P.V., 2014. Transhumanism: Value Orientations in Models of the Human Being. *Chelovek.RU*, no. 9, pp. 127-131.
- Kutyrev V.A., 2010. *Philosophy of Transhumanism*. Nizhny Novgorod, Nizhegor. un-t.
- Pozdyayeva, S. M., 2018. Identity Crisis in the Context of Globalization. *Nauchnye trudy KubGTU*, no. 10, pp. 191-196.
- Polomoshnov A.F., 2017. Crisis and the Fate of Humanism in the Contemporary World. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, vol. 23, no. 2-2, pp. 23-31.
- Fedorov N.F., 1906. *The Philosophy of the Common Task: Articles, Thoughts and Letters of Nikolai Fedorovich Fedorov. Vol. 1*. Vernyi, Tip. Semirechen. obl. pravl.
- Ferrando F., 2022. *Philosophical Posthumanism*. Moscow, HSE University Publishing House.
- Foucault M., 1999. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow, Ad Marginem.
- Fukuyama F., 2004. *Our Posthuman Future, Consequences of the Biotechnology Revolution*. Moscow, AST Publ.; LYUKS.
- Haraway D., 2017. *A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist Feminism of the 1980s*. Moscow, Ad Marginem Press.
- Cheremnykh L.G., Gubanov N.N., 2023. The Concept of the Posthuman in Contemporary Philosophical Discourse. *Gumanitarnyi vestnik*, no. 1, pp. 1-11.
- Baudrillard J., 1993. *The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena*. London, Verso.
- Bostrom N., 2014. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford, Oxford University Press.
- Hayles N.K., 1999. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Transhumanist FAQ. *Humanity+*. URL: <https://www.humanityplus.org/transhumanist-faq>

Information About the Author

Daniil V. Iunusov, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology, Zaki Validi St, 32, 450076 Ufa, Russian Federation, daniayunusov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4264-7991>

Информация об авторе

Даниил Валиевич Юнусов, аспирант кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий, ул. Заки Валиди, 32, 450076 г. Уфа, Российская Федерация, daniayunusov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4264-7991>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.8>

UDC 1(091)

LBC 87.3

Submitted: 07.09.2025

Accepted: 29.05.2026

G.-K. KALTENBRUNNER ON J. GÖRRES'S "MYSTICAL ANTHROPOLOGY"**Flora S. Kim**Podmoskovny Institute (branch) of the Moscow Automobile and Road Construction State Technical University,
Bronnitsy, Russian Federation

Abstract. The article aims to clarify the significance of J. Görres's (1776–1848) views for the theoretical grounding of "realistic anthropology," upon which conservative thought should be based in its "transcendental-sociological structure," transcending specific historical periods. When listing sources for the formation of "realistic anthropology," the theorist of "enlightened conservatism," G.-K. Kaltenbrunner (1939–2011), does not directly name Görres. An analysis of brief quotes and mentions of the importance of Görres's ideas in collections on conservatism from the 1980s and 1990s and in an essay on L. Klages has been conducted. The article presents an overview of essay by Kaltenbrunner on Görres. The study revealed that one of the main tenets of "realistic anthropology" – "man is not only 'homo sapiens' but also 'homo demens'" – is a quote from Görres, summarizing his concept of "two natures" acting within man: the "nocturnal" and the "diurnal," which have become one in man but are in constant conflict. These two natures have become one in man, much like two tones form a single chord. Divine compassion holds the two natures together in their interpenetration. It is concluded that Görres's propositions on man's inclination towards evil and the reality of "demonic" and "Apollonian" forces acting in history can be called "preliminary knowledge," the source of "eternal principles" that underlie the assertion by 20th-century German conservatives of the necessity of institutions of religion, ethos, state, law, and family for the cultivation of the character and soul of a man dangerous to himself.

Key words: enlightened conservatism, realistic anthropology, homo demens, nature of human, J. Görres, G.-K. Kaltenbrunner.

Citation. Kim F.S. G.-K. Kaltenbrunner on J. Görres's "Mystical Anthropology". *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 74–80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.8>

УДК 1(091)

ББК 87.3

Дата поступления статьи: 07.09.2025

Дата принятия статьи: 29.05.2026

Г.-К. КАЛЬТЕНБРУННЕР О «МИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ» Й. ГЁРРЕСА**Флора Сергеевна Ким**Подмосковный институт (филиал) Московского автомобильно-дорожного государственного
технического университета, г. Бронницы, Российская Федерация

Аннотация. В статье ставится задача выяснить значение взглядов Й. Гёрреса (1776–1848) для теоретического обоснования «реалистической антропологии», на которой в своей «трансцендентально-социологической структуре», выходящей за рамки конкретного исторического периода, должна основываться консервативная мысль. При перечислении источников для формирования «реалистической антропологии» теоретик «просвещенного консерватизма» Г.-К. Кальтенбруннер (1939–2011) не называет имя Гёрреса прямо. Проведен анализ кратких цитат и упоминаний о значимости идей Гёрреса в сборниках по консерватизму 1980–1990-х гг. XX в. и в эссе о Л. Клагесе. Статья представляет собой обзор эссе Кальтенбруннера о Гёрресе. Исследование показало, что одно из основных положений «реалистической антропологии»: «человек не только "homo sapiens", но также "homo demens"» – это цитата из Гёрреса, суммирующая его представление о «двух природах», действующих в человеке: «ночной» и «дневной», которые стали в человеке одним, но постоянно конфликтующих. Эти две природы стали в человеке одним, подобно тому, как два тона составляют единый аккорд. Божественное сочувствие удерживает две природы вместе в их взаимопроникновении. Сделан вывод, что положения Гёрреса

о склонности человека ко злу и реальности действия «демонических» и «аполлонических» сил в истории можно назвать «предварительным знанием», истоком «вечных принципов», которые лежат в основе утверждения немецкими консерваторами XX в. необходимости институтов религии, этоса, государства, права, семьи для воспитания характера и души опасного для самого себя человека.

Ключевые слова: просвещенный консерватизм, реалистическая антропология, *homo demens*, природа человека, Й. Гёррес, Г.-К. Кальтенбруннер.

Цитирование. Ким Ф. С. Г.-К. Кальтенбруннер о «Мистической антропологии» Й. Гёрреса // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 74–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.8>

Г.-К. Кальтенбруннер (1939–2011), один из ведущих правых интеллектуалов последней трети XX в., считал возможным и необходимым теоретическое обоснование «просвещенного консерватизма». По его мнению, консервативная мысль должна основываться на «реалистической антропологии», основные положения которой формулируются в постоянной полемике с оптимистичным «прометеевым пониманием сущности человека». Консерватору необходимо понимать, какова природа человека, в каких отношениях он находится с природой и себе подобными. Для ответа на эти вопросы он считал необходимым использовать научные, философские и теологические труды XX в. (А. Гелен, К. Лоренц, Х. Йонас, О. Розеншток-Хюсси) [Ким 2013; Kaltenbrunner 1973, 11, 266; Kaltenbrunner 1975, 35, 95, 98–101; Kaltenbrunner 1976; Kaltenbrunner (ed.) 1976, 7–16; Kaltenbrunner (ed.) 1979, 14].

В статье ставится задача выяснить значение взглядов Й. Гёрреса (1776–1848) для обоснования «реалистической антропологии». В свое время он был влиятельным мыслителем, политическим деятелем, издателем и ритором, но уже малоизвестным к моменту формирования теории «просвещенного консерватизма» в XX веке. Размышления консерваторов по вопросу о сути человека, его потребностях, возможностях и ограничениях приводят к утверждению: «человек недостаточно хорош, чтобы быть абсолютно свободным», потому что он «не только “*homo sapiens*”, но также “*homo demens*”» [Kaltenbrunner 1976; Kaltenbrunner 2019]. Это – отсылка к «мистической антропологии» Й. Гёрреса. В оценке его взглядов на природу человека теоретик просвещенного консерватизма солидарен с нехристианином Людвигом Клагесом, который считал, что католический мыслитель Гёррес «лучше всех знал о мраке человеческой души, о неизбежном участии преисподней в событиях истории» [Kaltenbrunner 1983,

318–319, 141]. Кальтенбруннер неоднократно говорит об актуальности критики Клагесом хищнической эксплуатации планеты и включает эссе о нем и в мини-антологии, составленные с целью актуализации еще не востребованного во второй половине XX в. консервативного наследия, и в свою версию истории европейского духа [Kaltenbrunner 1975, 38–39, 247–267; Kaltenbrunner 1983, 311–322]. Краткое эссе Кальтенбруннера о Гёрресе публикуется в связи с 200-летием со дня его рождения в 1976 г. [Kaltenbrunner 1976]. Подробно взгляды Гёрреса рассматриваются в эссе из сборника «О духе Европы. Истоки и портреты» («*Vom Geist Europas. Ursprünge und Porträts*», 1981), новое издание которого вышло в 2019 г. [Kaltenbrunner 1981, 192–204; Kaltenbrunner 2019].

Сегодня имя и некоторые философские идеи Гёрреса известны по неоднократной критике его взглядов в работах Г. Гегеля [Гегель 2000, 10, 17, 31, 35, 41, 42, 168, 411, 416, 419, 423, 424, 438]. Самую подробную биографическую справку на русском языке о Гёрресе находим в Православной богословской энциклопедии 1903 г. под ред. богослова, историка, профессора Санкт-Петербургской Духовной академии Александра Павловича Лопухина (1852–1904). Автор выделяет 4 «предмета увлечения» одного из «наиболее видных ученых в новейшей немецкой литературе»: французская революция, философия Шеллинга, освобождение отечества и римско-католическая церковь [Лопухин (ред.) web]. Германист, переводчик, историк культуры и литературовед Александр Викторович Михайлов (1938–1995) отмечал, что имя Гёрреса известно, но произведения его замалчиваются из-за общественной активности и непримиримой оппозиционности, кратко анализировал его натурфилософские и подробно – эстетические взгляды, литературную критику, которая предполагала «целостное переживание,

восприятие произведений на основе изучения “художественного мира писателя”, что было новаторским даже для литературоведения XX в.» [Михайлов 2000].

Кальтенбруннер относит Гёрреса к тем «великим незнакомцам немецкой интеллектуальной истории», отзывы о которых полярны. Названный младогегельянцем Арнольдом Руге (1892–1880) «Одиссеем немецкого романтизма» Гёррес был якобинцем и монархистом, революционером и консерваторм, романтиком и просветителем, католиком и пантеистом. Либералы критиковали его как реакционера, реакционеры – как демагога и иллюмината [Kaltenbrunner 1976, 15; Kaltenbrunner 2019, 128].

В «симфонии жизни» политической и интеллектуальной биографии Гёрреса Кальтенбруннер выделяет 3 периода. В пору юности, краткой и драматичной, он был самым влиятельным немецким якобинцем, приветствовал Французскую революцию 1789–1799 г., радовался вторжению французских революционных армий, которые разрушили тысячелетнюю власть священников и ратовал за создание Рейнской республики. С 1798 до 1799 г. издавал революционные журналы. Но одновременно как консервативный революционер и патриот грезил о восстановлении Лотарингии, образовании промежуточного государства на границе Франции и Германии в бассейне среднего Рейна, как это было в 843 г. согласно Верденскому договору.

«Средний» Гёррес – романтик, исследователь народной поэзии, легенд и мифов, автор книг «Немецкие народные книги» (1807), «История мифов азиатского мира» (1810), учитель физики и естествознания в школе Кобленца, преподаватель философии, истории литературы и мифологии в Гейдельберге. Но он же – национал-консерватор, активно выступающий против Наполеона, издатель газеты «Рейнский Меркурий» (1814–1816), которую современники называли «пятой великой державой».

Поздний Гёррес – христианский мистик и противоречивый церковный деятель, представитель немецких католиков перед правительством протестантской Пруссии, и на протяжении 50 лет с 1827 г. – профессор истории в Мюнхене [Kaltenbrunner 2019].

Анализируя онтологию Гёрреса, представленную в работе «Вера и знание» (Glauben und Wissen): «В природе все – живое, быть – это то же самое, что быть живым... многообразие форм жизни – бессознательное богослужение», «весь мир – великий храм. Природные силы – жрецы этого святилища, каждое явление природы – символ, молитва, поклонение» [Görres web], Кальтенбруннер приходит к выводу, что тот обновляет архаичную идею панвитализма. Человек, который действует в этом космически дружественном смысле, является помощником и соучастником Бога. Он совершает с ясным сознанием то, что природа делает бессознательно. Где бы он ни работал, это «святая земля». Исчезает противопоставление между профанным и священным, поскольку все становится храмом и богослужением. И заключает: «Гёррес придает формуле “Благодать не разрушает природу, но совершенствует ее”, смысл, выходящий далеко за рамки христианской догмы» [Kaltenbrunner 2019, 136, 138].

Наряду с Гёрресом, который полон космического оптимизма и видит землю как «любящую мать», Кальтенбруннер находит также Гёрреса, который терзается глубоким страхом и верит, что дьявол и демоны действуют повсюду; признает, что гностическое манихейство «имеет в себе долю истины» и в отличие от некоторых романтиков, считавших историю временем невинности и гармонии, прослеживает следы зла в самых ранних эпохах человечества в фундаментальном исследовании «Христианская мистика» (Die christliche Mystik) [Görres web]. Хотя он колеблется в вопросе о происхождении зла, но почти не сомневается в реальности этой силы [Kaltenbrunner 2019, 137].

Кальтенбруннер напоминает, что побывав в Париже в 1799 г. в составе делегации Рейнской области, Гёррес в свои 23 года понимает тщетность надежд на революцию и предрекает появление во Франции новой деспотии в статье «Результаты моей поездки в Париж» (Resultate meiner Sendung nach Paris, 1800). Позже, описывая действие «суровой, мрачной, беспощадной, неукротимой силы, которая имеет демоническую природу и мешает, а часто противостоит моральному миропорядку», рейнский писатель в эссе «О па-

дении Германии и условиях ее возрождения» (*Über den Fall Deutschlands und die Bedingungen seiner Wiedergeburt*, 1810) называет Французскую революцию и Наполеона воплощением этой жестокой, иррациональной силы, враждебной творениям человека и нравственным нормам [Görres web]. Рассматривая возвышение Бонапарта как историческую необходимость, Гёррес видит логику, присущую естественной истории революции. Она описана в заметках «Падение религии и ее возрождение», опубликованных только в 1955 г. на основе оригинальной рукописи 1810 г.: «То, что начала Реформация, закончилось Французской революцией, и ее последствия все еще действуют... христианство в своей старой форме пришло в упадок... врата этой церкви вот – вот закроются навсегда. Но сама религия бессмертна, за католицизмом и протестантизмом последует “третье христианство”, основанное на естественном мистическом отношении к жизни» [Kaltenbrunner 2019, 132–133, 136–137].

Бывший якобинец предсказывает в книге «Германия и революция» (*Deutschland und die Revolution*, 1819), что возможная немецкая революция будет еще более жестокой, чем французская или английская: «Немецкая революция неизбежно закончится изгнанием всех правящих династий, разрушением всех церковных форм, истреблением дворянства и введением республиканской конституции... Народ неизбежно станет народом – завоевателем, и опрокинет весь прогнивший европейский государственный строй вплоть до границ Азии. Это неизбежно приведет... к затяжной войне, уничтожению всего процветания Германии, гибели половины подрастающего поколения» [Görres web].

Отказываясь от юношеского оптимистичного исповедания веры в «постоянное продвижение человечества к идеалу культуры и человечности» в то, «что наш век созрел для того, чтобы сменить деспотическую форму на более подходящую, и что ее длительное сохранение было бы несчастьем для рода человеческого» (Красный листок, 1798) [Görres web], Гёррес направляет к заключению в работе «Европа и революции» (1821), что «революции – это катастрофы, которые имеют ужасное значение в истории и такое

серьезное, глубокое содержание, что только сумасшедшие люди могли бы желать, чтобы они произошли» [Kaltenbrunner 2019, 131].

Согласно Кальтенбруннеру Гёррес придает этой теме антропологический оттенок, когда говорит о «двух природах», действующих в человеке: «“ночной”, обращенной к земле, тьме, сну, глубине, ярости, необузданности, двусмысленности и “дневной”, обращенной к небу, свету, бодрствованию, уравновешенности и ясности»; «Божественное сочувствие удерживает две природы вместе в их взаимопроникновении»; «все в человеке, что не понимает себя и не контролирует себя, все темные эмоции и восприятия, которые навсегда остаются тайной для него самого; все функции, до которых не может дотянуться высшая сила воли, охвачены темным мистицизмом природы; все рождается из глубин земли и ее скрытых тайн...» [Kaltenbrunner 2019, 138–139]. Проблема соотношения природы и духа, «дневного» и «ночного» человека подробно раскрывается Гёрресом в третьем томе «Христианской мистики» (1840), но уже в эссе «Звездное небо в новогоднюю ночь 1815/16» (*Der Sternenhimmel in der Neujahrsnacht 1815/16*) он пишет, что эти две природы стали в человеке одним, подобно тому, как два разных тона составляют единый аккорд. Ночь не тождественна со злом, но она – область сверхъестественного, загадочного и двусмысленного. «Дух победил все свои темные силы и запечатал их, но в каждом человеческом сердце есть вход в Тартар, во тьму». Двойственная «человеческая природа устроена так, что одновременно рождает змей и сокрушающего их Геракла» [Görres web].

По Кальтенбруннеру, мистицизм для Гёрреса – это принцип, управляющий всей реальностью, который включает в себя природу и дух, Бога и человека, рай и ад. Укорененный в темном природном мистицизме глубин земли, человек подвержен большому риску. Сама по себе природа морально нейтральна, но человек в результате грехопадения приобретает склонность ко злу. «Демонические силы» укрощены противоборствующими «аполлоническими силами» религии, этоса и права, но всегда ждут возможности прорваться через эти барьеры. Все страсти толпятся

у входа в Тартар, ища свободы. «Пока религия и обычаи держат ворота прочно закрытыми и запечатанными, наверху протекает веселая жизнь. Но если по собственной вине или из-за несчастий времени печать сломана и врата в преисподнюю распахнуты, то все ужасы восстают из глубин. Зло поднимается, как буря, из бездны, охватывает людей демоническим насилием, и индивидуальная воля уже не в состоянии противодействовать страшной силе, обрушившейся на них» [Kaltenbrunner 2019, 138–140, 143].

«Человек ужасен. Никто не находится так близко к пропасти, как он. Никто не был столь уязвим и столь испорчен, как он», резюмирует Кальтенбруннер содержание «Христианской мистики» Гёрреса. [Kaltenbrunner 2019, 141]. Поэтому конфликт «демонических» и «аполлонических» сил, «змей и Геракла» никогда не прекращается. Неоднократно повторяемая Кальтенбруннером вслед за Гёрресом цитата из «Антигоны» Софокла «Много есть ужасного на свете – всех ужасней человек» [Kaltenbrunner 2019, 140] существенно отличается от привычного перевода С. Шервинского и Н. Позднякова – «Много есть чудес на свете – человек – их всех чудесней» [Софокл 1988, 187].

Согласно Кальтенбруннеру «реалистическая антропология» как основание консервативной теории должна исходить из того, что склонность к насилию, необузданности также характеризуют своеобразие вида людей, как и способность к дисциплине. Человек не должен пониматься как «злой» или «добрый», «хороший» или «плохой» «по природе». Он – проблематичное, только частично рациональное, возможно, самое опасное существо. Просвещенный консерватор особо выделяет положение А. Гелена, что культура как система дисциплины побуждений, направляемый характер является физическим условием существования человека; вся система взрослого характера есть дисциплинарная система, которая закладывается в воспитании [Kaltenbrunner 1981, 435–438]. По мнению Л. Клагеса, разделяемого теоретиком просвещенного консерватизма, именно Й. Гёррес в первом, основанном на документах труде по истории мистики, показал, как долго, дотошно и кропот-

ливо монашество разрабатывало приемы борьбы с «искушениями плоти», систему воспитания «дисциплинированной души» [Kaltenbrunner 1983, 318]. Религия, Семья, Экономика, Право, Государство есть институты, которые возмещают частичную потерю инстинкта самосохранения небезопасными людьми [Kaltenbrunner 1973; Kaltenbrunner 1975, Kaltenbrunner 1979].

Кальтенбруннер с горечью констатирует: то, что Гёррес сказал в своей «Христианской мистике» о демонизме, безумии, одержимости, неистовстве и других формах человеческой тьмы, было насмешливо отвергнуто его буржуазно-либеральными современниками, мнившими себя просвещенными как нелепый, путанный продукт старческого мракобесия. И «завеса молчания надолго опустилась над этим выдающимся произведением», которое по своей глубине и значению он, как и Клагес, ставит рядом с творением Данте [Kaltenbrunner 1983, 318].

В заключение можно сделать вывод, что хотя имя Гёрреса, в отличие от имен А. Гелена и К. Лоренца, не называется прямо в качестве источника для формирования «реалистической антропологии» в работах, посвященных теоретическому обоснованию консерватизма, «мистическую антропологию» и понимание двойственности природы человека, его склонности ко злу и реальности действия «демонических» и «аполлонических» сил в истории можно назвать «предварительным знанием» [Kaltenbrunner 1975, 96–97], истоком «вечных принципов» [Kaltenbrunner 1973, 11] для немецкоязычных авторов философской антропологии. Оно логически связано с пониманием культуры как системы дисциплины побуждений направляемого характера А. Гелена и К. Лоренца и с обоснованием необходимости институтов, обеспечивающих сохранение жизни человека [Kaltenbrunner 1975, 39, 95–99, 118–121; Kaltenbrunner 1981, 319, 358–362, 435–438]. Налицо и созвучие идей Гёрреса о «двух природах», действующих в человеке, с пониманием аполлонического и дионисийского начал в культуре Ф. Ницше и сознательного и бессознательного в психике человека З. Фрейда, которое может стать темой для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гегель 2000 – Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
- Ким 2013 – Ким Ф.С. «Реалистическая антропология» и цели образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28). Ч. 1. С. 79–82.
- Лопухин (ред.) web – Лопухин А.П. (ред.). Гёррес [Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь. В 12 т. Т. 4: Гаага-Донатисты. Петроград: Т-во А.П. Лопухина, 1903] // <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaja-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskij-slovar-tom-4-gaaga-donatisty/166>
- Михайлов 2000 – Михайлов А.В. Йозеф Гёррес. Эстетические и литературно-критические опыты романтического мыслителя // Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 222–248.
- Софокл 1988 – Софокл. Трагедии. М.: Худож. лит., 1988.
- Görres web – Görres J.V. Eine Auswahl aus seinen Schriften [Berlin: Dt. Buch-Gemeinschaft, 1930] // <https://www.projekt-gutenberg.org/goerres/schriften/index.html>
- Kaltenbrunner (ed.) 1973 – Kaltenbrunner G.-K. (ed.). Konservatismus International. Stuttgart: Seewald, 1973.
- Kaltenbrunner 1975 – Kaltenbrunner G.-K. Der Schwierige Konservatismus. Definitionen – Theorien – Porträts. Berlin (West): Nicolai, 1975.
- Kaltenbrunner 1976 – Kaltenbrunner G.-K. Joseph Görres. Zeitschrift für Ganzheitsforschung. Neue Folge. Wien, 1976. Jahrgang 20. Heft I. S. 14–21.
- Kaltenbrunner (ed.) 1976 – Kaltenbrunner G.-K. (ed.). Überleben und Ethik. Die Notwendigkeit, bescheiden zu werden. München: Herder, 1976.
- Kaltenbrunner (ed.) 1979 – Kaltenbrunner G.-K. (ed.). Rechtfertigung der Elite. Wieder die Anmaßungen der Prominenz. München: Herder, 1979.
- Kaltenbrunner 1981 – Kaltenbrunner G.-K. Europa. Seine geistigen Quellen in Porträts aus zwei Jahrtausenden. In 3 Bd. Bd. 1. Heroldsberg bei Nürnberg: Verlag Glock & Lutz, 1981.
- Kaltenbrunner 1983 – Kaltenbrunner G.-K. Europa. Seine geistigen Quellen in Porträts aus zwei Jahrtausenden. In 3 Bd. Bd. 2. Heroldsberg bei Nürnberg: Verlag Glock & Lutz, 1983.
- Kaltenbrunner 2019 – Kaltenbrunner G.-K. Joseph Görres. Vom Geist Europas. Ursprünge und Porträts. In 2 Bd. Bd.1. Graz: Ares Verlag, 2019. S. 128–147.

REFERENCES

- Hegel G.V.F., 2000. *Phenomenology of the Spirit*. Moscow, Nauka Publ.
- Kim F.S., 2013. “Realistic Anthropology” and Aims of Education. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., no. 2 (28), pt. 1, pp. 79-82.
- Lopukhin A.P. (ed.), 1903. Görres. *Orthodox Theological Encyclopedia or Theological Encyclopedic Dictionary. In 12 Vols. Vol. 4. The Hague-Donatists*. Petrograd, T-vo A.P. Lopukhina. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaja-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskij-slovar-tom-4-gaaga-donatisty/166>
- Mikhailov A.V., 2000. Joseph Görres. Aesthetic and Literary-Critical Experiences of a Romantic Thinker. *Back-Translation. Russian and Western European Culture: Problems of Interrelationships*. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., 2000, pp. 222-248.
- Sophocles, 1988. *Tragedies*. Moscow, Hudozh. lit. Publ.
- Görres J.V., 1930. *Eine Auswahl aus seinen Schriften*. Berlin, Dt. Buch-Gemeinschaft. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/goerres/schriften/index.html>
- Kaltenbrunner G.-K. (ed.), 1973. *Konservatismus International*. Stuttgart, Seewald.
- Kaltenbrunner G.-K., 1975. *Der Schwierige Konservatismus. Definitionen – Theorien – Porträts*. Berlin (West), Nicolai.

- Kaltenbrunner G.-K., 1976. Joseph Görres. *Zeitschrift für Ganzheitsforschung. Neue Folge*. Wien, Jahrgang 20, Heft I, S. 14-21.
- Kaltenbrunner G.-K. (ed.), 1976. *Überleben und Ethik. Die Notwendigkeit, bescheiden zu werden*. München, Herder.
- Kaltenbrunner G.-K. (ed.), 1979. *Rechtfertigung der Elite. Wieder die Anmaßungen der Prominenz*. München, Herder.
- Kaltenbrunner G.-K., 1981. *Europa. Seine geistigen Quellen in Porträts aus zwei Jahrtausenden. In 3 Bd. Bd. 1*. Heroldsberg bei Nürnberg, Verlag Glock & Lutz.
- Kaltenbrunner G.-K., 1983. *Europa. Seine geistigen Quellen in Porträts aus zwei Jahrtausenden. In 3 Bd. Bd. 2*. Heroldsberg bei Nürnberg, Verlag Glock & Lutz.
- Kaltenbrunner G.-K., 2019. *Joseph Görres. Vom Geist Europas. Ursprünge und Porträts. In 2 Bd. Bd. 1*. Graz, Ares Verlag, 2019, S. 128-147.

Information About the Author

Flora S. Kim, Senior Lecturer, Department of Classical and Economic Disciplines, Podmoskovny Institute (branch) of the Moscow Automobile and Road Construction State Technical University, Novobronnitskaya St, 50, 140170 Bronnitsy, Russian Federation, kim_flora_s@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5073-6372>

Информация об авторе

Флора Сергеевна Ким, старший преподаватель кафедры гуманитарных и экономических дисциплин, Подмосковный институт (филиал) Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета, ул. Новобронницкая, 50, 140170 г. Бронницы, Российская Федерация, kim_flora_s@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5073-6372>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.9>

UDC 316.334.2

LBC 60.56

Submitted: 27.04.2026

Accepted: 29.05.2026

WORK QUALITY IN EVALUATIONS OF STUDENTS, COMBINING STUDY AND WORK

Inna V. Vasilenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Oleg V. Bogatov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Currently, there are many problems in Russian society related to the labor of students and its quality. The work quality is an important indicator of the level of economic and social development. It affects the formation of highly qualified personnel, which in turn affects the work quality. A high level of work quality should also be ensured during temporary work performed by students, and the nature of this work should not encourage employers to ignore this indicator, as students are the future labor force that will determine how successfully Russia can develop its economy and social programs and respond to external challenges. To determine the students' work quality, a list of its characteristics was developed. This list was based, firstly, on an analysis of scientific literature on the topic of work quality and quality of working life, and, secondly, on the priority aspects of work that were identified by the respondents. A total of 100 students from two universities in Volgograd, Volgograd State University and Volgograd State Technical University, were surveyed. In addition to the rating scales, the questionnaire also included open-ended questions that allowed for a deeper understanding of the underlying meanings and interpretations of the ratings. The study examined the characteristics of work quality in terms of work results, internal work conditions, and external conditions for work. The results of the study revealed that the characteristics of work quality that were least highly rated were professional growth and development of students' abilities, as well as safe and healthy working conditions. It is precisely these aspects of work that can be managed by employers, who can actually improve the characteristics of work quality.

Key words: work quality, characteristics of work quality, work results, internal work conditions, external conditions for work, assessments of respondents and their comments, problems of professional growth and development of students' abilities.

Citation. Vasilenko I.V., Bogatov O.V. Work Quality in Evaluations of Students, Combining Study and Work. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 81-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.9>

УДК 316.334.2

ББК 60.56

Дата поступления статьи: 27.04.2026

Дата принятия статьи: 29.05.2026

КАЧЕСТВО ТРУДА В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ, СОВМЕЩАЮЩЕЙ УЧЕБУ И РАБОТУ

Инна Викторовна Василенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Олег Владимирович Богатов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время в российском обществе существует множество проблем, связанных с трудом студенческой молодежи и с его качеством. Качество труда является важнейшим показателем уровня развития экономики и социума. От его уровня зависит формирование высококвалифицированных кадров, которые в свою очередь влияют на качество труда. Высокий уровень качества труда должен быть обеспечен и при выполнении студентами временной работы, а ее характер не должен означать, что работодатель может не обращать на этот показатель внимания, ведь студенческая молодежь – это будущий трудовой потенциал, величина которого будет определять, насколько успешно Россия сможет развивать экономику, социальные программы, отвечать на внешние вызовы. Для определения качества труда студентов был сформирован список характеристик качества труда. Этот перечень разрабатывался, во-первых, на базе анализа научной литературы по тематике качества труда и качества трудовой жизни, а во-вторых, на основе тех приоритетных аспектов трудовой деятельности, которые выделялись респондентами. Было опрошено 100 студентов их двух вузов Волгограда – ВолГУ и ВолГТУ. Помимо оценочных шкал в опроснике использовались и открытые вопросы, позволившие раскрыть внутреннее содержание поставленных оценок их смысловое наполнение. Характеристики качества труда касались результатов труда, внутренних условий труда и внешних условий для труда. Результаты исследования показали, что ниже всего были оценены такие характеристики труда, как профессиональный рост и развитие способностей студентов, а также безопасные и здоровые условия труда. Именно эти аспекты труда вполне поддаются управленческому воздействию работодателей, которые могут реально изменить эти характеристики качества труда в лучшую сторону.

Ключевые слова: качество труда, характеристики качества труда, результаты труда, внутренние условия труда, внешние условия для труда, оценки респондентов и их комментарии, проблемы профессионального роста и развития способностей студентов.

Цитирование. Василенко И. В., Богатов О. В. Качество труда в оценках студенческой молодежи, совмещающей учебу и работу // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 81–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.9>

Введение

В условиях нарастания глобальных социально-экономических вызовов, экономических санкций, современных трансформаций, вызванных процессами цифровизации, демографических сдвигов и ям, а также наметившейся тенденции дефицита трудовых ресурсов актуальными становятся вопросы переосмысления ценности труда и его качества, а также критериев его оценки, созидательных возможностей человека, активизации и усиления мотивации его трудовой деятельности как основы устойчивого развития общества. Труд и его качество являются основой для опережающего экономического роста, определяющего уровень благосостояния населения. Дефицит трудовых ресурсов требует интенсификации труда с помощью внедрения прогрессивных технологий, автоматизации и роботизации. В итоге возникает новая проблема – рост потребности в высококвалифицированном и интеллектуальном труде. Работники, занятые последним, должны быть заинтересованы в результате своей деятельности, а это создается его высоким качеством.

Качество труда для студентов имеет многомерное значение. Конечно, актуальность измерения этого качества и его повышение важны для всех категорий работающего населения, но для студентов особенно, поскольку, во-первых, оно является основой в формировании отношения к труду в будущем; во-вторых, студенты совмещают труд с учебой, поэтому он является для них, как правило, временным, хотя его качество не должно быть хуже, чем у тех, кто работает постоянно; в-третьих, студенты часто работают неофициально, что не мотивирует работодателей к заботе о качестве труда молодых работников, а значит, приводит к тому, что формирует у них представления о том, что следует работать самим на себя, становиться фрилансерами, уходить из официальной сферы занятости.

Проблема, побудившая нас провести социологическое исследование, представляет собой противоречие между запросами и ожиданиями студентов от труда и реальным его качеством. Данная тема представляет собой не только научно-значимую, но и практически востребованную область

знаний, а проблематика качества труда приобретает особую значимость и сохраняет высокую актуальность для научных исследований, особенно в случае студенческой молодежи – будущих высококвалифицированных и интеллектуальных трудовых ресурсов.

Целью данной статьи является определение критериев оценки качества труда и анализ представлений студентов о качестве своего труда на основе их повседневных практик.

Методология и методы

В начале проясним содержание двух понятий: «качество труда» и «качество трудовой жизни». В Большой советской энциклопедии «качество труда» определяется как «степень сложности, напряженности (интенсивности), тяжести труда» [Большая советская энциклопедия 1973, 552]. В этом определении представлены в большей степени характеристики самой трудовой деятельности, но также и условия этой деятельности. На результате труда и его народнохозяйственном значении внимание не фиксируется, так как роль труда в развитии страны в то время была очевидной, а сам труд считался величайшей ценностью и главным социальным процессом. Теории качества жизни в это время в стране не были достоянием гласности, поэтому понятие «качество трудовой жизни» возникло позднее и в советской энциклопедии не было отражено.

Качество трудовой жизни рассматривается как часть более широкого понятия качества жизни, которое понимается как «совокупность характеристик, отражающих условия жизни человека» [Румянцев 2011, 261–262]. Качество трудовой жизни по аналогии представляется как система индикаторов, иллюстрирующих условия трудовой жизни человека. Вместе с тем в Новой экономической энциклопедии указывается, что качество жизни обеспечивается трудом самого человека, а это значит, что от его качества оно и зависит.

Внутренние характеристики труда включают оплату, благоприятные условия; некоторую свободу при реализации деятельности, участие в обсуждении проблем, каса-

ющихся работы и т. д. По содержанию определений видим, что в целом они тождественны: включают характеристики самого труда и его условий, то есть трудовой среды. Разница в том, что качество трудовой жизни измеряется также по наличию некоторой активности и свободы работника в осуществлении своего труда. Поэтому в дальнейшем при разработке характеристик качества труда мы учтем и наличие принципов свободы и демократии в труде. Таким образом, понятие «качество трудовой жизни» рассматривается как часть «качества жизни», а качество труда анализируется как его основа. В нашем случае, не ставя задачу изучить качество жизни студентов, а сосредотачиваясь только на качестве их труда и располагая самыми значимыми его характеристиками, отмеченными респондентами, выбираем основное ключевое понятие – «качество труда». При этом надо сделать акцент на том, что структурно мы хотим обогатить качество труда, включив в него некоторые характеристики, которые имеются в понятии «качество трудовой жизни», связанные с современным этапом развития общества, актуальностью саморазвития и самореализации человека и наличием некоторых степеней свободы и демократии в труде. В связи с тем, что мы осуществляем некоторое структурное «выравнивание» этих понятий, далее будем рассматривать их как тождественные.

Качество труда (качество трудовой жизни) рассматривается учеными с разными содержательными и структурными акцентами и в определении самого понятия, и в описании его структуры. Так, В.Н. Бобков и Е.А. Черных считают, что качество труда – это комплексная категория, которая объединяет два взаимодополняющих элемента: качество занятости и качество трудовой среды [Бобков, Черных 2023, 377].

Качество труда, по мнению других ученых, тоже определяется двумя составляющими, но они называют их иначе: созидательной составляющей, представленной результатами труда, и потребляющей составляющей, включающей совокупность условий для труда [Шеремет, Епишкин, Белкин 2019, 230]. Это разделение, на наш взгляд, совершенно обосновано, но требует еще большей конкретизации.

Потребляющая составляющая, на наш взгляд, должна включать не только условия труда при выполнении трудовой деятельности, но и внешние условия как залог эффективного труда.

Еще одна группа ученых рассматривает качество труда или качество трудовой жизни в несколько ином ракурсе: как возможность участия работников в управлении, как наличие условий для личной свободы и социального равенства... как заинтересованность в результатах труда [Коул 2004; Друкер 2004].

Наконец, некоторые ученые при изучении качества труда выделяют объективные (условия труда, оплата труда, социальные гарантии, устойчивость занятости) и субъективные (удовлетворенность трудом, условия для развития личности, характер труда) компоненты труда [Леонидова, Ивановская 2020, 8].

У ряда авторов можно увидеть тесную связь между качеством трудовой жизни и качеством жизни вообще. Ученые делают акцент на важности исследования качества труда как основного фактора, влияющего на уровень жизни человека [Goerlich, Reig 2021; Puertas, Martí, Guaita-Martinez 2020; Pupavac et al. 2020].

В результате обобщения подходов ученых в отношении структуры понятия «качество труда», а также при учете данных интервьюирования молодежи был определен перечень индикаторов, позволяющих оценить качество труда и являющихся значимыми для студентов. При составлении перечня были учтены требования к результату труда, его внутренним (условия труда) и внешним (условия для труда) условиям.

Среди показателей качества труда мы выделили следующие:

1. Качество труда в целом.
2. Справедливое вознаграждение за труд.
3. Развитие способностей.
4. Безопасные и здоровые условия труда.
5. Трудовая демократия и правовая защищенность.
6. Возможности профессионального роста.
7. Достойное место в жизни.
8. Социальная полезность труда.

Качество труда по его результату определялось по таким индикаторам, как: качество труда в целом, справедливость вознаграждения и развитие способностей.

Качество труда по внутренним условиям выявлялось по таким индикаторам, как безопасные и здоровые условия труда, трудовая демократия и правовая защищенность, возможность профессионального роста.

Качество труда по внешним условиям оценивалось по таким показателям, как: социальная полезность труда и достойное место в жизни.

Выше было показано, что качество труда измеряется на основе вполне доступных для оценивания характеристик этого качества. В современных реалиях важной становится субъективная оценка качества труда разными категориями населения, в том числе и молодежью. К настоящему времени проведено достаточно большое число эмпирических исследований, подтверждающих значение субъективной оценки качества труда [Judge, Zhang, Glerum 2020; Pita, Torregrosa web; Spector 2022].

Оценки студентов позволили выявить ценностное измерение качества труда и его составляющих. Что является более ценным в труде: результат, условия или возможность развития? Предполагаем, что чем выше оценка, тем меньше на данный момент ценность этой составляющей качества труда, и наоборот, ценность выше, чем ниже оценка.

В опросе приняли участие 100 студентов 3–4-го курсов, совмещающих работу и учебу (50 девушек и 50 юношей) двух вузов: Волгоградского государственного университета и Волгоградского государственного технического университета (50:50). Выборка квотная со случайным отбором. Анкета включала в себя как оценочные шкалы, так и открытые вопросы, позволяющие углубить представления об истоках оценки. Далее в тексте будут приведены цитаты тех респондентов, кто ответил достаточно развернуто.

Результаты и их обсуждение

Результаты опроса показали следующие тенденции при оценке качества труда. Начнем с оценки качества труда в целом, а также его результатов для работника (оценивались справедливость вознаграждения и развитие способностей). Иными словами, выявлялись представления о качестве труда в целом, экономическом и социально-личностном результатах труда.

В целом качество труда оценивалось на 3,8 балла, справедливость вознаграждения получила 3,9 балла, а развитие способностей – 3,5 балла. Две из трех оценок находятся близко к хорошей оценке, кроме развития способностей. Из этого гипотетически следует, что студенты недовольны тем, что в труде они не могут должным образом развивать свои способности.

Наиболее часто встречающиеся комментарии по поводу этих оценок следующие:

По качеству труда в целом:

Я работаю в ресторане и совмещаю работу с учебой. Это дает мне самостоятельность и опыт трудовой деятельности, но качество труда невысокое (жен., 20 лет, ВолГУ).

У меня не постоянная занятость. Работаю иногда после пар, чаще на выходных. Коллектив отличный, но постоянно задерживают зарплату или выплачивают частями (жен., 21 год, ВолГУ).

Трудовая жизнь имеет гибкий характер, подходящий под образ жизни, но имеются и недостатки, такие как незащищенность (жен., 21 год, ВолГТУ).

Что касается меня, я работаю на дому, по свободному графику, с достойной зарплатой. Могу совмещать работу с учебой и не испытываю проблем с достатком, придаться не к чему (муж., 21 год, ВолГТУ).

Таким образом, при общей оценке качества труда, респонденты отмечают позитивные и негативные моменты. Положительными в труде отмечают самостоятельность, опыт трудовой деятельности, гибкий график, достаточный доход. К отрицательным чертам респонденты относят: задержки в оплате труда, незащищенность, отсутствие интеллектуальной нагрузки, а значит, развития. При этом отмечаем, что положительно оценивается труд на дому, по свободному графику, а это прямой путь к фрилансерству.

Уточним оценки по индикатору «справедливость вознаграждения».

Совсем не справедливое, учитывая уровень и разносторонность выполняемых задач (муж., 21 год, ВолГУ).

Я считаю мою оплату абсолютно справедливой (муж., 20 лет, ВолГТУ).

Работа не требует каких-либо усилий и оплачивается вовремя (жен., 20 лет, ВолГУ).

Часто приходилось перерабатывать или выполнять иные обязанности, что не соответствует размеру зарплаты (жен., 22 года, ВолГТУ).

Какую конкретную информацию можно получить из этих ответов?

Во-первых, отмечается несправедливость оплаты труда по сравнению с загруженностью и выполнением разных задач. Во-вторых, есть случаи, когда оплата труда признается справедливой и труд оплачивается вовремя. В-третьих, некоторые студенты выполняют работу без особых усилий.

Перейдем к индикатору – развитие способностей. Оценка – 3,5. Мы уже отмечали, что это самый низкий балл в этой группе оценки качества труда по результатам.

По поводу развития способностей студенты пишут следующее:

Работа продавцом-консультантом не приносит развития, так как является однотипной и не носит творческий характер (жен., 22 года, ВолГУ).

У меня есть работа, где я получаю достаточное количество денег для своего возраста, однако она не несет никакого развития для моего будущего и там нет интеллектуальной нагрузки, только определенные рутинные действия. К тому же я работаю там уже 5 лет, что вызывает привычку (жен., 23 года, ВолГТУ).

Моя работа позволяет развивать свои навыки и самовыражаться, но есть доля монотонности (муж., 20 лет, ВолГТУ).

Моя работа способствует развитию моих навыков (муж., 22 года, ВолГТУ).

Из приведенных комментариев видно, что респонденты жалуются на отсутствие развития и монотонность труда, нетворческий его характер, но не все. Есть те, кто доволен своей работой в этом аспекте. Развитие в труде возможно в том случае, когда работа носит интеллектуальный характер, не является рутинной, однотипной и монотонной. При этом следует отметить, что большая часть респондентов не стала раскрывать смысл своих оценок, оставив место для развернутого ответа пустым. Судя по общей оценке – 3,5 баллов, доля тех, кто в комментариях должен был выразить свое недовольство возможностью развития своих способностей должна быть выше, поэтому считаем, что качество труда по данному индикатору не является достаточным.

Таким образом, несмотря на в целом положительную почти хорошую оценку, в открытых вопросах респонденты показывали разные позиции: от полностью положительной до полностью отрицательной, а между ними отмечались разные нюансы проблем. Полученные оценки и комментарии показывают, что студенты, совмещающие труд и учебу, рассматривают работу чаще всего как временную, но вместе с тем имеют сложившуюся систему ожиданий от нее по индикаторам качества труда.

Переходим к оценке внутренних условий труда, которые включают такие индикаторы, как безопасные и здоровые условия труда, трудовую демократию и правовую защищенность, а также возможность профессионального роста. При этом, по данным исследования Е.В. Романовой, трудовая деятельность во время учебы способствует улучшению профессионализма только в том случае, когда характер работы имеет отношение к получаемой профессии [Романова web].

Безопасные и здоровые условия труда получили в среднем – 3,3 балла, что несколько ниже, чем аспекты труда из предыдущего блока, состояние трудовой демократии и правовой защищенности – 4,2 балла, а возможность профессионального роста была оценена на 3,0 балла. Глядя на оценки сразу же можно сказать, что менее всего студентов устраивают возможности профессионального роста и безопасные и здоровые условия труда. Какие суждения скрываются за этими оценками? Приведем комментарии студентов.

По индикатору «безопасные и здоровые условия труда».

На работе вижу нарушения по технике безопасности (муж., 22 года, ВолГТУ).

Относительно физической безопасности все было в порядке, однако были частые переработки вне установленного графика, (дополнительные смены) (жен., 21 год, ВолГТУ).

Условия труда безопасные, но работа по 12 часов на ногах с одним перерывом на 30 минут сильно сказывается на здоровье и физическом состоянии (жен., 22 года, ВолГТУ).

В трудовой деятельности не возникает проблем с безопасностью, имеются все условия для ее контроля и сохранения (жен., 21 год, ВолГТУ).

Там, где я работал, были риски, но минимальные (муж., 23 года, ВолГТУ).

Из комментариев студентов видно, что чаще всего безопасные условия труда соблюдаются, хотя не всегда и не везде. А вот та сторона труда, которая касается здоровья работников, трудовой нагрузки вызывает нарекания. Зачастую работодатель не заботится о здоровье сотрудников, включая в их график выполнение дополнительных функций.

Состояние трудовой демократии и правовой защищенности оценивается студентами выше всех аспектов труда, но эта оценка не означает благополучия в организациях, где работают студенты. Возможно комментарии раскроют латентный смысл этих оценок.

Про демократию говорить трудно, она была на очень низком уровне. Ничего добиться было невозможно (муж., 23 года, ВолГТУ).

Мой личный опыт не был достаточным. Работа была согласована на словах, никаких договоренностей о сроке действия работы, суммы выплат не было. Это была скорее попытка набраться опыта (жен., 21 год, ВолГТУ).

Неофициальная работа, поэтому многое зависит от работодателя (жен., 21 год, ВолГТУ).

Смысл комментариев противоречит общей оценке, которая выше четверки. Из них следует, что при неофициальной и временной работе принципы трудовой демократии и правовой защищенности работодателем не соблюдаются: отсутствуют документально закреплённые сроки трудовой деятельности, размер оплаты труда и ее гарантии, трудовые отношения строятся не на основании закона, а по воле работодателя, хотя имеются примеры обратного.

В нашей компании существует «опрос удовлетворенности», который проходит каждый месяц, нас опрашивают об отношениях в коллективе, с руководителем и итогам решаются все проблемы вышестоящим руководителем (жен., 21 год, ВолГТУ).

После анализа комментариев вывод напрашивается один – несмотря на достаточно высокую оценку этой стороны труда, на самом деле правовой защищенности работающих студентов нет. Многие работодатели стараются не заключать со студентами официальных трудовых договоров, что лишает их правовой защиты, а также соблюдения норм трудовой демократии.

Возможность профессионального роста оценивается в 3,0 балла. Оценка свидетельствует о том, что этот критерий оценки имеет для студентов большое значение, особенно, когда речь идет о работе по специальности, но в ходе трудовой деятельности этой возможности у студентов нет, поскольку чаще всего они работают не по специальности. Вместе с тем отмечаются случаи неравенства, предел роста, отсутствие перспектив в будущем.

Рост возможен, но не для всех (муж., 21 год, ВолГУ).

Работа развивает, но не вижу уверенности в будущем (муж., 22 года, ВолГТУ).

Максимального пика возможностей я достигла, дальше нет перспектив, соответственно нет уверенности в будущем (жен., 20 лет, ВолГУ).

Профессиональный рост возможен, но для этого нужно много времени и терпения (жен., 21 год, ВолГУ).

Как видим, комментарии носят разный характер и направленность: от положительной, нейтральной до отрицательной. Конечно, на начальном этапе трудовой деятельности профессиональный рост несколько ограничен из-за совмещения труда с учебой, отсутствия достаточного опыта, временного характера работы и других причин. Однако современные технологии взаимодействия работодателя и молодого работника предполагают создание заинтересованности в продвижении. Метод «сидения на одном месте» уже давно не считается эффективным. Все же, исходя из комментариев, видно, что работодатели не озадачиваются этим вопросом и не стараются развивать своих сотрудников, не обозначают для них перспективы.

Последний блок оценок касается внешних факторов, влияющих на качество труда в направлении формирования трудового потенциала. Он включает такие индикаторы как: обеспечение достойного места в жизни и социальная полезность труда.

Возможность занять достойное место в жизни студенты оценили на 3,2 балла, а социальную полезность труда – на 3,9. Особенно первая оценка – невысока, «на троечку». Первый индикатор позволяет связать труд с представлениями о личном благосостоянии и качестве жизни, второй – с ее общественной зна-

чимостью и ценностью. Комментарии студентов следующие:

Ни о какой достойности говорить нельзя, работая курьером на OZON (муж., 23 года, ВолГТУ).

Не мое, хотелось бы работать по специальности (жен., 20 лет, ВолГУ).

На данный момент меня в большинстве все устраивает, но в будущем откажусь от этой работы (муж., 21 год, ВолГТУ).

Социальная полезность труда оценивается выше не случайно. Респонденты чаще всего думают, что любая работа, даже временная и не столь уж престижная является полезной для общества. Зачастую студенты работают в сфере обслуживания, общепита и продаж и взаимодействие с покупателями позволяет им делать вывод о полезности своей работы. И это является залогом удовлетворенности этой характеристикой качества труда.

Я не считаю, что работа в магазине приносит социальную пользу (жен., 22 года, ВолГУ).

Я работаю в сфере общепита, в сфере предоставления услуг, и мне кажется, что эта работа важна для общества, хотя и не ключевая, но широко представленная в экономической сфере (муж., 21 год, ВолГУ).

Работа в сфере обслуживания важна для общества, так как обеспечивает комфорт и качество сервиса для людей (жен., 21 год, ВолГУ).

Работник сферы продаж – не самая социально-полезная работа. С другой стороны – я часто слышу слова благодарности от людей, и не получал негативных ответов (муж., 21 год, ВолГТУ).

Заключение

Для оценки студентами качества труда были разработаны следующие индикаторы, объединенные в 3 группы, в соответствии с отдельными характеристиками труда: по результатам труда (справедливое вознаграждение за труд и развитие способностей), по внутренним (безопасные и здоровые условия труда, трудовая демократия и правовая защищенность, возможности профессионального роста) и внешним (достойное место в жизни, социальная полезность труда) условиям труда.

Общий показатель качества труда оценен на 3,8 балла из 5 возможных. Несмотря на тот факт что оценка смещена в сторону положи-

тельной части шкалы (хорошо, отлично), она все же предполагает некоторые низкие оценки в отношении отдельных характеристик. При рассмотрении оценок по конкретным характеристикам становится ясно, какие стороны труда являются необходимыми для студентов, но в реальности не являются достаточными.

По характеристикам, связанным с качеством труда по результату труда, можно сказать, что справедливость вознаграждения оценивается почти на «хорошо», тогда как возможность развивать свои способности представляется студентами недостаточной – 3,5.

Характеристики качества труда по условиям труда оцениваются студентами особенно низко. Это касается обеспечения здоровых условий труда и возможности профессионального роста. Оценки – 3,3 и 3,0 соответственно. Выявлено противоречие между оценкой трудовой демократии и правовой защищенности, и смыслов комментариев по их поводу. В целом оценка на хорошем уровне – 4,2 балла. Однако в комментариях студенты пишут, что работодатели чаще не соблюдают принципы трудовой демократии со временно работающими студентами. Такая практика и по правовой защищенности.

Характеристики третьего блока оценены соответственно на 3,2 и 3,9. Ниже оценивается потенциал труда, позволяющий занять достойное место в жизни. Что касается социальной полезности труда, то большая часть студентов считает любой труд полезным, в основном по итогам взаимодействия с потребителями сферы продаж, общепита и обслуживания. Подводя краткий итог результатов исследования, можно отметить, что качество труда студентов менее всего поддерживается характеристиками, связанными с саморазвитием студента-сотрудника: реализация способностей и профессиональный рост.

Низкую оценку имеет такая характеристика качества труда, как безопасные и здоровые условия труда. Самые низкие оценки качества труда выявлены по характеристикам, отражающим внутренние условия труда. По нашему мнению, состояние этих сторон труда находится в компетенции руководителей и работодателей. Если эти характеристики оцениваются столь низко, то это свидетельствует о непрофессионализме современных руководителей в сфере управления персоналом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобков, Черных 2023 – *Бобков В.Н., Черных Е.А.* Взаимосвязь качества занятости и качества трудовой жизни: обзор исследований и контуры их развития // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Т. 19, № 3. С. 361–384.
- Большая советская энциклопедия 1973 – *Большая советская энциклопедия*. Том. 11. М.: Сов. энцикл., 1973.
- Друкер 2004 – *Друкер П.Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке.: пер. с англ. М.: Вильямс, 2004.
- Коул 2004 – *Коул Дж.* Управление персоналом в современных организациях. М.: Вершина, 2004.
- Леонидова, Ивановская 2020 – *Леонидова Г.В., Ивановская А.Л.* Объективно-субъективные оценка качества трудовой жизни (на материалах Вологодской области) // *Журнал исследований по управлению*. Т. 6, № 1. С. 3–15.
- Румянцева 2011 – *Румянцева Е.Е.* Новая экономическая энциклопедия. М.: ИНФРА-М.
- Романова web – *Романова Е.В.* Анализ мнения студентов о возможности получения дополнительных доходов в период обучения на основе данных цифровых следов в социальных сетях [МНИЖ. 2022. № 12 (126)] // <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-mneniya-studentov-o-vozmozhnosti-polucheniya-dopolnitelnyh-dohodov-v-period-obucheniya-na-osnove-dannyh-tsifrovyyh-sledov-v>
- Шеремет, Епишкин, Белкин 2019 – *Шеремет Н.М., Епишкин Е.А., Белкин М.В.* Понятие и структура качества трудовой жизни // *Ученые записки*. Т. 18, № 1. С. 225–234.
- Judge, Zhang, Glerum 2020 – *Judge T., Zhang Sh., Glerum D.* Job Satisfaction: Essentials of Job Attitudes and Other Workplace Psychological Constructs. Publisher: Taylor & Francis Group.
- Goerlich, Reig 2021 – *Goerlich F.J., Reig E.* Quality of Life Ranking of Spanish Cities: A Non-Compensatory Approach Cities. 2021. Vol. 109. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102979>
- Pita, Torregrosa web – *Pita C., Torregrosa R.* Education and Job Satisfaction. 2021 // https://www.researchgate.net/publication/354704771_Education_and_Job_Satisfaction.2021

- Puertas, Marti, Guaita-Martinez 2020 – Puertas R., Marti L. Guaita-Martinez J.M. Innovation, Lifestyle, Policy and Socioeconomic Factors: An Analysis of European Quality of Life // *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. Vol. 160. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120209>
- Pupavac et al. 2020 – Pupavac D., Delibasic M., Pupavac J., Streimikis J. Interdependence of Quality of Life and Happiness of the Population in Southeast European Countries // *Montenegrin Journal of Economics*. 2020. Vol. 16, № 4. P. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2020.16-4.1>
- Spector 2022 – Spector P. *Job Satisfaction: From Assessment to Intervention*. N.Y.: Routledge, 2022. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003250616>

REFERENCES

- Bobkov V.N., Chernykh E.A., 2023. The Relationship Between Employment Quality and Quality of Working Life: A Review of Research and Development Prospects. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 19, no. 3, pp. 361-384.
- The Great Soviet Encyclopedia*. Vol. 11. 1973. Moscow, Sov. entsikl. Publ.
- Druker P.F., 2004. *Management Challenges in the 21st Century*. Moscow, Villiams Publ.
- Koul Dzh., 2004. *Personnel Management in Modern Organizations*. Moscow, Vershina Publ.
- Leonidova G.V., Ivanovskaya A.L., 2020. Objective and Subjective Assessment of the Quality of Working Life (Based on the Materials of the Vologda Oblast). *Zhurnal issledovaniy po upravleniyu*, vol. 6, no. 1, pp. 3-15.
- Rumyantseva E.E. 2011. *The New Economic Encyclopedia*. Moscow, INFRA-M Publ.
- Romanova E.V., 2022. Analysis of Students' Opinions on the Possibility of Earning Additional Income During Their Studies Based on Digital Footprint Data on Social Media. *MNIZh*, no. 12 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-mneniya-studentov-o-vozmozhnosti-polucheniya-dopolnitelnyh-dohodov-v-period-obucheniya-na-osnove-dannyh-tsifrovyyh-sledov-v>
- Sheremet N.M., Epishkin E.A., Belkin M.V., 2019. The Concept and Structure of the Quality of Working Life. *Uchenye zapiski*, vol. 18, no. 1, pp. 225-234.
- Judge T., Zhang Sh., Glerum D., 2020. *Job Satisfaction: Essentials of Job Attitudes and Other Workplace Psychological Constructs*. S.I., Taylor & Francis Group.
- Goerlich F.J., Reig E., 2020. *Quality of Life Ranking of Spanish Cities: A Non-Compensatory Approach Cities*, vol. 109. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102979>
- Pita C., Torregrosa R., 2021. *Education and Job Satisfaction*. URL: https://www.researchgate.net/publication/354704771_Education_and_Job_Satisfaction
- Puertas R., Marti L., Guaita-Martinez J.M., 2020. Innovation, Lifestyle, Policy and Socioeconomic Factors: An Analysis of European Quality of Life. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 160. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120209>
- Pupavac D., Delibasic M., Pupavac J., Streimikis J., 2020. Interdependence of Quality of Life and Happiness of the Population in Southeast European Countries. *Montenegrin Journal of Economics*, vol. 16, no. 4, pp. 7-15. DOI: <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2020.16-4.1>
- Spector P., 2022. *Job Satisfaction: From Assessment to Intervention*. New York, Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003250616>

Information About the Authors

Inna V. Vasilenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Russian Statehood, Sociological and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vasilenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9457-5889>

Oleg V. Bogatov, Senior Lecturer, Department of Russian Statehood, Sociological and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, bogatov.ritek@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0153-7110>

Информация об авторах

Инна Викторовна Василенко, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vasilenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9457-5889>

Олег Владимирович Богатов, старший преподаватель кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, bogatov.ritek@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0153-7110>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.10>

UDC 316.36
LBC 60.561.5

Submitted: 10.05.2026
Accepted: 29.05.2026

ON THE FORMATION OF MARITAL AND REPRODUCTIVE ATTITUDES: BASED ON THE RESULTS OF A SURVEY OF STUDENTS

Ekaterina N. Vasilieva

Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Maria L. Filina

Association of Family Protection Organizations, Moscow, Russian Federation

Abstract. The aim of the study was to assess value preferences and attitudes toward marriage and reproductive attitudes among student youth. The study's novelty lies in its integration of survey data from two educational institutions – secondary vocational and higher – facilitating comparative analysis between these groups. The theoretical and methodological framework is based on the concept of family well-being, supplemented by an approach that defines criteria for adolescent well-being. The empirical basis comprises data from a large-scale survey ($n = 51,175$, nested sampling) conducted in 11 regions of the Russian Federation as part of the “Family Session” project. It was established that the most significant values for student youth are health and close relationships; the value placed on marriage is lower than that placed on parenthood. Reproductive attitudes among student youth are formed gradually, with older age associated with stronger attitudes. At the same time, the intended number of children remains below the level required for population replacement. Marital status is a factor contributing to the strengthening of reproductive attitudes. Differences were identified in the marital attitudes of student youth enrolled in higher education institutions versus those in secondary vocational education. The prospects for further research are linked to the ongoing monitoring of value orientations, marital attitudes, and reproductive attitudes among student youth, which will enable well-grounded conclusions regarding nuptiality and fertility in both conditional and real generations.

Key words: marriage attitudes, reproductive attitudes, family, family support measures, traditional family values, students youth, student family, family and demographic policy.

Citation. Vasilieva E.N., Filina M.L. On the Formation of Marital and Reproductive Attitudes: Based on the Results of a Survey of Students. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 91-103. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.10>

УДК 316.36
ББК 60.561.5

Дата поступления статьи: 10.05.2026
Дата принятия статьи: 29.05.2026

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ БРАЧНЫХ И РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Екатерина Николаевна Васильева

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мария Леонидовна Филина

Ассоциация организаций по защите семьи, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Цель исследования – выявление ценностных ориентаций, брачных и репродуктивных установок студенческой молодежи. Новизна работы в том, что в исследование включены данные опроса студентов, получающих среднее профессиональное образование и высшее образование, что позволило сравнить данные по двум целевым аудиториям. Теоретико-методологическая база опирается на концепцию благополучия семьи, дополненную подходом, определяющим критерии благополучия молодежи. Эмпирическую основу составили результаты массового опроса ($n = 51\,175$, выборка гнездовая), реализованного в 11 регионах РФ в рамках проекта «Семейная сессия». Установлено, что наиболее значимыми для студенческой молодежи являются ценности здоровье и близкие отношения, а ценность брака ниже, чем ценность родительства. Репродуктивные установки студенческой молодежи формируются постепенно: чем выше возраст, тем выше установки. В то же время планируемое число детей остается ниже, чем необходимо для воспроизводства населения. Брачный статус является фактором роста репродуктивных установок. Выявлены различия брачных установок студенческой молодежи, обучающейся в вузах и СПО. Перспективы исследования связаны с дальнейшим мониторингом ценностных ориентаций, установок на брак и деторождение в среде студенческой молодежи.

Ключевые слова: брачные установки, репродуктивные установки, семья, меры поддержки семей, традиционные семейные ценности, студенческая молодежь, студенческая семья, семейная и демографическая политика.

Цитирование. Васильева Е. Н., Филина М. Л. К вопросу о формировании брачных и репродуктивных установок: по результатам опроса студенческой молодежи // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 91–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.10>

Введение

В современном мире остро встают вопросы воспроизводства населения, обсуждаются причины демографического кризиса, в том числе лежащие в его основе изменения института семьи, отложенные брачность и рождаемость [Архангельский, Золотарева, Кучмаева 2025]. Основные направления дискуссии можно разделить на два направления. В рамках первого направления, демографические изменения трактуются как закономерные, а, следовательно, демографическая депопуляция будет продолжаться. В рамках второго направления постулируется, что возвращение к традиционным семейным ценностям будет способствовать росту рождаемости, брачности, снижению числа разводов и т. д. В Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Указ Президента Российской Федерации... web] и Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г. [Стратегия... web] обозначены традиционные ценности, в том числе крепкая семья, как один из основных приоритетов государства.

В рамках реализации семейной и демографической политики поставлен ряд задач, в том числе просвещение студенческой молодежи и поддержка студенческих семей [Бурханова, Хазипова, Сабанаева web; Минашкин и др. 2026]. Большой вклад в исследование ценностных ориентаций, брачных и репродуктивных установок студенческой молодежи внес научный коллектив, работающий под руководством Т.К. Ростовской [Студенческая семья в России... 2024; Ростовская, Шабунова, Калачикова 2023]. Артикуляция основных направлений формирования брачных и репродуктивных установок молодежи широко представлена российскими учеными [Вишневецкий, Дидковская, Зырянова 2024; Кучмаева, Золотарева 2022].

Вопрос формирования и развития студенческих семей поднимается и в зарубежных работах. Стали актуальными работы поиска баланса между учебой, работой и воспитанием детей в экономически развитых [Navarro-Cruz et al. 2023] и развивающихся странах [Osei Boakye et al. 2021]. Г.Э. Наварро-Крус с коллегами [Navarro-Cruz et al. 2023] выявили, что на западе США растет число студенческих семей с детьми в возрасте до 5 лет. Авторы приходят к выводу, что требуется расширение мер поддержки для формирования баланса семейных обязанностей и учебы, необходимо предоставлять студенческим семьям доступный, недорогой и качественный уход за детьми.

Исследование, проведенное среди студентов высших учебных заведений Ганы [Osei Boakye et al. 2021], показало, что молодые женщины совмещают учебу, работу и уход за детьми, а баланс между разными направлениями деятельности требует поддержки коллег, гибкого графика учебы и работы. Основной вывод – базовую поддержку предоставляет молодым женщинам семья, не только супружеская, но и родители супругов, другие родственники. Авторы предлагают разрабатывать и внедрять благоприятную для семьи кадровую политику, ориентированную на работающих женщин, стремящихся к самореализации и получению университетского образования, поддерживать баланс семейных обязанностей, учебы и работы.

В российских исследованиях специфика функционирования института студенческой семьи, поиск мер поддержки для обеспечения баланса семейных обязанностей, учебы и работы представлены в работах Т.К. Ростовской с соавторами [Ростовская, Васильева 2023; Ростовская, Васильева, Никольский 2024]. В России повышается актуальность исследования не только востребованности мер государственной поддержки, но и востребованности современных корпоративных демографических практик бизнеса у студенческой молодежи [Багирова, Соколова 2025; Мехова, Воробьева, Вавилова 2025]. Важно отметить, что социальный успех в моделях личного успеха современной студенческой молодежи не всегда сопряжен с понятием «семья» [Рожкова, Гладилина 2025].

Методологической базой исследования является концепция благополучия семьи Т.К. Ростовской [Ростовская, Васильева, Никольский 2024], которая позволяет сопоставлять идеальную модель семьи с представлениями о семье студенческой молодежи, дополненная индикаторами благополучия молодежи и подростков [Гурко 2023]. Целью данного исследования было в рамках проекта «Семейная сессия» методом массового опроса участников проекта выявить ценностные ориентации, брачные и репродуктивные установки студенческой молодежи. Новизна исследования состоит в том, что была опрошена студенческая молодежь вузов и СПО. Исследование проводилось в период с 1 октября 2024 г. до 25 декабря 2025 г. в ходе реализации проекта «Семейная сессия» [Проект «Семей-

ная сессия» web] – поддержка проекта: Фонд президентских грантов; Всероссийский партнерский проект «Семья – основа мира»; авторы проекта: Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защите материнства и детства; Ассоциация организаций по защите семьи; АНО «БЛАГО-Медиа». В рамках проекта был организован лекторий, слушатели которого приняли участие в социологическом опросе. Всего было опрошено 55 261 человек. Выборка исследования сформирована как гнездовая (на первом этапе в качестве гнезд отбирались образовательные учреждения, на втором этапе – студенческие группы), внутри гнезд проводился сплошной опрос, то есть опрошены все участники мероприятий. Исследование проведено в одиннадцати регионах России (см. табл. 1). Параметры выборки представлены в таблицах 2–3. Из всей совокупности опрошенных студентов 3,9 % респондентов указали, что состоят в браке.

Результаты исследования

Основным фактором формирования брачных и репродуктивных установок являются ценностные ориентации (см. табл. 4). Современные молодые люди в большей степени ориентированы на рождение детей, нежели на оформление брачных отношений. Это приводит к смещению возраста вступления в брак и увеличению вероятности разводов. В связи с этим возрастает потребность в общественном диалоге о критериях «крепкой семьи», а также о взаимосвязи брачного и репродуктивного поведения и выполнении родительских обязанностей как фундаментальных условий для устойчивости семьи и благополучия детей.

Большое влияние на результаты исследования оказали следующие факты: основная доля опрошенных – студенты в возрасте 16–19 лет; взросление мужчин и женщин различается. Мужчины дают иные оценки, чем женщины, например, «иметь хорошее здоровье» – женщины оценивают в 4,60 балла, мужчины – в 4,27 балла; «иметь рядом близкого человека» – 4,52 и 4,19 балла соответственно. Наиболее согласованные оценки наблюдаются в 22–23 года, данный возраст соответствует окончанию высшего образовательного учреждения по программе «бакалавриат», а также окончанию СПО, если студент поступил после 11 класса.

Таблица 1

Выборка исследования

Регион	Всего опрошено	Число наблюдений после отбраковки
Алтайский край	5 638	5 261
Волгоградская область	5 682	5 154
Ивановская область	5 053	5 014
Луганская Народная Республика	2 146	2 048
Мурманская область	3 758	3 080
Омская область	5 433	5 008
Саратовская область	7 423	7 284
Ставропольский край	6 181	5 841
Тамбовская область	4 793	4 481
Удмуртская Республика	4 693	3 726
Ханты-Мансийский автономный округ	4 491	4 278
<i>Всего</i>	55 291	51 175

Примечания. Отбракованы анкеты, некорректно заполненные респондентами; проверялись логичность заполнения анкетного листа, корректность формулировок; неполные анкеты, то есть респондент не ответил на ключевые вопросы; анкеты с признаками недобросовестного заполнения (все ответы «на автомате»); анкеты, содержащие явно случайные ответы в открытых вопросах; не обрабатывались выбросы, то есть наблюдения, резко отличающиеся от общей массы данных по одному или нескольким признакам; а также по критерию времени заполнения.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Укажите Ваш пол»

	Пол	Частота	Проценты	Валидный процент
Валидные	Женский	32 551	63,6	63,6
	Мужской	18 624	36,4	36,4
	<i>Всего</i>	51 175	100,0	100,0

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Сколько Вам полных лет?»

	Возраст	Частота	Проценты	Валидный процент
Валидные	меньше 16 лет	2 070	4,0	4,0
	16–17 лет	18 832	36,8	36,8
	18–19 лет	18 938	37,0	37,0
	20–21 год	7 636	14,9	14,9
	22–23 года	2 230	4,4	4,4
	24–25 лет	458	0,9	0,9
	больше 25 лет	1 011	2,0	2,0
	<i>Всего</i>	51 175	100,0	100,0

Таблица 4

Значимость жизненных целей для студенческой молодежи

Цель	Среднее
Иметь хорошее здоровье	4,48
Иметь рядом близкого человека	4,40
Получать высокую заработную плату	4,36
Иметь карьерный рост	4,31
Жить по совести	4,09
Путешествовать	4,03
Воспитать детей	3,98
Увидеть внуков	3,79
Жить в зарегистрированном браке	3,65
Иметь возможность не работать	3,24

Студентам было предложено оценить, какие условия из перечисленных важны для заключения брака (табл. 5). Выявлено, что на первом месте чувства – любовь и близкие отношения, на втором месте – материальные ресурсы для заключения брака.

Важные результаты получены ими при ответе респондентов на открытый вопрос «Напишите, если у Вас есть идеи и предложения, какие меры поддержки, кроме обозначенных выше, нужны еще студенческой семье?» (табл. 6). Большая часть ответов – это «затрудняюсь ответить», получено 4 696 ответов, результаты и закодированы для анализа. Выявлено, что 34,3 % респондентов на открытый вопрос оставили комментарии, позволяющие судить о негативном отношении к возможности заключения брака во время обучения (на-

пример, «сначала нужно доучиться, потом говорить о семье» и т. д.).

Респондентами были предложены интересные меры поддержки студенческих семей, например, увеличить для студентов-отцов срок академического отпуска без влияния на отсрочку от армии; предоставлять отсрочку от армии до достижения ребенком двух лет; выдавать студентам денежные гранты на свадьбу, если свадьба проводится в соответствии с традиционными семейными ценностями и др. Некоторые предложения направлены на формирование позитивного отношения к студенческим семьям – «с пониманием относиться к студенческим семьям». К потребностям студенческих семей респонденты относят – помощь в получении жилья, например предоставление студенческого общежития, в том

Таблица 5

Значимость причин для заключения брака

Причина	Средний балл по пятибалльной шкале
Наличие сильного чувства, любовь и близкие отношения	4,34
Наличие постоянной работы хотя бы у одного из будущих супругов	4,00
Наличие любого жилья, отдельного от родителей	4,07
Завершение мной образования	3,94
Наличие у меня постоянной работы / постоянного дохода	3,91
Наличие жилья в собственности	3,85
Наличие постоянной работы у обоих будущих супругов	3,68
Достойная поддержка молодой семьи со стороны государства	3,71
Достижение мной определенного возраста	3,55
Завершение образования хотя бы одним из будущих супругов	3,81
Желание стать отцом / матерью	3,46
Согласие на брак моих родителей	3,18
Беременность	2,94
Одобрение брака близким окружением	2,67
Возможность проживать после заключения брака с родителями	2,19

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Напишите, если у Вас есть идеи и предложения, какие меры поддержки, кроме обозначенных выше, нужны еще студенческой семье?»

Варианты ответов	%
Ответ не по существу вопроса, показывающий неготовность к обсуждению поддержки студенческих семей («сначала нужно доучиться, потом говорить о семье» и т. д.)	34,3
Образовательные льготы	5,6
Финансовая поддержка	24,4
Жилье	14,5
Психологическая поддержка близких (семьи, друзей, преподавателей и т. д.)	7,0
Профессиональная психологическая и педагогическая поддержка	6,3
Организация присмотра за детьми	2,7
Медицинская помощь	2,4
Помощь с приобретением автомобиля	1,6
Другое (бесплатный проезд в муниципальном транспорте, бесплатное питание беременным, детям и т. д.)	1,2

числе студентам-супругам, обучающимся в разных вузах; предоставление социального жилья, которое можно приватизировать при рождении второго и последующих детей; рассмотрение вопроса разрешения студенческим семьям брать ипотеку без первоначального взноса, если поручителями выступают родители молодых супругов; выдавать Семейную ипотеку молодым парам без детей на срок до двух лет, отменяя льготный процент, если в течении двух лет не родился ребенок, и т. д.

Большое внимание уделяется поддержке студентов при получении образования – перевод на бюджетные места, предоставление гибкого графика обучения, перевод на дистанционное образование, на заочную форму обучения без потери отсрочки от армии, а также помощь в трудоустройстве. Некоторые студенты, состоящие в браке, отмечали негативное отношение к ним преподавателей, обусловленное брачным статусом или наличием детей. В целом большая часть ответов показывает, что при стабилизации социально-экономической ситуации студенты ориентированы справляться самостоятельно с возникающими проблемами.

Установки на брак были уточнены (табл. 7), выявлено, что студенты полагают,

что женщинам лучше вступать в брак в более раннем возрасте, чем мужчинам. 18,9 % студентов, обучающихся в средних профессиональных образовательных учреждениях считает, что женщинам лучше вступать в брак в 21 год и ранее. В то же время только 7,7 % студентов СПО считают этот возраст лучшим для заключения брака мужчинами.

64,4 % женщин и 55,7 % мужчин считают возраст 22–25 лет лучшим для заключения брака женщинами. Возраст 22–25 лет лучшим для заключения брака мужчинами считают 58,7 % женщин и 54,8 % мужчин. В результате можно предположить, что высока доля девушек, ориентированных на заключение брака с мужчинами более старшего возраста, а не со сверстниками.

Установлено, что лучший возраст для рождения детей у женщин ниже, чем у мужчин (табл. 8). Так 22–25 лет выбрали 57,3 % женщин и 49,5 % мужчин как лучший возраст для женщин, но для мужчин границы иные – 22–25 лет отметили 46 % женщин и 42,7 % мужчин, еще 42,1 % мужчин считают приемлемым возраст 26–29 лет. Вероятно, возраст первых рождений у женщин повышается под влиянием общественного мнения, в том числе мнения мужчин, не готовых к брачным отношениям и рождению детей.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «В каком возрасте лучше, по Вашему мнению, зарегистрировать брак мужчинам и женщинам?», %

Возраст	Мужчинам				Женщинам			
	СПО	Вуз	Мнение женщин	Мнение мужчин	СПО	Вуз	Мнение женщин	Мнение мужчин
18–21	7,7	3,0	4,9	8,1	18,9	8,4	13,6	17,9
22–25	59,0	54,0	58,7	54,8	59,8	63,9	64,4	55,7
26–29	28,2	34,0	30,7	29,4	17,6	22,7	18,5	20,9
30 лет и старше	5,1	9,0	5,7	7,8	3,7	5,0	3,4	5,5
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Какой возраст, по Вашему мнению, лучший для рождения детей для мужчин и женщин?», %

Возраст	Мужчинам				Женщинам			
	СПО	Вуз	Мнение женщин	Мнение мужчин	СПО	Вуз	Мнение женщин	Мнение мужчин
18–21	3,7	1,7	2,4	4,3	9,9	4,1	6,9	9,6
22–25	47,4	40,2	46,0	42,7	54,7	54,3	57,3	49,5
26–29	40,0	44,6	42,1	40,8	29,0	33,9	29,9	32,3
30 лет и старше	8,9	13,4	9,6	12,2	6,5	7,6	5,9	8,5
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Выявлено, 15,6 % молодежи затрудняется ответить на вопросы о репродуктивных планах (табл. 9), то есть репродуктивные установки до конца не сформированы у большей части студенческой молодежи. Возможно, с повышением возраста формируются и увеличиваются репродуктивные установки, эту гипотезу необходимо проверять, сопоставляя данные реальных поколений. В целом планируемое число у студенческой молодежи остается ниже уровня воспроизводства населения.

Еще один важный фактор – влияние брачного статуса студентов на репродуктивные установки (табл. 10), желаемое и планируемое числа детей. Установки выше у студентов, состоящих в браке, что показывает – чем выше ценность брака и деторождения, тем в более раннем возрасте браки заключаются.

В ходе исследования были заданы вопросы о потребностях молодежи в информации (см. табл. 11). Выявлено, что студенты готовы слушать лекции о воспитании детей (78,7 %); детско-родительских отношениях (78,5 %); женском здоровье (78,1 %); роли отца и матери в семье (76,7 %); формировании семейных ценностей (74,7 %); рождении детей (74,6 %); понимании, что такое любовь (74,2 %); отношениях между мужем и женой (72,4 %); мужском здоровье (41 %).

Студенты хотели бы обсудить наедине со специалистами следующие темы – женское и мужское здоровье, отношения между мужем и женой, рождение детей. Необходимо учитывать и ограничения исследования. Возможно, на лекции присутствовали студенты, в большей степени заинтересованные мероприятием. Необходимо констатировать, что не всегда вопросы, поднимаемые в рамках проекта, студенты могут обсудить с родителями, тем более

что у 22,2 % опрошенных нет отца или респонденты не общаются с отцом, еще у 2,5 % с отцом отношения плохие. В общей совокупности это 44,7 % студентов с нарушением детско-родительских отношений с отцом, с матерями негативные отношения или нет отношений всего у 5,5 % (см. табл. 12–13).

Все меры поддержки студенты оценили достаточно низко (см. табл. 14–15), а студенты, состоящие в браке, ставят оценки еще ниже, чем студенты, не состоящие в браке. Наиболее высоко оценивают необходимость мер поддержки студенты 22–25 лет. В зависимости от возраста респондентов и брачного статуса рейтинг меняется.

Во многом неготовность молодежи заключать брак обусловлена самооценкой уровня жизни (см. табл. 16). Выявлено, что студенты высших образовательных учреждений оценивают свой уровень жизни ниже, чем студенты средних профессиональных учреждений. Это связано с тем, что уровень самостоятельности у студентов вузов выше, они старше, чаще проживают отдельно от родителей, сами ведут бюджет, их потребности иные, чем у более младших групп населения, особенно проживающих с родителями.

В результате совмещают работу и учебу чаще студенты, заключившие брак, чем не имеющие семьи (см. табл. 17, сумма в таблицах больше 100 %, так как молодые люди могли выбрать любое число ответов), поэтому студенческими семьями востребованы меры поддержки позволяющие совмещать образование и семейные обязанности. 23,5 % студентов, заключивших брак, не работает, в основном это девушки, а из числа молодежи, которая не состоит в браке, этот процент достигает 45,4 %.

Таблица 9

Желаемое и планируемое число в зависимости от возраста студентов

	16–17 лет	18–19 лет	20–21 год	22 года и старше	Всего
Сколько детей Вы хотели бы иметь, если у Вас будут для этого необходимые условия?	1,95	2,13	2,26	2,22	2,11
Сколько детей Вы собираетесь иметь?	1,87	1,97	1,97	1,91	1,95

Таблица 10

Желаемое и планируемое число детей у мужчин и женщин

	Не состоят в браке	Состоят в браке	Всего
Сколько детей Вы хотели бы иметь, если у Вас будут для этого необходимые условия?	2,09	2,50	2,05
Сколько детей Вы собираетесь иметь?	1,95	2,16	1,78

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос «Какие темы Вам будет интересно обсудить в группе / наедине со специалистом?», %

Тема для обсуждения	Женский	Мужской	Всего	Всего готовы обсудить тему
Воспитание детей				
Интересно обсудить эту тему в группе	46,5	41,3	44,5	78,7
Интересно обсудить эту тему наедине со специалистом	35,7	31,9	34,2	
Не интересно обсуждать эту тему	11,3	15,9	13,0	
Отношения между детьми и родителями				
Интересно обсудить эту тему в группе	45,0	39,8	43,0	78,5
Интересно обсудить эту тему наедине со специалистом	38,0	31,5	35,5	
Не интересно обсуждать эту тему	10,3	17,3	13,0	
Женское здоровье				
Интересно обсудить эту тему в группе	32,1	26,3	29,9	78,1
Интересно обсудить эту тему наедине со специалистом	53,6	39,6	48,2	
Не интересно обсуждать эту тему	8,1	20,5	12,9	
Роль матери в семье				
Интересно обсудить эту тему в группе	45,0	39,9	43,1	76,7
Интересно обсудить эту тему наедине со специалистом	36,0	29,8	33,6	
Не интересно обсуждать эту тему	11,5	18,0	14,0	
Как формируются семейные ценности?				
Интересно обсудить эту тему в группе	49,6	40,8	46,2	74,7
Интересно обсудить эту тему наедине со специалистом	28,7	28,2	28,5	
Не интересно обсуждать эту тему	13,7	18,4	15,5	
Роль отца в семье				
Интересно обсудить эту тему в группе	44,6	40,7	43,1	76,7
Интересно обсудить эту тему наедине со специалистом	35,8	30,2	33,6	
Не интересно обсуждать эту тему	12,0	17,3	14,0	
Рождение детей				
Интересно обсудить эту тему в группе	36,8	33,4	35,5	74,6
Интересно обсудить эту тему наедине со специалистом	41,1	35,9	39,1	
Не интересно обсуждать эту тему	14,5	18,5	16,0	
Что такое любовь?				
Интересно обсудить эту тему в группе	48,2	39,9	45,0	74,2
Интересно обсудить эту тему наедине со специалистом	30,7	26,9	29,2	
Не интересно обсуждать эту тему	12,9	19,7	15,6	
Отношения между мужем и женой				
Интересно обсудить эту тему в группе	39,3	35,9	38,0	72,4
Интересно обсудить эту тему наедине со специалистом	37,2	29,8	34,4	
Не интересно обсуждать эту тему	14,2	20,9	16,8	
Мужское здоровье				
Интересно обсудить эту тему в группе	31,5	28,5	30,4	73,8
Интересно обсудить эту тему наедине со специалистом	43,5	43,2	43,4	
Не интересно обсуждать эту тему	15,1	16,6	15,7	

Таблица 12

Результат ответов на вопрос «Какие у Вас отношения с мамой?», %

Не общаюсь с матерью / мамой	1,2
Мамы нет	2,9
Плохие	1,4
Хорошие	71,7
Хорошие, но иногда ссоримся	22,7
<i>Всего</i>	100,0

Таблица 13

Результат ответов на вопрос «Какие у Вас отношения с папой?», %

Не общаюсь с отцом / папой	8,7
Папы нет	13,5
Плохие	2,5
Хорошие	59,5
Хорошие, но иногда ссоримся	15,8
<i>Всего</i>	100,0

Таблица 14

Результаты ответов на вопрос о мерах поддержки рождения ребенка в студенческой семье, % (переменная – возраст студентов)

	Возраст							По всей совокупности
	Меньше 16	16–17	18–19	20–21	22–23	24–25	Больше 25	
Содействие студенческим семьям в покупке собственного жилья	3,09	3,47	3,60	3,80	3,88	3,78	3,81	3,55
Предоставление льготной аренды жилья на время обучения	3,19	3,52	3,64	3,85	4,07	3,84	3,75	3,60 (№ 3 в рейтинге)
Возможность совмещать получение образования с семьей / работой	3,31	3,66	3,81	4,01	4,20	4,03	3,85	3,76 (№ 1 в рейтинге)
Помощь в трудоустройстве супругов	3,24	3,52	3,65	3,82	3,90	3,84	3,85	3,60 (№ 3 в рейтинге)
Повышенные стипендии, надбавки при рождении ребенка	3,37	3,67	3,83	4,03	4,22	4,04	3,94	3,78 (№ 1 в рейтинге)
Помощь в организации присмотра за ребенком	3,04	3,30	3,41	3,60	3,84	3,80	3,64	3,38
Помощь в организации семейного отдыха	3,05	3,33	3,36	3,48	3,63	3,53	3,51	3,36

Таблица 15

Результаты ответов на вопрос о мерах поддержки рождения ребенка в студенческой семье, % (переменные – пол и брачный статус студентов)

	Женский	Мужской	Состоит в браке	Не состоит в браке
Содействие студенческим семьям в покупке собственного жилья	3,67	3,36	3,52 (№ 3 в рейтинге)	3,55
Предоставление льготной аренды жилья на время обучения	3,72	3,42	3,47	3,60
Возможность совмещать получение образования с семьей / работой	3,89	3,54	3,60 (№ 2 в рейтинге)	3,76
Помощь в трудоустройстве супругов	3,73	3,41	3,49	3,61
Повышенные стипендии, надбавки при рождении ребенка	3,91	3,56	3,66 (№ 1 в рейтинге)	3,78
Помощь в организации присмотра за ребенком	3,50	3,19	3,31	3,38
Помощь в организации семейного отдыха	3,46	3,20	3,31	3,36

Таблица 16

Оценка студентами уровня своих доходов, %

	Студенты вуза	Студенты СПО	Всего
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений	28,7	40,4	36,5
Жить на такой доход довольно трудно	17,9	10,1	12,8
Жить на такой доход очень трудно	3,9	2,5	3,0
Затрудняюсь ответить	4,8	6,9	6,2
Этого дохода нам в принципе хватает	44,7	40,0	41,6
Пропущенные	0,0	0,0	0,0
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0

Таблица 17

Распределение ответов на вопрос «Вы совмещаете учебу и работу?», %

	Место учебы		Брачный статус		Всего
	СПО	Вуз	Да	Нет	
Да, подрабатываю на каникулах	30,2	20,4	17,4	27,2	26,8
Да, нахожу подработки во время учебы	20,8	21,3	26,3	20,7	20,9
Да, постоянно подрабатываю в одном месте, но без официального трудоустройства	10,1	12,5	12,5	10,8	10,9
Да, работаю на основе трудового договора / договора гражданско-правового характера	5,8	11,3	25,6	6,9	7,7
Да, помогаю родственникам, у них собственное дело	6,4	7,1	10,5	6,5	6,7
Оформил(а) самозанятость	2,9	3,5	5,8	3,0	3,1
Подрабатываю как фрилансер	2,8	3,7	3,5	3,1	3,1
Нет, не работаю, но планирую найти подработку / работу	25,7	22,5	10,0	25,2	24,6
Нет, не работаю и не планирую работать, пока учусь	20,6	18,5	13,5	20,2	19,9

Обсуждение и выводы

Полученные результаты репрезентируют различия в установках у студентов в разных возрастных группах; состоящих в браке и не состоящих в браке; мужчин и женщин. Выявлено: чем младше студент, тем ниже его брачные и репродуктивные установки. Потребность в заключении брака и рождении детей является закономерным результатом взросления. Студенты младше 20 лет не ориентированы на брак и семью, они ориентированы на завершение образования.

Выявлено, что большая часть студенток считают возраст 22–25 лет лучшим для рождения детей, однако в реальности возраст первых рождений увеличивается. Необходимо формировать условия, которые позволят молодежи увереннее планировать брачные и репродуктивные стратегии, развивать ориентации

на традиционные семейные ценности, в том числе «крепкую семью», освещать успешные практики реализации брачных и репродуктивных планов молодежи.

Проведенное исследование позволило сформировать следующие выводы. Работу со студенческим сообществом необходимо дифференцировать в зависимости от возраста студентов и от типа образовательного учреждения (СПО или вуз). Наиболее востребованные формы поддержки – помощь с жильем, поддержка гибкого графика учебы и т. д. Студенты рационально подходят к решению вопроса о создании семьи, им необходима целостная картина их будущей жизни, где материальная обеспеченность является базовым условием, а гибкость образовательной системы и благоприятный психологический климат в образовательном учреждении – дополнительными условиями, позволяющими реализовать себя в семье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архангельский, Золотарева, Кучмаева 2025 – Архангельский В.Н., Золотарева О.А., Кучмаева О.В. Показатели вступления в первый брак в реальных поколениях: методические и аналитические возможности данных текущего учета // Вопросы статистики. 2025. Т. 32, № 6. С. 57–77. DOI: 10.34023/2313-6383-2025-32-6-57-77
- Багирова, Соколова 2025 – Багирова А.П., Соколова Е.Ю. Представления о корпоративной демографической политике и репродуктивные ориентации студенческой молодежи: поиск взаимосвязи // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 110–125. DOI: 10.19181/nko.2025.31.3.8
- Бурханова, Хазипова, Сабанаева web – Бурханова Ф.Б., Хазипова С.Р., Сабанаева К.Э. Направления и меры поддержки студенческих семей в российских вузах (анализ комплексных программ и «единых окон») [Социальное пространство. 2025. Т. 11, № 2. DOI: 10.15838/sa.2025.2.46.5] // <https://socialarea-journal.ru/article/30342>

- Вишне夫斯基, Дидковская, Зырянова 2024 – Вишне夫斯基 Ю.Р., Дидковская Я.В., Зырянова О.Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // *Женщина в российском обществе*. 2024. № 1. С. 40–55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3
- Гурко 2023 – Гурко Т.А. Динамика жизнедеятельности и факторы благополучия подростков // *Мир России*. 2023. Т. 32, № 4. С. 119–137. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-119-137
- Кучмаева, Золотарева 2022 – Кучмаева О.В., Золотарева О.А. Студенческая семья в современной России: демографические и социальные характеристики по данным выборочного обследования // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 135–149. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-135-149
- Мехова, Воробьева, Вавилова 2025 – Мехова А.А., Воробьева И.Н., Вавилова А.С. Корпоративные демографические практики бизнеса: отношение российских студентов как будущих работников // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2025. Т. 18, № 2. С. 163–179. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.9
- Минашкин и др. 2026 – Минашкин В.Г., Константинова Л.В., Каргаполова Е.В., Петров А.М., Штыхно Д.А. Вовлечение университетов в реализацию государственной демографической политики: анализ в контексте брачно-репродуктивных установок студентов // *Высшее образование в России*. 2026. Т. 35, № 3. С. 33–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2026-35-3-33-62
- Проект «Семейная сессия» web – Проект «Семейная сессия» Ассоциации организаций по защите семьи // <https://aozs.ru/index/semejnyaya-sessiya.html>
- Рожкова, Гладилина 2025 – Рожкова Л.В., Гладилина В.А. Социальный успех в моделях личного успеха современной студенческой молодежи // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2025. № 1. С. 5–14. DOI: 10.21685/2072-3016-2025-1-1
- Ростовская, Васильева 2023 – Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Стратегии формирования благополучия студенческих семей (по результатам глубинного интервью) // *Logos et Praxis*. 2023. Т. 22, № 2. С. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8>
- Ростовская, Васильева, Никольский 2024 – Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Никольский В.С. Параметры благополучия студенческой семьи в современной России: основные проблемы и поиск ресурсов // *Высшее образование в России*. 2024. Т. 33, № 7. С. 15–31. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31
- Ростовская, Шабунова, Калачикова 2023 – Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 3. С. 31–42. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.3
- Стратегия... web – Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года // <http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7pmN4.pdf>
- Студенческая семья в России... 2024 – Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия: монография / Т. К. Ростовская [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская; ИДИ ФНИСЦ РАН. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024.
- Указ Президента Российской Федерации... web – Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S&ysclid=mrjgohyr2r895567967>
- Navarro-Cruz et al. 2023 – Navarro-Cruz G.E., Dávila B.A., Amaya A., Orozco-Barajas I. Accommodating Life's Demands: Childcare Choices for Student Parents in Higher Education // *Early Childhood Research Quarterly*. 2023. № 62. P. 217–228. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2022.08.009>
- Osei Boakye et al. 2021 – Osei Boakye O., Dei Mensah R., Bartrop Sackey M., Muah P. Juggling Between Work, Studies and Motherhood: The Role of Social Support Systems for the Attainment of Work-Life Balance // *SA Journal of Human Resource Management*. 2021. № 19 (0), a1546. DOI: 10.4102/sajhrm.v19i0.1546

REFERENCES

- Arkhangelsky V.N., Zolotareva O.A., Kuchmaeva O.V., 2025. First Marriage Rates in Real Generations: Methodological and Analytical Potential of Current Registration Data. *Voprosy Statistiki*, vol. 32, no. 6, pp. 57-77. DOI: 10.34023/2313-6383-2025-32-6-57-77

- Bagirova A.P., Sokolova E. Yu., 2025. Perceptions of Employer Family Support and Reproductive Intentions Among University Students: The Search for a Relationship. *Science. Culture. Society*, vol. 31, no. 3, pp. 110-125. DOI: 10.19181/nko.2025.31.3.8
- Burkhanova F.B., Khazipova S.R., Sabanaeva K.E., 2025. Directions and Measures to Support Student Families in Russian Universities (Analysis of Integrated Programs and Single Windows). *Social Area*, vol. 11, no. 2. DOI: 10.15838/sa.2025.2.46.5
- Vishnevsky Y.R., Didkovskaya Y.V., Zyryanova O.B., 2024. Matrimonyal and Reproductive Attitudes of Youth in the Context of Young Family Safety. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 1, pp. 40-55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3
- Gurko T.A., 2023. The Dynamics of Life Activity and Factors of Teenagers Well-Being. *Universe of Russia*, vol. 32, no. 4, pp. 119-137. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-119-137
- Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A., 2022. Student Family in Modern Russia: Demographic and Social Characteristics According to Sample Survey Data. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-Economic Sciences*, vol. 15, no 1, pp. 135-149. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-135-149>
- Mekhova A.A., Vorobeva I.N., Vavilova A.S., 2025. Corporate Demographic Business Practices: Attitudes of Russian Students as Future Employees. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 18, no. 2, pp. 163-179. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.9
- Minashkin V.G., Konstantinova L.V., Kargapolova E.V., Petrov A.M., Shtykhno D.A., 2026. Engaging Universities in the Implementation of State Demographic Policy: An Analysis in the Context of Students' Marital and Reproductive Attitudes. *Higher Education in Russia*, vol. 35, no. 3, pp. 33-62, DOI: 10.31992/0869-3617-2026-35-3-33-62
- Family Session Project of the Association of Family Protection Organizations*. URL: <https://aozs.ru/index/semeynaya-sessiya.html>
- Rozhkova L.V., Gladilina V.A., 2025. Social Success in Personal Success Models of Modern Student Youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*, no. 1, pp. 5-14. DOI: 10.21685/2072-3016-2025-1-1
- Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N., 2023. Strategies for Forming the Well-Being of Student Families (By the Results of In-Depth Interview). *Logos et Praxis*, vol. 22, no. 2, pp. 67-80. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8>
- Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N., Nikolskiy V.S., 2024. The Conditions of Functioning of the Student Family in Modern Russia: The Main Problems and Resources of Well-Being. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, vol. 33, no. 7, pp. 15-31. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31
- Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Kalachikova O.N., 2023. Marriage and Family Conceptions of Student Youth: According to the Results of the Author's Study. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 3, pp. 31-42. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.3
- Strategy of Actions for the Implementation of Family and Demographic Policy, Support for Large Families in the Russian Federation Until 2036*. URL: <http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7pmN4.pdf>
- Rostovskaya T.K. et al. (eds.), 2024. *Student Family in Russia: Barriers and Opportunities for WellBeing: Monograph*. Ivanovo, Ivan. gos. un-t.
- Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S&ysclid=mrjgohyr2r895567967>
- Navarro-Cruz G.E., Dávila B.A., Amaya A., Orozco-Barajas I., 2023. Accommodating Life's Demands: Childcare Choices for Student Parents in Higher Education. *Early Childhood Research Quarterly*, no. 62, pp. 217-228. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2022.08.009>
- Osei Boakye A., Dei Mensah R., Bartrop Sackey M., Muah P., 2021. Juggling Between Work, Studies and Motherhood: The Role of Social Support Systems for the Attainment of Work-Life Balance. *SA Journal of Human Resource Management*, no. 19 (0), a1546. DOI: 10.4102/sajhrm.v19i0.1546

Information About the Authors

Ekaterina N. Vasilieva, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Krzhizhanovskogo St, 24/35, Bld. 5, 117218 Moscow, Russian Federation, vasilevaen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Maria L. Filina, Chairperson, Association of Family Protection Organizations, Pokrovka St, 42, Bld. 5-5a, 105062 Moscow, Russian Federation, filina.aozs@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4618-0194>

Информация об авторах

Екатерина Николаевна Васильева, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, ул. Кржижановского, 24/35, корпус 5, 117218 г. Москва, Российская Федерация, vasilevaen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Мария Леонидовна Филина, председатель, Ассоциация организаций по защите семьи, ул. Покровка, 42, стр. 5-5а, 105062 г. Москва, Российская Федерация, filina.aozs@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4618-0194>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.11>UDC 316.4
LBC 60.54Submitted: 13.04.2026
Accepted: 29.05.2026

THE QUALITY OF LIFE FOR THE ELDERLY IN RUSSIA AND KENYA: A COMPARATIVE ANALYSIS

Olga V. Tkachenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Audrey Museve

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the basic aspects of the quality of life of the elderly in Russia and Kenya in the circumstances of the implementation of international and state social programs aimed at creating conditions for successful and active longevity. Sociological studies conducted in Russia (Volgograd, $n = 221$) and Kenya (districts of Nyamira, Kisii, Siaya, Homa Bay, Migori, and Kisumu, $n = 385$) allowed us to formulate several theses that explicate the subjective assessment of the elderly regarding the quality of their life in certain aspects: health, nutrition, financial well-being, social support, and areas of self-realization. The results of the empirical studies revealed several main trends related to the quality of life of elderly people in the two countries under comparison. Firstly, in general, when considering 60 years as the age of an elderly person, the respondents do not agree with the age threshold for starting pension payments, expressing the need to lower it. Secondly, in general, the average and low health ratings are associated with the need to visit both public and private clinics, while in Kenya, they are the result of forced self-medication due to the lack of access to medical care. Thirdly, despite low ratings of standard of living, the elderly in Russia prioritize maintaining their employment during retirement to improve their food, housing, and overall quality of life, unlike Kenyans who are forced to work to meet their basic needs. Finally, both countries rely on the government as the primary agent of socio-economic support. In general, with a more prosperous lifestyle for the elderly in Russia, there is a focus on a traditional, passive model of the elderly's social position in society, which is limited to engaging in various leisure activities. The low socio-economic well-being of Kenyans is combined with a desire for a progressive model of behavior, i.e., self-realization and development in old age through participation in political, social, cultural, educational, and other types of public activities.

Key words: active longevity, elderly, quality of life, standard of living, behavioral strategies.

Citation. Tkachenko O.V., Museve A. The Quality of Life for the Elderly in Russia and Kenya: A Comparative Analysis. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 104-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.11>

УДК 316.4
ББК 60.54Дата поступления статьи: 13.04.2026
Дата принятия статьи: 29.05.2026

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РОССИИ И КЕНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ольга Викторовна Ткаченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Одри Мусеве

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу базовых аспектов качества жизни пожилых людей в России и Кении в обстоятельствах реализации международных и государственных социальных программ, направленных на формирование условий для успешного и активного долголетия. Социологические исследования, проведенные в России (г. Волгоград, $n = 221$) и Кении (округа Ньямира, Кисии, Сиая, Хома-Бей, Мигори, Кисуму, $n = 385$) позволили сформулировать несколько тезисов, explicating субъективную оценку пожилыми людьми качества их жизни в определенных аспектах: здоровья, питания, финансового благополучия, социальной поддержки и сфер самореализации. Результаты эмпирических исследований выявили несколько основных тенденций, связанных с качеством жизни пожилых людей в двух странах, находящихся под сравнением. Во-первых, в целом, рассматривая 60 лет как возраст пожилого человека, респонденты не соглашались с возрастной границей для начала пенсионных выплат, выражая потребность в ее снижении. Во-вторых, в целом, средние и низкие рейтинги здоровья ассоциируются с необходимостью посещения как государственных, так и частных клиник, в то время как в Кении они являются результатом вынужденной самолечения из-за отсутствия доступа к медицинской помощи. В-третьих, несмотря на низкие рейтинги стандарта жизни, пожилые люди в России в первую очередь стремятся сохранить занятость в период выхода на пенсию для улучшения своего питания, жилищных условий и общего качества жизни, в отличие от кенийцев, вынужденных работать для удовлетворения своих базовых потребностей. Наконец, обе страны полагаются на правительство как на основного агента социально-экономической поддержки. В целом, при более благополучном образе жизни пожилых людей в России наблюдается фокус на традиционной, пассивной модели социального положения пожилого человека в обществе, ограниченной участием в различных досуговых мероприятиях. Низкое социально-экономическое благополучие кенийцев сочетается с желанием прогрессивной модели поведения, т.е. самореализации и развития в старости через участие в политических, социальных, культурных, образовательных и других типах общественной деятельности.

Бей, Мигори и Кисуму, $n = 385$), позволили сформулировать несколько тезисов, эксплицирующих субъективную оценку пожилых людей относительно качества их жизни в отдельных аспектах: здоровье, питание, финансовое благополучие, социальная поддержка, направления самореализации. Данные эмпирических исследований позволили выявить несколько основных тенденций, связанных с качеством жизни людей пожилого возраста двух сравниваемых стран. Во-первых, принимая 60 лет как возраст пожилого человека, респонденты не согласны с возрастным порогом начала пенсионных выплат, высказываются о необходимости его снижения. Во-вторых, средняя и низкая оценка здоровья связаны в России с необходимостью обращаться как в государственные, так и в частные поликлиники, в то время как в Кении это результат вынужденного самолечения в связи с недоступностью медицинской помощи. В-третьих, при низких оценках уровня жизни пожилые люди в России ориентированы на сохранение трудовой деятельности в пенсионный период для повышения качества питания, жилья и жизни в целом, в отличие от кенийцев, которые вынуждены работать для удовлетворения только базовых потребностей. И, наконец, в качестве основных агентов социально-экономической поддержки в обеих странах обозначается государство. В общем при более благополучной жизнедеятельности пожилых людей в России просматривается ориентация на традиционную, пассивную модель социальной позиции пожилых людей в обществе, которая ограничивается проведением разнообразного досуга. Низкое социально-экономическое благополучие кенийцев сочетается с наличием стремления к прогрессивной модели поведения, то есть самореализации и развитию в пожилом возрасте за счет участия в политических, социальных, культурных, образовательных и других видах общественной деятельности.

Ключевые слова: активное долголетие, пожилые люди, качество жизни, уровень жизни, поведенческие стратегии.

Цитирование. Ткаченко О. В., Мусеве О. Качество жизни пожилых людей в России и Кении: сравнительный анализ // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 104–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.11>

В Глобальной стратегии по проблемам старения и здоровья, подготовленной Всемирной организацией здравоохранения, описаны мероприятия Десятилетия здорового старения на период с 2020 по 2030 г., сфокусированные на повышении качества жизни пожилых людей по всему миру [Голубева, Соловьев 2023]. С 2019 г. в России в рамках национального проекта «Демография», а далее, с 1 января 2025 г., национального проекта «Семья» была инициирована государственная программа «Активное долголетие», направленная на улучшение жизненных условий российских граждан старшего возраста. С 2008 г. в Кении начинается волна государственных программ и реформ, нацеленных на поддержку пожилых людей в контексте значимых аспектов жизнедеятельности [Kenya... Review... web]. В рамках проводимой мировой и социальной политики двух стран появилась возможность сравнить итоги внедрения глобальной стратегии и программ, ориентированных на улучшение жизненных условий пожилых людей путем изучения субъективной оценки степени удовлетворения пожилыми людьми качества их жизни.

Стоит отметить, что уровень и качество их жизни являются актуальным объектом современных исследований, которые сосредотачивают внимание на старении как социаль-

ном феномене [Курышова, Алпысбаева 2016], пытаюсь разрешить существующее противоречие в восприятии старости. С одной стороны, период после 60 лет рассматривается как период затухания физических и умственных функций организма. В рамках данной концепции пожилой человек принимает пассивную социальную позицию, не выстраивает разветвленную систему социальных ожиданий относительно своей роли в обществе. С другой стороны, пожилой возраст воспринимается как этап мудрости, благоразумия, как пора, позволяющая реализовать свой потенциал. Здесь пожилые люди занимают активную социально-экономическую позицию, ориентированную на самореализацию и динамичный образ жизни. Именно этот подход позволяет определить две позиции относительно оценки своей жизни, ее качества: традиционный и прогрессивный. Современные авторы рассуждают о восприятии жизни, которое формируется не только под влиянием накопленного опыта [Ельникова, Бекетов 2023] и внутренних особенностей (темперамент, характер) человека [Щапина 2014], но и из-за не менее значимых внешних социальных условий: финансовое благополучие, социальная поддержка разного уровня, наличие увлечений и хобби [Gyasi, Aboderin, Asiki 2022]. Кроме того, ключевым аспектом

отношения пожилого человека к жизни является состояние его здоровья. Считается, что данный ресурс наиболее остро теряет свои свойства к достижению человеком 60-летнего возраста, что делает его ценнее для пожилых людей в любой точке мира, что и подтверждается результатами исследований в России [Щанина 2014] и в Кении [Dzando et al. web].

Настоящее сравнительное исследование основано на двух структурированных массивах данных, собранных осенью 2025 г. среди лиц в возрасте 60 лет и старше методами формализованного интервью в России, сбор данных осуществлялся в Волгограде как типичном городе России ($n = 221$) и социологического анкетного опроса в Кении в округах Ньямира, Кисии, Сиая, Хома-Бей, Мигори и Кисуму ($n = 385$). Нами были выделены индикаторы, позволяющие сопоставить данные двух массивов исследования по следующим тематическим блокам:

1. Восприятие пожилого возраста.
2. Здоровье и медицинское обслуживание.
3. Финансовая обеспеченность и материальная поддержка.
4. Социальная поддержка.
5. Возможности и направления самореализации и развития.

Исследование носит описательный характер и ориентировано на сопоставление структурных паттернов, а не на статистическую проверку гипотез, что обусловлено неравенством объемов выборок.

Итак, начнем с определения того, как пожилые люди воспринимают новый этап своей жизни, как осмысливают новый социальный контекст. Современные ученые указывают, что хронологический подход определения возраста уходит на второй план. По мнению Е.В. Блехарской, люди в 60 лет зачастую со стороны не воспринимаются как «старики», так как сохраняют социальную, трудовую активность [Блехарская 2017]. Относительно определения внутреннего ощущения возраста обратимся к результатам исследований. Анализ данных опроса в России позволяет сказать, что возраст 60 лет выступает доминирующей референтной точкой при определении начала пожилого возраста (71,4 %), значение медианы – 60 лет, что свидетельствует о высокой консо-

лидации возрастного порога. В Кении мы не наблюдаем такого согласованного мнения. В соответствии с показателями медианы, данный возраст располагается ниже отметки 60 и составляет 58 лет, что может быть связано с низким качеством жизни и высоким уровнем смертности [Nyambedha, Wandibba, Aagard-Hansen 2023]. Однако, по итогам проведенного анализа, определение пенсионного возраста не всегда связано с порогом 60 лет. Так, в России наблюдается сохранение установки на существующий ранее, до пенсионной реформы 2019 г., возраст выхода на пенсию. У женщин он составлял 55 лет, с чем соглашались 72 % опрошенных, и у мужчин в 60 лет, с чем солидарны 71,4 % респондентов. Можно предположить, что в России это обусловлено несформированной установкой в рамках новой реформы, то есть сохранением традиционного восприятия пенсионного возраста. Стоит отметить, что 60 лет в Кении является возрастом получения страховой пенсии и у мужчин и у женщин, с чем выразили согласие только 35,3 % опрошенных, что может быть связано с показателем средней продолжительности жизни у обоих полов, которая составляет 64 года [Каталог статистики... web]. Низкий возрастной показатель выхода на пенсию, по сравнению с Россией, можно объяснить тем, что многие люди в прямом смысле не доживают до получения пенсии или получают ее только незначительный период времени. Таким образом, получение гарантированных пенсионных выплат, по мнению типичных пожилых людей, должно осуществляется ранее возрастной отметки 60 лет, что свидетельствует о непринятии современных пенсионных систем как в России, так и в Кении.

Следующий показатель качества жизни – здоровье. Современные исследователи утверждают, что основной проблемой старческого и пожилого возраста является здоровье, что обусловлено несколькими причинами: характерные для данного периода особенности физиологии, накопление хронических заболеваний и т. д. [Ваганова-Наймушина 2017; Gyasi, Aboderin, Asiki web]. При оценке качества жизни мы ориентировались на следующие показатели здоровья: общее состояние здоровья, практики потребления медицинских услуг, качество медицинских услуг, «злобод-

невные» проблемы пожилых людей в сфере здоровья, питание и его качество.

Итак, здоровье – это ресурс, который приобретает особое уязвимое положение в связи с переходом на новый жизненный этап. Это связано как с возрастными изменениями, так и с ухудшением состояния из-за появления новых социальных проблем: переход в новый социальный статус, снижение трудовой и социальной активности. Кроме того, с точки зрения пожилых людей, здоровье – тот показатель, который позволяет детерминировать человека в категорию «пожилой». Особенно это характерно для россиян. Так, 38,1 % респондентов отмечают, что ухудшение состояния здоровья, помимо возраста является значимым показателем признание человека «пожилым». В Кении данный критерий упоминается значительно реже (9,9 %).

Пожилые люди в России склонны скорее к удовлетворительной оценке своего состояния здоровья (76,23 %), в отличие от кенийцев, где средние оценки дают только треть респондентов (табл. 1). Стоит отметить, что почти половина участников исследования из Кении (46,5 %) оценивает свое здоровье как «плохое» и «очень плохое», что говорит о важности данной проблемы и необходимости соответствующей государственной поддержки. Результаты исследования показывают, что актуальной является обеспокоенность пожилых людей не только состоянием своего здоровья, но и качеством медицинского обслуживания. В России (19,1 %) и в Кении (32,0 %) пожилые люди относят качество медицинских услуг к наиболее актуальным для них проблемам (табл. 1).

Возможно это связано с обращением в конкретные медицинские учреждения. В ходе анализа было установлено, что пожилые люди в России записываются как в бюджетные, так

и в частные медицинские учреждения (52,4 %), сочетая в своих практиках как государственную надежность, так и оперативность, разнообразие услуг в частных клиниках. В Кении ситуация с подобным выбором не так однозначна. При отсутствии медицинской страховки большинство кенийцев предпочитают лечиться самостоятельно, причем это не единичные ответы, а достаточно распространенное явление. 40,1 % кенийцев – участников исследования вынуждены прибегать к самолечению. Исследования зарубежных авторов, проведенные в г. Найроби, подтверждают такую тенденцию: в 73,0 % случаев пожилые люди вынуждены лечиться самостоятельно в связи с отсутствием денежных средств для обращения за медицинской помощью [Gachuri, Wambugu, Kamau 2023]. В России такая практика распространена только в 9,5 % случаев. Можно предположить, что это вызвано не столько безответственным отношением к своему здоровью, сколько отсутствием институциональной поддержки пожилых людей в сфере медицинского обслуживания и их недостаточными финансовыми возможностями для обращения за квалифицированной медицинской помощью в Кении.

Завершая часть о здоровье пожилых людей, мы хотели бы остановиться еще на одном показателе – качестве питания, под которым мы подразумеваем сохранение возможности приобретать продукты того качества, которые были в основе рациона пожилого человека до выхода на пенсию. Данный индикатор не только непосредственно связан со здоровьем, но и является показателем финансового благополучия пожилого человека, возможности сохранить привычный ему уровень жизни. Итак, согласно проведенному опросу, проблема «некачественное питание» является актуальной для 42,9 % респондентов в России и 65,2 % в Ке-

Таблица 1

«Злободневные» проблемы современных пожилых людей в России и Кении, %

Проблемы пожилых людей	Россия	Кения
Некачественное медицинское обслуживание	12,0	12,2
Отсутствие доступа к необходимым медицинским услугам	7,1	19,8
Здоровье	9,0	19,0
Доступность и дороговизна лекарства	9,1	7,1
Итого в сфере здоровья	37,2	58,1
Злободневные проблемы пожилых людей (в целом)	100,0	100,0

нии. Эта проблема является достаточно распространенной, что подтверждается результатами исследований зарубежных авторов. Так, 68,0 % кенийцев характеризовали свой уровень питания как недостаточный, что, по их мнению, стало причиной обострения гипертонии (37,6 %) и появления диабета (13,0 %) [Kamwana, Mapesa, Oirere 2021].

В сфере здоровья можно отметить следующие тенденции:

1) для российских пожилых людей характерны средние оценки состояния здоровья, в отличие от Кении, где пожилые люди отрицательно высказываются о состоянии своего здоровья;

2) некачественное медицинское обслуживание как проблема актуальна и для России, и для Кении. Тем не менее для пожилых людей в России доступны медицинские услуги и через обязательное медицинское страхование, и посредством частного медицинского обслуживания. Кенийцы компенсируют отсутствие доступа к медицинскому обслуживанию самолечением, что является опасной практикой для здоровья пожилого человека;

3) некачественное питание также признается актуальной проблемой в обеих выборках, однако кенийцы чаще сталкиваются с ней, что может быть обусловлено более низким уровнем жизни.

Следующий показатель – финансовая обеспеченность и материальная поддержка, то есть параметры, характеризующие уровень жизни пожилых людей. Данный тематический блок мы измеряли следующими индикаторами: оценка финансового благополучия, наличие трудовой деятельности и базовые причины ее продолжения, «злободневные» проблемы пожилых людей в сфере финансов, качество жилищных условий.

Финансовая обеспеченность, а для пожилого человека это, прежде всего, размер пенсии, является одной из наиболее контрастных

сфер межстранового сопоставления. Так, участники исследования в России разделились на две группы: одна часть респондентов (57,1 %) считают, что размер их пенсии позволяет удовлетворять основные потребности, тогда как другая (52,4 %) считает, что финансовое обеспечение является проблемой актуальной. В Кении пожилые люди также не считают себя финансово благополучными. Из участников исследования только 38,4 % получают гарантированную пенсию по старости, причем половина из них (52,0 %) оценивают пенсию как недостаточную. Отвечая на открытый вопрос о «злободневных» проблемах пожилых людей, участники исследования в России (38,1 %) и Кении (46,4 %) отметили финансовое благополучие как наиболее волнующую тему (табл. 2).

Далее рассмотрим трудовую деятельность и ее мотивацию, которая отражает наиболее уязвимые и значимые аспекты жизни пожилых людей. Стоит отметить, что в обеих странах продолжение трудовой деятельности в большинстве своем связано с материальным благополучием и необходимостью его поддержания. В России чаще всего сохранение своего рабочего места связано с «повышением или поддержанием качества своей жизни» на привычном уровне (57,1 %), наряду с мотивом «выживания» (38,1 %), который востребован преимущественно у женщин. Такие результаты связаны с тем, что 1/3 участников исследования из России дают низкие оценки институциональной поддержке в сфере финансов в виде пенсионного обеспечения, предоставляемым транспортным, коммунальным и другим видам льгот. Эти условия требуют от них ориентации на собственные силы, в том числе за счет продолжения трудовой деятельности.

В Кении ситуация выглядит сложнее. Так, мотив продолжения трудовой деятель-

Таблица 2

«Злободневные» проблемы современных пожилых людей в России и Кении в сфере финансов, %

Проблемы пожилых людей	Россия	Кения
«Маленькая пенсия»	19,0	35,2
Острая нехватка денег	19,5	11,2
Итого в сфере финансов	38,1	46,4
Итого в сфере здоровья	37,2	58,1
Злободневные проблемы пожилых людей (в целом)	100,0	100,0

ности «для выживания» имеет максимальную выраженность (86,0 %). В Кении уже более 60,0 % пожилых людей оценивают государственную поддержку в сфере финансового обеспечения крайне низко, уточняя, что сохранение трудовой деятельности и гарантированная зарплата часто не позволяет удовлетворять даже базовые потребности. В исследованиях зарубежных авторов подтверждаются представленные выводы. При анализе влияния бедности на благополучие пожилых людей (60+) в провинции Ньянза было установлено, что значительная часть пожилого населения живет в условиях низкого дохода и зависит от доходов мелкого сельского хозяйства. Около 57,0 % респондентов отметили, что их доход составляет менее 2 000 кенийских шиллингов в месяц, то есть 1 282 рублей [Centre for Affordable... web].

В целом к уровню жизни помимо финансового обеспечения можно отнести качество жилищно-бытовых условий. По результатам исследования, плохие условия жилья являются актуальной проблемой и для России (32,9 %), и для Кении (56,3 %). Причем в России плохими жилищными условиями называют недостаточную жилую площадь (11,8 %), отсутствие качественного ремонта (9,8 %) и вынужденное совместное проживание со своими детьми и их семьями (7,8 %). Респонденты из Кении здесь ориентируются на проблему безопасности как внешней (неблагополучный район проживания (36,1 %)), так и внутренней (ветхость и аварийность жилья (20,2 %)). Такая тенденция выявлена и в работе Аналитического центра Африки: в 2024 г. 50 % населения (в том числе 17,9 % пожилых людей) Кении проживает в трущобах [Centre for Affordable... web].

Исходя из выявленного уровня жизни, можно сказать, что:

1) кенийские пожилые люди являются финансово уязвимой категорией в связи с более низким уровнем жизни по сравнению с Россией;

2) пожилые люди и в России, и в Кении вынуждены работать, но мотивация различна. В России пенсионеры сохраняют свое рабочее место для повышения уровня своей жизни, а кенийские вынуждены работать, чтобы иметь возможность удовлетворять самые основные потребности;

3) пожилые люди и в России, и в Кении не удовлетворены качеством своих жилищных условий, однако в это понятие вкладывается разный смысл: в России – улучшение жилищных условий, в Кении – потребность в ощущении безопасности своего жилья.

Не менее значимым показателем качества жизни является социальная поддержка пожилых людей, которую они чувствуют и получают от различных социальных агентов. Однако такая поддержка оценивается не как благо, а как актуальная проблема у 24,7 % пожилых людей в России и 4,5 % – в Кении, в связи с ее недостаточностью, фрагментарностью (табл. 3).

По данным исследований, государство признается центральным агентом, которому следует осуществлять социальную поддержку пожилых людей. В российской выборке практически 50 % респондентов указывают, что государство должно компенсировать потерю пожилым человеком своих сил и здоровья вследствие трудовой деятельности «на благо государства». Далее они признают ответственность своих детей (32,4 %), которых они вырастили. И только на третьем месте указываются собственные силы и ресурсы (12,9 %).

В кенийской выборке «центральные органы государственной власти» называют в ка-

Таблица 3

«Злободневные» проблемы современных пожилых людей в России и Кении в социальной поддержке, %

Проблемы пожилых людей	Россия	Кения
Отсутствие социальной поддержки государства	16,2	4,5
Отсутствие социальной поддержки близких людей	8,5	0
Итого в сфере социальной поддержки	24,7	4,5
Итого в сфере финансов	38,1	46,4
Итого в сфере здоровья	37,2	58,1
Злободневные проблемы пожилых людей (в целом)	100,0	100,0

честве основного субъекта социальной поддержки 56,9 % респондентов, далее идут представители местной или региональной власти (30,9 %). Третье место, так же, как и в российской выборке, приписывают собственным силам (9,8 %). Таким образом, в России государство воспринимается как первичный агент социальной помощи. В кенийской выборке нормативная ориентация на государство сочетается с практической доминантой самопомощи, что объясняется скорее не отсутствием потребности в поддержке, а отсутствием социальных ожиданий, что эта поддержка будет оказана.

Резюмируя ответы по социальной поддержке, укажем на то, что:

1) государство признается основным агентом социальной поддержки пожилых людей;

2) в России пожилые люди ожидают социальной поддержки со стороны государства и собственных детей, в Кении помимо государства пожилые люди ориентируются только на свои силы.

Еще один важный показатель качества жизни – возможность для развития и самореализации, ведь именно в зрелый период жизни появляются время для достижения тех целей и интересов, которые были недоступны в период получения профессии, формирования карьеры и финансового благополучия, рождения и воспитания детей. Исследование показало, что отсутствие возможности для саморазвития пожилых людей признается актуальной проблемой только для респондентов из Кении (72,7 %). В России только 14,0 % участников исследования сказали, что отсутствие саморазвития для них значимо. Интервью, проведенные в России, позволяют сделать вывод, что россияне не связывают пожилой возраст с возможностью проявлять и развивать себя, считая, что самореализация возможна только в молодости, что говорит о традиционных представлениях об образе жизни пожилого человека. Высокий процент неудовлетворенных степенью самореализации в Кении говорит о более прогрессивном представлении кенийцев о применении пожилыми людьми своего потенциала.

Рассматривая сферы общественной жизни, где пожилые люди могут себя проявить, мы получили следующие результаты. Пожилые люди в России связывают самореализацию

преимущественно с досугом: посещение культурных и массовых городских мероприятий (33,3 %), участие в работах территориального общественного самоуправления на приусадебных участках (19,0 %). Важно, что пожилые люди называют добровольческую деятельность (33,3 %) как сферу самореализации, что может быть связано с развитием программы «Серебряного волонтерства» в регионах России. В Кении самореализацию пожилые люди связывают с проявлением активной гражданской позиции: волонтерство (31,4 %), участие в организации и проведении культурных мероприятий (29,8 %), участие в работах общественных организаций (18,4 %). Стоит обратить внимание, что значительное место занимает желание получить образование (15,9 %). Таким образом, кенийские пожилые люди демонстрируют прогрессивную позицию в сфере самореализации, в отличие от России, где пожилые люди, во-первых, не видят необходимости в саморазвитии после выхода на пенсию; во-вторых, развивают преимущественно досуговую деятельность. Итак, говоря о самореализации пожилых людей, результаты исследования говорят следующее:

1) пожилые люди в Кении в большей степени ориентированы на активное социальное участие в жизни общества, видя в своей социальной группе потенциал изменения общественной жизни к лучшему;

2) в России пожилые люди ориентированы на пассивное, традиционное отношение к старости, считая, что развитие не значимо в «преклонном» возрасте. Однако государственные программы способствуют изменению традиционных позиций пожилых людей, ориентируя их приносить обществу пользу, используя доступные для них ресурсы.

Подводя итоги, мы видим наличие достаточно актуальных и значимых для пожилых людей проблем относительно базовых компонентов качества их жизни, несмотря на реализуемые международные и государственные социальные стратегии и программы. Так, пожилые люди в России в целом неплохо оценивают состояние своего здоровья, что позволяет им сохранять трудовую деятельность, привычный уровень и качество жизни, которые поддерживаются и государством, и обществом. Однако сохраняется установка на

пассивный образ жизни. Удивляет не отсутствие возможностей для самореализации, а отсутствие потребности в ней. В отличие от России, пожилые люди в Кении имеют более низкий уровень жизни, но ориентированы на активную социальную позицию, что можно объяснить стремлением собственными сила-

ми повысить качество своей жизни или обратить внимание государства на основные проблемы пожилых людей: небезопасное жилье и некачественное питание, отсутствие достаточных средств для удовлетворения основных потребностей, и доступа к медицинскому обслуживанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блехарская 2017 – *Блехарская Е.В.* Пожилой возраст как переходный этап жизненного пути человека // *Философия образования*. 2017. № 12. С. 36–43.
- Ваганова-Наймушина 2017 – *Ваганова-Наймушина Л.А.* Особенности состояния здоровья лиц пожилого возраста и социально-медицинская работа // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2017. № 2. С. 6–12.
- Ельникова Бекетов 2023 – *Ельникова Г.А., Бекетов К.В.* Пожилые люди как объект исследования: проблема методологии // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023. № 9. С. 45–49.
- Каталог статистики... web – Каталог статистики и мировых данных // <https://statbase.ru/>
- Курышова Алпысбаева 2016 – *Курышова Т.В., Алпысбаева Ж.М.* Старость как социально-философский феномен // *Бюллетень медицинских интернет конференций*. 2016. Т. 6, № 5. С. 985–987.
- Голубева, Соловьев 2023 – *Голубева Е.Ю., Соловьев А.Г.* План Декады здорового старения 2020–2030 Всемирной организации здравоохранения: обзор концепций политики в контексте развития геронтологии // *Экология человека*. 2023. Т. 30, № 7. С. 499–508. DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco568625>
- Щанина 2014 – *Щанина Е.В.* Здоровье как фактор социального самочувствия пожилых людей // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. 2014. № 3 (31). С. 130–141.
- Dzando et al web – *Dzando G., Ward P.R., Mwanri L., Moussa R.K., Ambagtsheer R.C.* Association Between Frailty and Quality of Life, and the Moderating Effect of Mobile, Broadcast and Digital Media in Sub-Saharan Africa: Evidence from Kenya // *BMC Geriatrics*. 2025. Vol. 25. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12255119/>
- Gyasi Aboderin Asiki 2022 – *Gyasi R.M., Aboderin I., Asiki G.* Prevalence and Social Risk Factors of Functional Limitations Among Slum-Dwelling Older Adults: Findings from the Nairobi Urban Health and Demographic Surveillance System / R.M. Gyasi, I. Aboderin, G. Asiki // *Gerontology & Geriatric Medicine*. 2022. Vol. 8. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9102122/>
- Gachuri Wambugu Kamau 2023 – *Gachuri E., Wambugu A., Kamau E.* «The Elderly Peoples» Perception of Their Social Well-Being in Selected Mainstream Churches in Affluent Karen-Langata, Nairobi, Kenya // *The international Journal of Humanities & Social Studies*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 84–93.
- Kamwana Mapesa Oirere 2021 – *Kamwana W.M., Mapesa J., Oirere N.* Dietary Practices Associated with Prevalence of Malnutrition Among the Elderly in Kiambu County, Kenya // *World Journal of Advanced Research and Reviews*. 2021. Vol. 11, № 3. P. 453–461.
- Kenya... Review... web – Kenya Social Protection Sector Review – 2017. Nairobi: Republic of Kenya, 2017 // <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/565931468041383168>
- Nyambedha Wandibba Aagard-Hansen 2023 – *Nyambedha E.O., Wandibba S., Aagard-Hansen J.* «Retirement Lost» – The New Role of the Elderly as Caretakers for Orphans in Western Kenya // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 2023. Vol. 18. P. 33–52.
- Centre for Affordable Housing... web – Centre for Affordable Housing Finance in Africa (CAHF) // <https://housingfinanceafrica.org/>

REFERENCES

- Blekharskaya E.V., 2017. Old Age as a Transitional Stage of the Human Life Course. *Filosofiya obrazovaniya*, no. 12, pp. 36-43.

- Vaganova-Naimushina L.A., 2017. Features of the Health Status of Elderly Persons and Social and Medical Work. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 6-12.
- Elinikova G.A., Beketov K.V., 2023. Elderly People as an Object of Research: Methodological Issues. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 9, pp. 45-49.
- Catalogue of Statistics and World Data*. URL: <https://statbase.ru/>
- Kuryshova T.V., Alpysbaeva Zh.M., 2016. Old Age as a Socio-Philosophical Phenomenon. *Byulleten meditsinskikh internet-konferentsiy*, vol. 6, no. 5, pp. 985-987.
- Golubeva E.Yu., Solov'ev A.G., 2023. The World Health Organization's Decade of Healthy Ageing 2020–2030: A Review of Policy Concepts in the Context of Gerontology Development. *Ekologiya cheloveka*, vol. 30, no. 7, pp. 499-508. DOI: <https://doi.org/10.17816/humeco568625>
- Shchanina E.V., 2014. Health as a Factor of Social Well-Being of Elderly People. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region*, no. 3 (31), pp. 130-141.
- Dzando G., Ward P.R., Mwanri L., Moussa R.K., Ambagtsheer R.C., 2025. Association Between Frailty and Quality of Life, and the Moderating Effect of Mobile, Broadcast and Digital Media in Sub-Saharan Africa: Evidence from Kenya. *BMC Geriatrics*, vol. 25. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12255119/>
- Gyasi R.M., Aboderin I., Asiki G., 2022. Prevalence and Social Risk Factors of Functional Limitations Among Slum-Dwelling Older Adults: Findings from the Nairobi Urban Health and Demographic Surveillance System. *Gerontology & Geriatric Medicine*, vol. 8. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9102122/>
- Gachuri E., Wambugu A., Kamau E., 2023. The Elderly Peoples' Perception of Their Social Well-Being in Selected Mainstream Churches in Affluent Karen-Langata, Nairobi, Kenya. *The International Journal of Humanities & Social Studies*, vol. 11, no. 3, pp. 84-93.
- Kamwana W.M., Mapesa J., Oirere N., 2021. Dietary Practices Associated with Prevalence of Malnutrition Among the Elderly in Kiambu County, Kenya. *World Journal of Advanced Research and Reviews*, vol. 11, no. 3, pp. 453-461.
- Kenya Social Protection Sector Review – 2017*, 2017. Nairobi, Republic of Kenya. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/565931468041383168>
- Nyambedha E.O., Wandibba S., Aagard-Hansen J., 2003. "Retirement Lost" – The New Role of the Elderly as Caretakers for Orphans in Western Kenya. *Journal of Cross-Cultural Gerontology*, vol. 18, no. 1, pp. 33-52.
- Centre for Affordable Housing Finance in Africa (CAHF)*. URL: <https://housingfinanceafrica.org/>

Information About the Authors

Olga V. Tkachenko, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Russian Statehood, Sociological and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tkachenko-lga85@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1389-1415>

Audrey Museve, Postgraduate Student, Department of Russian Statehood, Sociological, and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, amuseve@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5077-611X>

Информация об авторах

Ольга Викторовна Ткаченко, доктор социологических наук, профессор кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tkachenko-lga85@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1389-1415>

Одри Мусеве, аспирант кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, amuseve@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5077-611X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.12>

UDC 316.344.6:004.9:656.1

LBC 60.543.14+60.56+39.1

Submitted: 08.04.2026

Accepted: 29.05.2026

INTERACTION OF OLDER PEOPLE WITH DIGITAL TECHNOLOGIES IN URBAN PUBLIC TRANSPORT: A REVIEW OF SCIENTIFIC LITERATURE

Marina M. Petryankina

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents an analytical review of the scientific literature on the interaction of older people with digital technologies in urban public transport. The relevance of the study stems from the convergence of two global trends: demographic aging and the digital transformation of the urban environment, one of the main elements of which is public transport. Digitalization of transport, being a tool for increasing efficiency, simultaneously creates risks of social exclusion for groups with a low level of digital skills, which include many representatives of the older generation. Barriers limiting access to digital transport services have been identified, and systemic obstacles to the digital inclusion of older people have been distinguished: inequality in digital access, skills, and competencies; socio-psychological barriers (distrust of technology and fear of automation); physiological limitations; and the impact of low levels of education and income. Special attention is paid to the role of family and friends as a key factor in successful digital adaptation, ensuring knowledge transfer and motivation to master new services. The duality of the influence of digital transformation is shown: it can both exacerbate transport inequality and, subject to technology adaptation, improve mobility. A set of measures has been identified to create an inclusive environment, including intuitive interface design, training programs, the involvement of older people in service design, and the active role of the state. The main conclusion is that the effectiveness of digital solutions is determined not by their technological complexity, but by social adaptation to user needs. Ignoring this leads to the risk of “transport exclusion,” which underscores the need to integrate a social approach into the process of technological transformation. The prospects for empirical research in the field of the daily experience of older passengers in the digital transport environment are outlined.

Key words: urban public transport, older people, digitalization, digital inequality, mobility, adaptation strategies.

Citation. Petryankina M.M. Interaction of Older People with Digital Technologies in Urban Public Transport: A Review of Scientific Literature. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 113-121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.12>

УДК 316.344.6:004.9:656.1

ББК 60.543.14+60.56+39.1

Дата поступления статьи: 08.04.2026

Дата принятия статьи: 29.05.2026

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА С ЦИФРОВЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ В ГОРОДСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ: ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Марина Михайловна Петрянкина

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор научной литературы по вопросам взаимодействия людей старшего возраста с цифровыми технологиями городского общественного транспорта. Актуальность исследования обусловлена взаимодействием двух глобальных тенденций: демографическое старение и цифровая трансформация городской среды, одним из основных элементов которой является общественный транспорт. Цифровизация транспорта, являясь инструментом повышения эффективности, одновременно создает риски социального исключения для групп с низким уровнем цифровых навыков, к кото-

рым относятся многие представители старшего поколения. Выявлены барьеры, ограничивающие доступ к цифровым транспортным сервисам и выделены системные препятствия цифровой инклюзии людей старшего возраста: неравенство в цифровом доступе, навыках и компетенциях; социально-психологические барьеры (недоверие к технологиям, страх перед автоматизацией); физиологические ограничения; влияние низкого уровня образования и дохода. Особое внимание уделено роли семьи и друзей как ключевому фактору успешной цифровой адаптации, обеспечивающему передачу знаний и мотивацию к освоению новых сервисов. Показана двойственность влияния цифровой трансформации: она способна как усугублять транспортное неравенство, так и, при условии адаптации технологий, улучшать мобильность. Определен комплекс мер для формирования инклюзивной среды, включающий интуитивный дизайн интерфейсов, программы обучения, вовлечение людей старшего возраста в проектирование сервисов и активную роль государства. Основной вывод заключается в том, что эффективность цифровых решений определяется не их технологической сложностью, а социальной адаптацией к потребностям пользователей. Игнорирование этого ведет к риску «транспортной эксклюзии», что подчеркивает необходимость интеграции социального подхода в процесс технологической трансформации. Обозначены перспективы для эмпирических исследований в области повседневного опыта пассажиров старшего возраста в цифровой транспортной среде.

Ключевые слова: городской общественный транспорт, люди старшего возраста, цифровизация, цифровое неравенство, мобильность, адаптационные стратегии.

Цитирование. Петрянкина М. М. Взаимодействие людей старшего возраста с цифровыми технологиями в городском общественном транспорте: обзор научной литературы // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 113–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.12>

Введение

Городской общественный транспорт в современном мегаполисе традиционно рассматривается как социальный институт, обеспечивающий не только физическое перемещение, но и доступ к жизненно важным благам: работе, медицине, культуре, социальным контактам. Сегодня этот институт переживает глубокую трансформацию, причинами которой являются демографическое старение населения и повсеместная цифровизация городской среды, включая городской общественный транспорт. Цифровая трансформация транспортной системы является сложным социально-технологическим процессом. Последний оказывает влияние на все слои населения, вместе с тем наибольшую актуальность приобретает проблема адаптации наиболее уязвимых групп, одной из которых являются люди старшего возраста.

К городскому общественному транспорту относятся: автобус, троллейбус, трамвай, электробус, метро, маршрутные такси (маршрутки), электричка. Анализ ориентирован преимущественно на российские города-миллионники, поскольку именно здесь цифровая трансформация транспорта наиболее интенсивна.

В общественных и научных обсуждениях цифровизацию вообще и цифровизацию город-

ского транспорта в частности отождествляют с прогрессом и эффективностью. В то же время внедрение мобильных приложений, систем безналичной и онлайн оплаты проезда, интеллектуальных табло и систем информирования пассажиров являются не только технической модернизацией, но и социальной, требующей учета цифровых навыков и возможностей различных категорий пользователей.

Масштабные лонгитюдные исследования, описанные в работе Y. Wang [Wang et al. 2024], убедительно демонстрируют прямую корреляцию между цифровым исключением и риском когнитивных нарушений у старшего поколения. При этом авторы не выделяют и не анализируют механизмы, посредством которых это исключение проявляется в повседневных практиках городской мобильности. Другие работы, например исследование G. Rosa [Rosa 2023], фиксируют появление нового типа пассажира, так называемого цифрового путешественника – технически подготовленного пользователя, который ожидает бесшовности и доступности в реальном времени на всех этапах поездки. Хотя его поведение в целом понятно, это понимание строится преимущественно на технологическом измерении проблемы, статистике и «больших числах». При подобном подходе не видно главного – живого человеческого опыта. Мы не знаем, что люди чувствуют, чего опасаются, почему отказываются от приложе-

ний или наоборот, что побуждает их начать ими пользоваться.

В свою очередь, качественные исследования, такие как работа S. Mariyam, J.P. Jose [Mariyam, Jose 2017], подчеркивают связь субъективного восприятия возраста и социального исключения. Таким образом, в исследованиях при общем единстве мнений относительно существования «цифрового неравенства» [Курочкин 2024] его конкретные проявления и социальные последствия при повседневном использовании городского общественного транспорта людьми старшего возраста редко становятся предметом глубокого социологического анализа.

Проведение такого анализа требует применения комплексного теоретико-методологического подхода, позволяющего рассматривать цифровизацию транспорта как социотехнический феномен, что предполагает объединение теории мобильностей [Urry 2007], раскрывающие транспортную трансформацию как социальный процесс; концепция цифрового разрыва [Norris 2001], акцентирующей внимание на многоуровневом характере неравенства; теории практик [Schatzki 2002], ориентированных на изучение изменений повседневности, и акторно-сетевой подход [Latour 2005], позволяющего анализировать технологии как полноправных участников социального взаимодействия. Такой комплексный подход был ранее предложен в качестве теоретико-методологической основы в работе Е.В. Карчагина, М.М. Петрянкиной [Карчагин, Петрянкина 2025]. Опираясь на него, настоящее исследование направлено на то, чтобы понять, как пользователи старшего возраста воспринимают новую цифровую среду городского транспорта, с какими барьерами, не только техническими, но и социальными они сталкиваются и какие стратегии адаптации вырабатывают в ответ на всеобщую цифровизацию.

Исходя из этого, необходимо проведение социологического анализа взаимодействия людей старшего возраста с цифровыми технологиями в сфере городского общественного транспорта. Авторы исходят из того, что цифровая трансформация создает новую социальную реальность, в которой горожане самостоятельно приспособляются и вырабатывают стратегии повседневного перемещения.

Целью данного обзора является выявление и систематизация барьеров взаимодействия людей старшего возраста с цифровыми технологиями городского общественного транспорта и определение влияния цифровой трансформации на их мобильность.

Для достижения поставленной цели выделены следующие задачи:

- 1) выявить барьеры цифровой инклюзии (технологические, социально-психологические, физиологические, экономические);
- 2) охарактеризовать двойственное влияние цифровизации транспорта на мобильность старшего поколения;
- 3) обобщить стратегии и меры формирования инклюзивной цифровой транспортной среды.

В отличие от существующих обзоров, которые в основном сфокусированы на технологиях или общих рисках цифрового неравенства, данный анализ систематизирует знания именно о повседневных транспортных практиках старшего поколения.

В исследовании ставятся следующие вопросы: во-первых, существуют ли барьеры для цифровой инклюзии людей старшего возраста в транспортной сфере и если да, то какие; во-вторых, оказывает ли цифровая трансформация городского транспорта влияние на мобильность людей старшего возраста; в-третьих, каким образом формируется инклюзивная цифровая городская транспортная среда.

Методология

Исследование представляет собой обзор публикаций, анализ и оценку существующих научных знаний для формирования теоретической основы изучаемой проблемы. Работа с литературными источниками проводилась в несколько этапов. Первоначально был осуществлен поиск релевантных публикаций, преимущественно за последние пять лет, что соответствует периоду активной цифровизации транспорта. К анализу привлекались работы в области социологии, социальной геронтологии и урбанистики. Для поиска использовались комбинации основных терминов, таких как «старшее поколение», «цифровое неравенство», «цифровая эксклюзия», «пожилые люди», «городской транспорт», «обществен-

ный транспорт», «мобильность», «социальное исключение», «мобильность как услуга». В окончательную выборку вошли публикации, объединяющие проблемы цифровизации транспорта, старения и социальных практик, в которых использовались качественные или смешанные методы исследования.

Основным ограничением метода обзора является неизбежная субъективность интерпретации и отбора источников. Для минимизации этого риска были установлены четкие критерии отбора и анализа. Кроме того, обзор сфокусирован на качественных характеристиках исследовательского вопроса и не претендует на исчерпывающий охват всей литературы по исследуемому вопросу. Несмотря на это, авторы полагают, что такой подход позволяет систематизировать накопленные знания и определить перспективные направления для дальнейшего изучения взаимодействия пассажиров старшего возраста с цифровыми нововведениями в городском транспорте.

Результаты

Для анализа были отобраны работы, тексты которых внимательно изучались с целью выявления основных понятий и логики аргументации. В результате проведенного анализа литературы были выделены три основные группы, раскрывающие специфику взаимодействия людей старшего возраста с цифровыми технологиями.

В первую группу вошли *барьеры цифровой инклюзии для людей старшего возраста в сфере городского общественного транспорта*. Речь идет о цифровом неравенстве и исключении, социально-психологических, физиологических и социальных факторах.

Исследования подтверждают, что «...во всех развитых странах пожилые люди существенно отстают от молодых поколений по уровню цифровой культуры, у них значительно ниже развиты навыки ИТ-компетенций, они более насторожены к любым инновациям, связанным со сферой информационных технологий» [Мытиль, Дудченко 2020, 338].

Это отставание проявляется на уровнях доступа к устройствам, навыков их использования и цифровых компетенций. Показатель-

но, что только «3 % взрослого населения России обладают продвинутым уровнем цифровой грамотности» [Дмитриева и др. 2021, 59]. Но, как показывает работа Дж. Гудман-Дин [Goodman-Deane et al. 2022], цифровизация, призванная повысить эффективность, безопасность и удобство транспортной системы, одновременно раскрывает проблему цифрового неравенства и необходимости адаптации сервисов для пользователей старшего возраста. Авторы провели собственный опрос и отмечают, что пожилые люди, люди с ограниченными возможностями и люди с низким уровнем образования имеют особенно низкие показатели по всем технологическим переменным (доступ, использование, отношение, компетенция), поэтому «цифровые интерфейсы должны быть тщательно спроектированы так, чтобы быть удобными и понятными для цифровых новичков». Таким образом, успешная реализация стратегии цифровой трансформации транспортного комплекса, предложенной Е.М. Лаврухиным [Лаврухин 2023], направленной на повышение эффективности и безопасности, создает технологическую основу для развития сервисов. Но, как показывают другие исследования, для обеспечения их реальной доступности для людей старшего возраста необходимы целенаправленные социально-ориентированные меры, выходящие за рамки задач отраслевой модернизации. В продолжение данной концепции можно говорить о необходимости внедрения технических средств, которые обеспечат информационную поддержку людей старшего возраста в режиме реального времени, например дисплеи с крупным шрифтом, голосовые уведомления.

Данное утверждение напрямую перекликается с выводами систематического обзора Ч. Эн [An 2024], где технологии для пожилых классифицированы по категориям, включая «информацию и коммуникацию» и «безопасность и мониторинг». В исследовании отмечается, что эффективность данных технических решений напрямую зависит от преодоления «неравенства в цифровой грамотности, физических ограничений и недоверия к новым технологиям». Таким образом, технологии являются инструментом, а успех их применения определяется тем, насколько они адаптированы к разным потребностям и ограниче-

ниям пользователей, в особенности уязвимых групп.

К социально-психологическим и физиологическим барьерам относятся недоверие к технологиям, отсутствие мотивации, а также физиологические и психосоматические особенности [Мытиль, Дудченко 2020]. «Подобное положение вещей... затрудняет полноценную реализацию потенциала старшего поколения, пренебрегая преимуществами обширного жизненного и профессионального опыта» [Аймалетдинов, Цимбал 2023, 81]. Авторы отмечают, что старшее поколение принимает на себя роль «технологических оптимистов», при этом одновременно испытывая потребность в «гуманистическом аспекте» технологий, что выражается в недоверии к полной автоматизации и необходимости тьюторской поддержки при освоении новых технологий.

Важным социальным фактором успешного взаимодействия людей старшего возраста с цифровой средой является поддержка со стороны ближайшего окружения. С одной стороны, как отмечает Е.В. Щанина [Щанина 2018], основой социального доверия и важнейшим ресурсом поддержки в целом является семья. С другой стороны, исследования цифрового разрыва, например работа Н.К. Эзе, А.Г. Мбосо [Ezeh, Mboso 2019], указывают на необходимость поддержки сообщества для повышения цифровой грамотности старшего поколения. Таким образом, успех цифровой адаптации напрямую зависит от готовности семьи и друзей выступить в роли такого поддерживающего сообщества, передавая знания и мотивируя людей старшего поколения к освоению новых технологий.

Кроме того, значимыми факторами цифрового исключения являются низкий уровень образования и доходов, что подтверждается прямыми данными о технологических практиках [Goodman-Deane et al. 2022]. В свою очередь, работа С. Мариям, Дж.П. Хосе [Mariyam, Jose 2017] показывает, что ограниченные материальные ресурсы и отсутствие постоянного дохода выступают основными причинами социальной изоляции в старшем возрасте.

Ко второй группе относится *влияние цифровой трансформации городского транспорта на мобильность людей стар-*

шего возраста. Этот процесс носит двойственный характер: с одной стороны, он открывает возможности для повышения мобильности, с другой – создает новые риски исключения. Цифровые сервисы мобильности (MaaS – «мобильность как услуга», Mobility on Demand – «мобильность по требованию») представляют собой «потенциальную выгоду» как технологический ответ на дефицит кадров, вызванный старением населения [Venezia 2025], но вместе с тем их внедрение без учета особенностей пожилых пользователей (когнитивных, физических, психологических) рискует усугубить транспортное неравенство, поскольку доступность таких услуг закономерно снижается при уменьшении социально-экономического статуса и цифровой грамотности [Doh et al. 2021].

Цифровая трансформация создает для людей старшего возраста как барьеры, так и новые возможности. Как отмечает Э. Бокколо [Bokolo 2023, 13], «такие технологии, как искусственный интеллект, машинное обучение и интеллектуальный анализ данных, могут способствовать улучшению мобильности, ее инклюзивности и безопасности». Реализацией такого подхода является концепция MaaS. М.И. Малышев [Малышев 2022] рассматривает данную концепцию в рамках парадигмы «новой мобильности» как способ облегчить использование транспорта для пассажира за счет интеграции различных его видов в единую цифровую платформу, что упрощает планирование, оплату и совершение поездок.

Третья группа объединяет *стратегии и практики формирования инклюзивной цифровой транспортной среды*. Анализ литературы позволяет выделить комплекс мер, направленных на преодоление барьеров и реализацию потенциала цифровизации:

– интерфейсы и дизайн. Цифровые интерфейсы должны быть интуитивно понятными, с крупным шрифтом, простой навигацией и голосовым сопровождением. Главным является предоставление нецифровых альтернатив для критически важных услуг [Goodman-Deane et al. 2022];

– обучение и поддержка. Разработка должна вестись с учетом принципов инклюзивного дизайна. Рекомендована поддержка цифровой грамотности силами местных сооб-

ществ [Ezeh, Mboso 2019]. Эффективное обучение требует учета возрастных особенностей и поддержки близких [Мытиль, Дудченко 2020];

– вовлечение пользователей. Для создания инклюзивных «умных городов» необходимо вовлечение людей старшего возраста в процессы проектирования технологий. В качестве основных инструментов для выявления реальных потребностей, ценностей и опасений этой группы, необходимо применение качественных методов, таких как интервью и совместные воркшопы, что позволит разрабатывать технологии, которые защищают уязвимое население [Tupasela et al. 2023];

– роль государства и регулирования. Для успешной интеграции технологий необходимы последовательная государственная поддержка, партнерство и сбалансированное регулирование [Зябкин 2024; Lin, Cui 2021]. Общественный сектор должен играть ведущую роль в развитии инклюзивных сервисов, чтобы предотвратить усиление неравенства [Venezia 2025];

– формирование экосистем. Создание «мобильных цифровых экосистем», благоприятных для всех возрастов [Loos, Sourbati, Behrendt 2020] должно стать основным элементом социального развития современных городов.

Одновременно с этими системными мерами сами пользователи активно адаптируются к изменениям, развивая личные тактики взаимодействия с технологиями. Помимо внешней поддержки пассажиры старшего возраста вырабатывают и собственные, зачастую невидимые на первый взгляд, стратегии освоения цифровой среды. Качественные исследования могли бы выявить такие тактики, как сознательный отказ от сложных сервисов в пользу привычных, использование помощи случайных попутчиков или планирование поездок с запасом времени на случай затруднения с навигацией.

Проведенный анализ позволяет заключить, что взаимодействие людей старшего возраста с цифровыми технологиями в городском транспорте представляет собой многогранную социальную проблему, находящуюся на стыке процессов цифровизации, урбанизации и старения населения. В работах, кото-

рые подверглись нашему анализу выявлена общая закономерность: эффективность транспортных нововведений для людей старшего возраста связана в основном с адаптацией таких новшеств под нужды данной социальной группы, с учетом цифровой грамотности, когнитивных и физических возможностей. Следовательно, формирование инклюзивного транспортного пространства требует комплексного социального подхода, интегрированного в процесс технологической трансформации, где технологии являются не барьером, а инструментом для расширения человеческих возможностей.

Выводы

1. В рассмотренной литературе в качестве барьеров цифровой инклюзии людей старшего возраста в городском общественном транспорте выделяются: неравенство доступа к устройствам и низкий уровень цифровых компетенций; социально-психологические барьеры, такие как страх автоматизации, недоверие, потребность в человеческом участии; физиологические ограничения; влияние низкого дохода и образования. В обзорных работах эти барьеры описываются как статистически значимые тренды, вместе с тем их конкретные проявления требуют дальнейшего эмпирического изучения.

2. Подтвержден двойственный характер влияния цифровой трансформации. С одной стороны, цифровые сервисы способны повысить мобильность старшего поколения, с другой – без адаптации и сохранения нецифровых альтернатив они усугубляют транспортное неравенство.

3. Важным социальным фактором успешной цифровой адаптации выступает семья и ближайшее окружение, обеспечивающие мотивацию и передачу цифровых навыков.

4. Выделены системные меры формирования инклюзивной среды, которые включают интуитивный дизайн, сохранение нецифровых альтернатив, вовлечение старшего поколения в проектирование транспортных сервисов и государственную поддержку.

5. Систематизированы знания о цифровизации в сфере городского общественного транспорта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аймалетдинов, Цимбал 2023 – *Аймалетдинов Т.А., Цимбал М.В.* Восприятие современных технологий старшим поколением: сравнительный анализ // *Цифровая социология*. 2023. Т. 6, № 4. С. 79–94. DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-4-79-94
- Дмитриева и др. 2021 – *Дмитриева Н.Е., Жулин А.Б., Артамонов Р.Е., Титов Э.А.* Оценка цифровой готовности населения России: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021.
- Зябкин 2024 – *Зябкин А.Е.* Основные направления инновационной деятельности в сфере городского пассажирского транспорта // *Journal of Monetary Economics and Management*. 2024. № 9. С. 194–199. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.42.14.028
- Карчагин, Петрянкина 2025 – *Карчагин Е.В., Петрянкина М.М.* Социотехнические барьеры цифровизации городского транспорта для лиц старшего возраста: теоретико-методологический аспект // *Primo Aspectu*. 2025. № 4 (64). С. 1–15.
- Курочкин 2024 – *Курочкин Н.Д.* Факторы цифрового неравенства населения российских регионов // *Региональная и отраслевая экономика*. 2024. № S3. С. 194–199.
- Лаврухин 2023 – *Лаврухин Е.М.* Повышение эффективности транспортного комплекса на основе цифровой трансформации // *Russian Journal of Management*. 2023. Т. 11, № 4. С. 338–348.
- Малышев 2022 – *Малышев М.И.* Инновации в области городского общественного транспорта и перспективы внедрения принципов новой мобильности // *Научный Вестник МГТУ ГА*. 2022. Т. 25, № 3. С. 36–50. DOI: 10.26467/2079-0619-2022-25-3-36-50
- Мытиль, Дудченко 2020 – *Мытиль А.В., Дудченко О.Н.* Пожилой человек в цифровом мире (по результатам эмпирических исследований) // *Россия реформирующаяся*. 2020. № 18. С. 333–356.
- Щанина 2018 – *Щанина Е.В.* Социальная адаптация пожилых людей в современном российском обществе как форма конструирования социальной реальности: стратегии и повседневные практики: автореф. дис. ... д-ра. социол. наук. Пенза, 2018.
- An 2024 – *An C.* Exploring the Impact of Smart Mobility and ICT Solutions on Older Adults' Mobility: A Systematic Literature Review // *IEEE Access*. 2024. Vol. 12. P. 159056–159069. DOI: 10.1109/ACCESS.2024.3487113
- Bokolo 2023 – *Bokolo A.J.* Inclusive and Safe Mobility Needs of Senior Citizens: Implications for Age-Friendly Cities and Communities // *Urban Science*. 2023. Vol. 7, № 103. P. 1–25. DOI: 10.3390/urbansci7040103
- Doh et al. 2021 – *Doh M., Jokisch M.R., Jäkh S., Scheling L., Wahl H.-W.* Kommunikation mit intelligenter Technik: Ergebnisbericht der wissenschaftlichen Begleitung. Abteilung für Psychologische Altersforschung, Psychologisches Institut der Universität Heidelberg. Heidelberg: Institut der Universität Heidelberg, 2021.
- Ezeh, Mboso 2019 – *Ezeh N.C., Mboso A.G.* Digital Migration and Social Inclusion of Senior Citizens // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 2. P. 62–77. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-10013
- Goodman-Deane et al. 2022 – *Goodman-Deane J., Klug J., Bosch E.R., Nesterova N., Bradley M., Waller S., Hoek L., Clarkson P.J.* Toward Inclusive Digital Mobility Services: A Population Perspective // *Interacting with Computers*. 2022. Vol. 33, № 4. P. 426–440. DOI: 10.1093/iwc/iwac014
- Latour 2005 – *Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Lin, Cui 2021 – *Lin D., Cui J.* Transport and Mobility Needs for an Ageing Society from a Policy Perspective: Review and Implications // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18, № 22. P. 1–16. DOI: 10.3390/ijerph182211802
- Loos, Sourbati, Behrendt 2020 – *Loos E., Sourbati M., Behrendt F.* The Role of Mobility Digital Ecosystems for Age-Friendly Urban Public Transport: A Narrative Literature Review // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17, № 20. P. 1–16. DOI: 10.3390/ijerph17207465
- Mariyam, Jose 2017 – *Mariyam S., Jose J.P.* Age Identity and Social Exclusion of Elderly Persons: A Cross Sectional Study // *International Journal of Social Science*. 2017. Vol. 6, № 3. P. 191–198.
- Norris – *Norris P.* Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Rosa 2023 – *Rosa G.* Digital Traveler: The Use of Modern Information Technologies in Passenger Transport // *European Research Studies Journal*. 2023. Vol. 26, № 3. P. 275–288.

- Schatzki 2002 – *Schatzki T. R.* The Site of the Social: A Philosophical Account of the Constitution of Social Life and Change. Pennsylvania: Penn State University Press, 2002.
- Tupasela et al. 2023 – *Tupasela A., Devis Clavijo J., Salokannel M., Fink C.* Older People and the Smart City – Developing Inclusive Practices to Protect and Serve a Vulnerable Population // *Internet Policy Review*. 2023. Vol. 12, № 1. P. 1–21. DOI: 10.14763/2023.1.1700
- Urry 2007 – *Urry J.* Mobilities. Cambridge: Polity, 2007.
- Venezia 2025 – *Venezia E.* Mobility on Demand and Transport Services for the Elderly: Challenges and Policy Solutions // *European Scientific Journal*. 2025. Vol. 21, № 42. P. 1–12.
- Wang et al. 2024 – *Wang Y., Wu Z., Duan L., Liu S., Chen R., Sun T., Wang J., Zhou J., Wang H., Huang P.* Digital Exclusion and Cognitive Impairment in Older People: Findings from Five Longitudinal Studies // *BMC Geriatrics*. 2024. Vol. 24. P. 406. DOI: 10.1186/s12877-024-05026-w

REFERENCES

- Aimaletdinov T.A., Tsymbal M.V., 2023. Perception of Modern Technologies by the Older Generation: A Comparative Analysis. *Tsifrovaya sotsiologiya*, vol. 6, no. 4, pp. 79-94. DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-4-79-94
- Dmitrieva N.E., Zhulin A.B., Artamonov R.E., Titov E.A., 2021. *Assessment of the Digital Readiness of the Russian Population. Proceedings of the 22nd April International Academic Conference on Economic and Social Development, Moscow, 13–30 Apr. 2021.* Moscow, Izd. dom VShE.
- Ziabkin A.E., 2024. Main Directions of Innovative Activity in the Field of Urban Passenger Transport. *Journal of Monetary Economics and Management*, no. 9, pp. 194-199. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.42.14.028
- Karchagin E.V., Petryankina M.M., 2025. Sociotechnical Barriers to Digitalization of Urban Transport for Older People: Theoretical and Methodological Aspect. *Primo aspectu*, no. 4 (64), pp. 1-15.
- Kurochkin N.D., 2024. Factors of Digital Inequality of the Population of Russian Regions. *Regionalnaya i otraslevaya ekonomika*, no. S3, pp. 194-199.
- Lavrukhin E.M., 2023. Improving the Efficiency of the Transport Complex Based on Digital Transformation. *Russian Journal of Management*, vol. 11, no. 4, pp. 338-348.
- Malyshev M.I., 2022. Innovations in the Field of Urban Public Transport and Prospects for the Introduction of New Mobility Principles. *Nauchnyi Vestnik MGTU GA*, vol. 25, no. 3, pp. 36-50. DOI: 10.26467/2079-0619-2022-25-3-36-50
- Mytil A.V., Dudchenko O.N., 2020. An Elderly Person in the Digital World (Based on the Results of Empirical Research). *Rossiya reformiruyushchayasya*, no. 18, pp. 333-356.
- Shchanina E.V., 2018. *Social Adaptation of Elderly People in Modern Russian Society as a Form of Constructing Social Reality: Strategies and Everyday Practices.* Dr. sociol. sci. abs. diss. Penza.
- An C., 2024. Exploring the Impact of Smart Mobility and ICT Solutions on Older Adults' Mobility: A Systematic Literature Review. *IEEE Access*, vol. 12, pp. 159056-159069. DOI: 10.1109/ACCESS.2024.3487113
- Bokolo A.J., 2023. Inclusive and Safe Mobility Needs of Senior Citizens: Implications for Age-Friendly Cities and Communities. *Urban Science*, vol. 7, no. 103, pp. 1-25. DOI: 10.3390/urbansci7040103
- Doh M., Jokisch M.R., Jäkh S., Scheling L., Wahl H.-W., 2021. *Kommunikation mit intelligenter Technik: Ergebnisbericht der wissenschaftlichen Begleitung.* Heidelberg, Abteilung für Psychologische Altersforschung, Psychologisches Institut der Universität Heidelberg.
- Ezeh N.C., Mboso A.G., 2019. Digital Migration and Social Inclusion of Senior Citizens. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 2, pp. 62-77. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-10013
- Goodman-Deane J., Kluge J., Bosch E.R., Nesterova N., Bradley M., Waller S., Hoeke L., Clarkson P.J., 2022. Toward Inclusive Digital Mobility Services: A Population Perspective. *Interacting with Computers*, vol. 33, no. 4, pp. 426-440. DOI: 10.1093/iwc/iwac014.
- Latour B., 2005. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory.* Oxford, Oxford University Press.
- Lin D., Cui J., 2021. Transport and Mobility Needs for an Ageing Society from a Policy Perspective: Review and Implications. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no. 22, pp. 1-16. DOI: 10.3390/ijerph182211802

- Loos E., Sourbati M., Behrendt F., 2020. The Role of Mobility Digital Ecosystems for Age-Friendly Urban Public Transport: A Narrative Literature Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 20, pp. 1-16. DOI: 10.3390/ijerph17207465
- Mariyam S., Jose J.P., 2017. Age Identity and Social Exclusion of Elderly Persons: A Cross Sectional Study. *International Journal of Social Science*, vol. 6, no. 3, pp. 191-198.
- Norris P., 2001. *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Rosa G., 2023. Digital Traveler: The Use of Modern Information Technologies in Passenger Transport. *European Research Studies Journal*, vol. 26, no. 3, pp. 275-288.
- Schatzki T.R., 2002. *The Site of the Social: A Philosophical Account of the Constitution of Social Life and Change*. Pennsylvania, Penn State University Press.
- Tupasela A., Devis Clavijo J., Salokannel M., Fink C., 2023. Older People and the Smart City – Developing Inclusive Practices to Protect and Serve a Vulnerable Population. *Internet Policy Review*, vol. 12, no. 1, pp. 1-21. DOI: 10.14763/2023.1.1700
- Urry J., 2007. *Mobilities*. Cambridge, Polity.
- Venezia E., 2025. Mobility on Demand and Transport Services for the Elderly: Challenges and Policy Solutions. *European Scientific Journal*, vol. 21, no. 42, pp. 1-12.
- Wang Y., Wu Z., Duan L., Liu S., Chen R., Sun T., Wang J., Zhou J., Wang H., Huang P., 2024. Digital Exclusion and Cognitive Impairment in Older People: Findings from Five Longitudinal Studies. *BMC Geriatrics*, vol. 24, p. 406. DOI: 10.1186/s12877-024-05026-w

Information About the Author

Marina M. Petryankina, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Sociology and Psychology, Volgograd State Technical University, Akademicheskaya St, 1, 400074 Volgograd, Russian Federation, petryankina_m@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6113-7457>

Информация об авторе

Марина Михайловна Петрянкина, аспирант кафедры философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет, ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация, petryankina_m@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6113-7457>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.13>

UDC 316.354:351/354

LBC 60.561.1

Submitted: 14.05.2025

Accepted: 29.05.2026

INDICATORS FOR ASSESSING THE LEVEL OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MEDIUM-SIZED CITIES IN CENTRAL RUSSIA (A CASE STUDY OF CITIES IN THE MOSCOW AND TULA REGIONS)

Tatiana N. Yudina

Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Russian Biotechnological University, Moscow, Russian Federation

Arkadiy V. Demidov

Russian Biotechnological University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The need for this study is driven by the current priorities of public policy in the Russian Federation. According to a statement made by the President of the Russian Federation at the Eastern Economic Forum in September 2025, the development of small and medium-sized cities has acquired strategic importance for meeting national needs. Although the socioeconomic conditions of small and medium-sized cities display substantial similarities, medium-sized cities occupy a higher level of development: they more often serve as intermunicipal service centres, have larger populations, and possess a more complex territorial structure comprising several residential districts. The principal social challenges facing medium-sized cities in Central Russia include insufficient investment in social and engineering infrastructure, socioeconomic stagnation, and population outmigration to more developed urban agglomerations. The study aims to assess the current level of development of medium-sized cities in Central Russia as perceived by local residents and to substantiate the importance of sustainable development principles for the social development of urban territories. Empirical data were collected through a pilot questionnaire survey of residents of medium-sized cities in Moscow and Tula oblasts. The study's scientific novelty lies in identifying and classifying the domains of sustainable development in medium-sized cities in Central Russia as developed, standard, or underdeveloped, based on residents' subjective assessments. The findings of the pilot study are of practical relevance to local-government officials in medium-sized cities and are advisory in nature, providing guidance for improving their professional strategies. The paper concludes by presenting a classification of the development levels of sustainable development domains in medium-sized cities in Central Russia and outlining directions for further research, including an expansion of the sample.

Key words: sustainable development, sustainable development goals, quality of life, standard of living, Central Russia, medium-sized cities.

Citation. Yudina T.N., Demidov A.V. Indicators for Assessing the Level of Sustainable Development of Medium-Sized Cities in Central Russia (A Case Study of Cities in the Moscow and Tula Regions). *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 122-139. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.13>

УДК 316.354:351/354

ББК 60.561.1

Дата поступления статьи: 14.05.2025

Дата принятия статьи: 29.05.2026

ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ УРОВНЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СРЕДНИХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ МОСКОВСКОЙ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Татьяна Николаевна Юдина

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Российский биотехнологический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аркадий Владимирович Демидов

Российский биотехнологический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Необходимость проведения исследования обусловлена современными приоритетами государственной политики Российской Федерации. Согласно заявлению Президента РФ, сделанному на Восточном экономическом форуме в сентябре 2025 г., развитие малых и средних городов приобретает стратегическое значение для удовлетворения государственных нужд. Хотя социально-экономическая ситуация малых и средних городов демонстрирует значительное сходство, средние города находятся на более высокой ступени развития: они чаще выступают в роли межмуниципальных центров обслуживания, характеризуются большей численностью населения и обладают разветвленной территориальной структурой с несколькими микрорайонами. Основными социальными проблемами средних городов центральной части России являются дефицит инвестиций в социальную и инженерную инфраструктуру, социально-экономическая стагнация и отток населения в более развитые городские агломерации. Основная цель исследования заключается в оценке современного уровня развития средних городов Центральной России с позиции их восприятия местными жителями, а также в обосновании значимости принципов устойчивого развития для социального обустройства городских территорий. Эмпирические данные получены в ходе пилотажного анкетного опроса среди жителей средних городов Московской и Тульской областей. Научная новизна исследования заключается в выявлении и классификации сфер устойчивого развития средних городов Центральной России (развитых, стандартных и неразвитых) на основе субъективных оценок населения. Результаты пилотажного исследования имеют практическую значимость для работников органов местного самоуправления средних городов и носят рекомендательный характер, служа ориентиром для совершенствования стратегии их профессиональной деятельности. В заключении работы предложена классификация уровня развитости сфер устойчивого развития в средних городах Центральной России и намечены направления дальнейших исследований с учетом расширения выборки.

Ключевые слова: устойчивое развитие, цели устойчивого развития, качество жизни, уровень жизни, Центральная Россия, средние города.

Цитирование. Юдина Т. Н., Демидов А. В. Индикаторы оценки уровня устойчивого развития средних городов Центральной России (на примере городов Московской и Тульской областей) // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 122–139. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.13>

Введение

Повышение качества жизни населения в Российской Федерации является одним из ключевых приоритетов государственной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В этой связи особую значимость приобретает исследование устойчивого развития городских образований, поскольку именно городская среда концентрирует основные социальные, экономические, инфраструктурные и институциональные условия повседневной жизни населения.

Методологической основой исследования выступает концепция целей устойчивого развития ООН (далее – ЦУР), ориентированная на достижение к 2030 г. сбалансированных результатов по социальному, экономическому и экологическому направлениям [United Nations... web]. Эпистемологическая значимость данной концепции определяется наличием детализированной системы индикаторов, позволяющей операционализировать сложные

социальные процессы, проводить межтерриториальные сопоставления и отслеживать динамику изменений. В современной литературе подчеркивается, что именно индикаторный подход создает возможность перейти от нормативной модели устойчивого развития к эмпирическому измерению конкретных территорий [Da Silva, Frasson, Ribeiro 2021].

На сегодняшний день в России нет единого специализированного правового документа, определяющего внедрение и реализацию ЦУР, но, как справедливо отмечает А.Г. Сахаров, концепция ЦУР может применяться в качестве рабочего аналитического инструмента для оценки текущего состояния и выявления проблемных зон в развитии городов России [Сахаров 2025]. Опора на индикаторы ЦУР при проведении исследования дает возможность выйти за рамки простого описания, позволяя фиксировать динамику изменений, проводить сопоставление между городами, отслеживать динамику развития.

Средние города Центральной России являются базовыми элементами в территориальном каркасе страны, так как именно они призваны обеспечивать занятость населения, доступ к объектам социальной сферы, поддерживать локальную мобильность жителей и воспроизводство человеческого капитала. В то же время большая доля средних городов оказывается в ситуации социально-экономической стагнации, на них оказывает влияние нехватка инвестиций, инфраструктурные вызовы, отток жителей в более крупные города.

Это формирует противоречие между их потенциальным вкладом в пространственное развитие и реальным состоянием ключевых сфер городской жизни. Поэтому исследовательская задача статьи состоит в апробации системы индикаторов, позволяющей оценивать уровень устойчивого развития средних городов через сочетание объективно значимых сфер городской жизни и субъективных оценок местных жителей [Демидов, Юдина 2025].

Авторы исходят из того, что устойчивость среднего города не может быть адекватно описана только при помощи статистических показателей, так как не менее важно восприятие населением качества городской среды, доступности услуг, работы институтов и общего уровня комфортности жизни.

Целью статьи является определение уровня устойчивого развития средних городов Центральной России на основе оценок местного населения и обоснование системы индикаторов, пригодной для дальнейшего расширенного эмпирического исследования.

Теоретический обзор литературы

Проблематика устойчивого развития городов относится к числу междисциплинарных исследовательских направлений и объединяет экономические, социологические, географические, экологические и управленческие подходы. В наиболее общем виде концептуальная основа исследований была заложена в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» [Наше общее будущее... web], где устойчивое развитие определяется как развитие, удовлетворяющее потребности нынешнего поколения без подрыва возможностей будущих поколений удовлетво-

рять собственные потребности. В дальнейшем это понимание было существенно расширено и стало включать социальное, экономическое, экологическое, институциональное и территориальное измерения [Демидов, Юдина 2025].

В научной литературе сегодня можно выделить несколько основных направлений интерпретации устойчивого развития. Первое направление связано с нормативным подходом международных организаций, прежде всего ООН, в рамках которого устойчивость трактуется как баланс социального прогресса, экономического роста и экологической безопасности. Второе направление представлено работами, в которых устойчивое развитие рассматривается как способность социальной системы сохранять целостность, адаптироваться к внешним вызовам и обеспечивать воспроизводство базовых условий жизни населения в долгосрочной перспективе. Третье направление акцентирует внимание на измеримости устойчивого развития и необходимости его перевода в систему индикаторов, пригодных для анализа территорий различного масштаба [Merino-Sau et al. 2020].

В настоящем исследовании особое значение имеет именно третий, индикаторный, подход, поскольку он позволяет связать абстрактную концепцию устойчивого развития с прикладной задачей оценки конкретных городских образований. Сторонники данного направления подчеркивают, что устойчивость города не может быть сведена к одному универсальному параметру; она требует многомерного измерения, в котором находят отражение состояние социальной инфраструктуры, качество городской среды, возможности занятости, экологические условия, институциональная эффективность и субъективные оценки населения [Hiremath et al. 2013].

Ряд исследований посвящен устойчивому развитию городов как особым социально-территориальным системам. В этих работах город трактуется не только как административная единица, но и как пространство концентрации населения, ресурсов, инфраструктуры, социальных рисков и институтов управления [Порфирьев, Бобылев 2018].

В отечественной науке выделяются две методологические проблемы оценки устойчивого развития городов. Первая касается от-

сутствия общепризнанного определения города как объекта исследования, что серьезно затрудняет сравнение городов разных типов между собой, хотя разработчики отраслевой социологической теории социологии города делали попытки решить данную методологическую проблему.

Вторая связана с задачей адаптации международных индикаторов к специфике российских социально-экономических, институциональных и территориальных показателей. Здесь особую ценность представляют работы, показывающие, как использовать ЦУР применительно к городской проблематике с учетом их содержательной корректировки, национальной специфики и особенностей городской среды [Данилов-Данильян, Розенталь 2026].

Еще один момент, на который мы считаем нужным обратить внимание, – нет единого и окончательно утвержденного перечня индикаторов, а их набор зависит от задач исследования, наличия данных, масштаба анализа и типологических особенностей города [Merino-Sau et al. 2020]. При этом в большинстве моделей неизменно присутствуют три основных блока – социальный, экономический и экологический, тогда как в более развернутых схемах к ним добавляются институциональная, инфраструктурная и управленческая составляющие.

Важно учитывать, что индикаторы никогда не выступают в роли нейтрального технического инструмента измерения. Напротив, они несут в себе определенную теоретическую позицию относительно того, какие факторы считать существенными для устойчивости и какие векторы развития рассматривать как приоритетные. Из этого следует, что построение системы индикаторов неизбежно сопряжено с исследовательским выбором и авторским видением объекта анализа [Merino-Sau et al. 2020].

Особое место в рамках данной статьи занимают работы, посвященные изучению средних городов. На протяжении долгого времени и в зарубежной, и в российской научной традиции средние города находились в тени двух более заметных категорий – крупных мегаполисов, притягивающих ресурсы, и малых городов, ассоциируемых с депривацией и демографическим упадком. Между тем именно средние города выполняют важные межрайонные функции, обеспечивают доступ к социальной инфраструк-

туре, формируют локальные рынки труда и выступают пространствами воспроизводства человеческого капитала вне крупнейших агломераций [Da Silva, Frasson, Ribeiro 2021].

Это означает, что анализ устойчивости средних городов требует самостоятельного аналитического подхода, так как для них характерны ограниченность ресурсной базы, частичная зависимость от более крупных городских центров, а также наличие собственного инфраструктурного, социального и институционального потенциала. В этой связи индикаторный подход оказывается особенно продуктивным, поскольку позволяет выявить не только общий уровень развития города, но и внутреннюю неоднородность отдельных сфер городской жизни.

Существенное методологическое значение имеет также различие объективных и субъективных индикаторов устойчивого развития. В ряде работ показано, что формально благополучные статистические значения не всегда совпадают с восприятием населением качества жизни и доступности услуг, поэтому в исследованиях городов все более активно используются социологические показатели, основанные на оценках жителей. Опросы позволяют фиксировать не только наличие тех или иных объектов или услуг, но и степень их реальной доступности, качества и социальной значимости [Merino-Sau et al. 2020], что определяет стратегию исследования.

Методология исследования

В основу методологии изучения устойчивого развития городов данного исследования положен индикаторный подход, дополненный социологической интерпретацией качества городской жизни, что позволило нам рассматривать устойчивое развитие как многоаспектную характеристику социально-территориальной системы, включающей в себя уровень общественного здоровья, доступность образовательных услуг, специфику занятости и локальной экономики, обеспеченность инфраструктурой, состояние городской среды, а также институциональные условия, в которых протекает повседневная жизнь жителей. Это позволило адаптировать общую концепцию ЦУР для изучения средних городов Центральной России и перевести ее в набор эмпирически измеримых индикаторов.

Отнесение территориальных единиц к категории среднего города основывалось на учете количественного, функционального, инфраструктурного, демографического и социального критериев, что позволило трактовать средний город как самостоятельный тип городского образования, находящийся между малыми городами и крупными агломерациями и имеющий собственную траекторию устойчивости, включая количественный критерий (население среднего города варьируется в показателе от 40 до 200 тысяч человек); функциональный критерий (средние города нередко берут на себя широкий спектр межрайонных функций, становятся узлами для нескольких муниципальных районов и обладают агломерационным потенциалом); инфраструктурный критерий (в средних городах обычно преобладает среднеэтажная застройка, имеется доступная транспортная сеть, широкая сеть учреждений – межрайонные медицинские центры, объекты культуры высокого ранга и др.); демографический критерий (анализ динамики численности, возрастная структура, уровень рождаемости и смертности, миграционные потоки и др.); социальный критерий (исследование особенностей местного сообщества – ценности, идентич-

ность, уровень доверия и вовлеченности в самоуправление, активность общественных инициатив, а также контекст историко-культурного наследия – наличие памятников, традиций, которые влияют на развитие города и др.).

В качестве основного метода сбора первичной информации использовано анкетирование, что позволяет систематизировать оценки населением доступности и качества медицинских, образовательных, инфраструктурных, экологических и иных услуг. Первичные данные пилотажного опроса были получены в период с мая по декабрь 2025 года.

В пилотажном исследовании была применена стихийная выборка, что в данном случае рассматривается не как средство получения итоговых репрезентативных оценок, а как инструмент пилотажной проверки релевантности выбранных индикаторов и выявления наиболее проблемных зон устойчивого развития средних городов. В качестве генеральной совокупности исследования выступили жители средних городов Центральной России (Центральный федеральный округ) с населением от 50 до 250 тысяч человек. Количество опрошенных респондентов составило 88 человек. Распределение опрошенных по регионам прохождения и городам представлено в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Распределение участников опроса по регионам

Регион прохождения	Количество опрошенных (чел.)	Процентное соотношение (%)
Тульская область	49	55,7
Московская область	36	40,9
Другие области	3	3,3

Таблица 2

Распределение участников опроса по городам

Город прохождения	Количество жителей города, принявших участие (чел.)	Процентное соотношение (%)
Донской	39	44,3
Новомосковск	9	10,2
Раменское	5	5,7
Зеленоград	4	4,5
Реутов	4	4,5
Павловский Посад	3	3,4
Орехово-Зуево	3	3,4
Люберцы	3	3,4
Мытищи	2	2,3
Красногорск	2	2,3
Красково	2	2,3
Видное	2	2,3
Другие города	10	11,0

Собранные данные анализировались с помощью программы SPSS. В рамках пилотажного этапа были отобраны ЦУР, наиболее значимые для среднего города и поддающиеся социологической операционализации на уровне самооценки жителями повседневного опыта. На этой основе в исследование включены показатели, связанные со здоровьем и благополучием, образованием, достойной работой и экономическим ростом, индустриализацией, инновациями и инфраструктурой, эффективностью институтов, доступом к чистой воде и санитарии, а также устойчивым развитием населенных пунктов [Демидов 2024].

Результаты и обсуждение

Результаты пилотажного исследования позволяют утверждать, что устойчивое развитие средних городов Центральной России носит неравномерный характер. Оценки респондентов демонстрируют сочетание отдельных относительно благополучных сфер с проблемными зонами, затрагивающими как качество социальных услуг, так и инфраструктурные и институциональные параметры городской жизни. Это подтверждает исходное методологическое положение статьи о многомерности устойчивого развития и необходимости его анализа не через единый интегральный показатель, а через систему взаимосвязанных индикаторов.

1. Хорошее здоровье и благополучие

Первой целью устойчивого развития концепции ООН является показатель хорошего здоровья и благополучия. Исследование показало, что, с одной стороны, более

половины респондентов оценивают собственное состояние здоровья как высокое или среднее, что в целом позволяет говорить об отсутствии выражено негативного восприятия здоровья. Полученные результаты (табл. 3) коррелируют с результатами опроса Фонда «Общественное мнение» за 2024 г.: 39 % граждан оценивают личное здоровье на высоком уровне; 45 % охарактеризовали свое самочувствие как среднее; 15 % заявили, что имеют серьезные болезни [Фонд «Общественное мнение»... web]. В то же время качество и доступность медицинских услуг в государственных учреждениях оценивается населением более критично. Жители средних городов не удовлетворены охватом необходимых процедур и сравнительно низко оценивают уровень профессионализма медицинского персонала, что объясняется не только социально-экономическими условиями жизни в городе, но и возрастным фактором, так как с возрастом здоровье ухудшается (29,5 % выбрали ответ, позволяющий судить об ухудшившемся состоянии здоровья по сравнению с прошлым периодом).

Восприятие жителями качества оказываемой медицинской помощи выступает одним из значимых индикаторов результативности системы здравоохранения. В таблице 4 отражено распределение ответов на вопрос о профессиональном уровне медицинского персонала городских больниц. Выявлено, что доля негативных оценок почти в два раза превосходит долю позитивных (20,4 %), а нейтральная позиция занимает срединное положение между ними. Более позитивно оценивают профессионализм медперсонала лишь около пятой части респондентов, тогда как свыше трети опрошенных (36,4 %) открыто заявляют о недоверии.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете собственное здоровье на текущее время?»

Вариант ответа	%
Полностью удовлетворен(-а) своим здоровьем, нет никаких болезней	22,7
Отчасти удовлетворен(-а) своим здоровьем, иногда могу ненадолго заболеть	22,7
Удовлетворен(-а) своим здоровьем на среднем уровне	18,2
Частично неудовлетворен(-а) своим здоровьем, раньше был(-а) более здоровым(-ой)	29,5
Полностью неудовлетворен(-а) своим здоровьем, имею тяжелые болезни	4,5
Затрудняюсь ответить	2,3

Такая структура оценок типична для сферы здравоохранения, сталкивающейся с устойчивыми организационными проблемами, и требует не только развития профессиональных навыков персонала, но и работы над сервисом и коммуникацией с пациентами. До тех пор пока восприятие пациентов не изменится, даже реальное повышение квалификации медработников останется незамеченным. О системном характере кризиса доверия к профессионализму медперсонала позволяют судить следующие результаты: треть респондентов прямо заявляет о нехватке квалификации, а еще 37,5 % не видит оснований высоко оценивать работу медперсонала.

Следующий индикатор общественного здоровья – качество предоставляемых медицинских услуг. Средние оценки жителей скорее неудовлетворительны – среднее значение в 4,63 балла по 10-балльной шкале.

Что касается мнения населения по вопросам, касающимся качества предоставляемых медицинских услуг, то большинство жителей оценивают его на среднем или ниже среднего уровня. Неблагоприятный опыт обращения в государственные учреждения здравоохранения или отсутствие возможности пройти нужную медицинскую процедуру заставляет граждан обращаться в частные медицинские учреждения: 80 % респондентов обращались в частные клиники как минимум один раз, при этом более трети (37 %) заявили, что пользовались их услугами неоднократно.

Полученные данные позволяют интерпретировать частный медицинский сектор не просто как альтернативный канал получения услуг, а как компенсаторный механизм в ситуации недостаточной удовлетворенности государственной системой здравоохранения. Следовательно, применительно к средним городам проблема устойчивости определяется не только доступностью медицины, но и качеством, доверием и эффективностью медицинской помощи.

2. Качественное образование

Второй целью устойчивого развития, обеспечивающей комфортную жизнь в средних городах, является доступность качественного образования для населения. Опережающее развитие образования – не просто приоритет, а необходимость для средних городов. Именно образовательная система способна стать драйвером позитивных изменений: она формирует основу для устойчивого социально-экономического развития и вносит вклад в культурное многообразие городского сообщества [Попов 2020].

В рамках пилотажного опроса мы сознательно ограничили оценку уровнями основного и среднего специального образования, поскольку в средних городах доступность высшего образования остается низкой, так как вузы концентрируются в региональных центрах, а открытие филиалов и негосударственных вузов не решает проблемы качественной подготовки специалистов.

Оценочные суждения населения о качестве образования в среднем городе оказались в целом более позитивными, чем оценки медицинских услуг: большинство респондентов выбирали варианты, характеризующие уровень развития как средний или выше среднего (см. табл. 5). Анализ данных таблицы показывает, что суммарная доля полностью и отчасти удовлетворенных респондентов ($10,2 + 23,9 = 34,1$ %) практически равна доле тех, кто оценил доступность как «средний уровень» (34,1 %). При этом доля неудовлетворенных (отчасти и полностью) составляет 18,2 % ($10,2 + 8,0$), а 13,6 % затруднились с ответом. Таким образом, позитивные и нейтральные оценки преобладают над негативными.

Особый интерес представляет оценка доступности дополнительного образования детей. В данном вопросе мнения распределились относительно равномерно (см. табл. 6).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, какой уровень профессионализма имеет медицинский персонал в больницах Вашего города?»

Вариант ответа	%
Весь медицинский персонал имеет высокий уровень профессиональной подготовки	1,1
Большинство медицинских сотрудников имеет высокую квалификацию	19,3
Медицинский персонал выполняет работу на среднем уровне	37,5
Лишь небольшая часть медицинских сотрудников являются профессионалами	23,9
Весь медицинский персонал некомпетентен и некачественно выполняет работу	12,5

Дополнительным индикатором качества образования служит оценка материально-технической инфраструктуры образовательных учреждений. В ходе опроса респондентам предлагалось оценить ее уровень по 10-балльной шкале; среднее значение составило 5,72 балла, что соответствует умеренному, среднему уровню развития.

3. Достойная работа и экономический рост

В числе задач, обозначенных в рамках целей устойчивого развития, особое место занимает направление, связанное с достойной работой и экономическим ростом. Согласно подпункту 8.5 к 2030 г. предполагается достичь полной и производительной занятости [United Nations... web], а также обеспечить достойную работу для всех категорий трудоспособного населения, включая молодежь и людей с инвалидностью.

Сфера труда и экономического развития демонстрирует характерную для средних городов двойственность. Респонденты не фиксируют острого кризиса занятости, а уровень безработицы в целом воспринимается как умеренный: средний результат по 10-балльной шкале составил 4,88 балла, что, на наш взгляд, говорит о стандартной, некризисной ситуации с рабочими местами в средних городах. Вместе с тем устойчивость рынка труда обеспе-

чивается в значительной степени за счет бюджетной занятости, тогда как удовлетворенность уровнем заработной платы остается низкой. Это позволяет сделать вывод, что для средних городов проблема заключается не столько в наличии рабочих мест как таковых, сколько в ограниченности возможностей достойного и экономически привлекательного трудоустройства.

Респондентам был задан вопрос о месте их текущего трудоустройства. Половина опрошенных – работники бюджетных организаций (из них 4,5 % подчеркнули, что занимают руководящий пост); 18 % – наемные работники коммерческой организации; количество индивидуальных предпринимателей или самозанятых – 8 %. Оставшиеся 23 % являются учащимися техникумов или пенсионерами, нетрудоустроенными на текущий момент. Данная статистика говорит о том, что для среднего города основные рабочие места обеспечивает сфера бюджетной занятости.

Другими немаловажными факторами в рамках рассматриваемого показателя ЦУР являются комфортные условия на рабочем месте и достойная оплата труда. Уровень и дифференциация заработной платы – важнейшие характеристики распределительных отношений и рынка труда, формирующие уровень и качество жизни [Иващенко, Мигранова 2016].

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете доступность основного общеобразовательного и среднеспециального образования в Вашем городе?»

Вариант ответа	%
Полностью удовлетворен, в городе более 7 сильных школ и техникумов	10,2
Отчасти удовлетворен, в городе 5–6 сильных школ и техникумов	23,9
Средний уровень, в городе более 3–4 сильных школ и техникумов	34,1
Отчасти неудовлетворен, в городе 1–2 сильных школ и техникумов	10,2
Полностью неудовлетворен, в городе нет сильных школ и техникумов	8,0
Затрудняюсь ответить	13,6

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, насколько доступно в Вашем городе обучение по программам дополнительного образования детей?»

Вариант ответа	%
Сильный уровень, в городе представлено множество сфер дополнительного образования	22,7
Сфера дополнительного образования развита на среднем уровне	29,5
Слабый уровень, дополнительное образование развивают несколько учреждений	27,3
В моем городе нет учреждений дополнительного образования	6,8
Затрудняюсь ответить	13,6

Результаты исследования показывают, что большинство жителей средних городов удовлетворены сложившейся атмосферой на рабочем месте, о дискомфорте заявили 13 % опрошенных. Показатель удовлетворенности заработной платой – полностью удовлетворены лишь 8 % респондентов, 48 % говорят о частичной или средней удовлетворенности оплатой труда и 27 % не удовлетворены (оставшиеся жители затруднились ответить на вопрос или не работают на текущий момент). Из количественных данных следует вывод, что проблема безработицы в среднем городе не столь остра благодаря функционированию большого количества бюджетных организаций.

Следующий блок вопросов в рамках данного показателя ЦУР касался экономического роста городского пространства. Респондентам было предложено оценить уровень развития малого и среднего бизнеса на территории их места проживания. Более половины (51 %) опрошенных посчитали, что бизнес развит в их городах на среднем уровне, 12 % отметили высокий уровень развития коммерческого сектора, 19 % заявили о низком уровне развития, 18 % затруднились ответить на вопрос.

Развитие малого и среднего бизнеса в средних городах Центральной России имеет большой потенциал. В настоящее время реализуется значительное количество потенциально перспективных и инновационных проектов, но, несмотря на это, наблюдается отсутствие или недостаточность финансовой, иных видов поддержки со стороны администрации города [Емельянович, Кулягина, Коложвари 2018], хотя и создана необходимая инфраструктура – центры «Мой бизнес», ориентированные на помощь предпринимателям в режиме «одного окна» [Центры... web].

4. Индустриализация, инновации и инфраструктура

Еще одним направлением устойчивого развития является показатель индустриализации, инновации и инфраструктуры. Социальное развитие средних городов в данном показателе рассматривается в контексте парадигмы социальных изменений, в которой активная роль предоставляется социальным акторам, действующим и проживающим на территории городского пространства, – институтам и социальным группам. Наибольшее влияние на показатели инновационности города оказывает местная власть, однако местное население играет немаловажную роль [Баных, Буторина, 2019].

Первый блок вопросов в рамках данного показателя затрагивает уровень развития городской транспортной инфраструктуры, в частности оценку местным населением качества дорожного покрытия и доступности сети общественного транспорта. Статистика по второму вопросу выглядит довольно позитивной – большая часть респондентов (91 %) считают, что проблем с трафиком маршрутных рейсов в их городе нет. Однако удовлетворенность качеством дорожного покрытия у жителей средних городов находится на довольно низком уровне (табл. 7). Более трети опрошенных считают, что на абсолютно каждой автомобильной дороге в их городе есть препятствия, мешающие комфортной езде.

Следующий блок вопросов исследования затрагивает развитие инновационных технологий и инфраструктурных новшеств в средних городах. Важным индикатором является доступность интернет-технологий. Качество доступа 89 % опрошенных оценили положительно. Далее респондентам было предложено оценить развитие инфраструктуры города и постройки нового комфортного жилья, так

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены качеством дорожного покрытия автомобильных дорог в Вашем городе?»

Вариант ответа	%
Удовлетворен(-а), ремонтные работы проводятся регулярно, по всем дорогам приятно ездить	10,2
На центральных дорогах города хорошее покрытие, чего нельзя сказать об отдаленных дорогах	43,2
На всех дорогах города есть мелкие дефекты (пробоины, ямы и др.)	34,1
Ужасное качество дорожного покрытия, ремонтные работы не проводятся	8,0
Затрудняюсь ответить	2,3

как ключевым вектором развития регионального потенциала России становится преобразование инфраструктурной сферы городов, наращивание индустриального потенциала и активизация межотраслевого и межрегионального взаимодействия в сфере промышленности и строительства [Кузнецова 2015]. Результаты исследования свидетельствуют скорее об отсутствии положительной динамики в развитии индустриализации средних городов: лишь 20 % опрошенных считают, что в их городах строится достаточное количество новых домов, 27 % граждан заявили, что в их городе строят или очень мало нового жилья, или не строят вообще.

Наиболее позитивно жители оценивают доступность общественного транспорта и интернет-технологий, что позволяет говорить о наличии базовой инфраструктурной связности городского пространства. Состоянием дорожного покрытия и темпами строительства нового комфортного жилья респонденты не удовлетворены, таким образом, инфраструктурная устойчивость средних городов оказывается частичной.

5. Мир, правосудие и эффективные институты

Шестнадцатым показателем ЦУР и пятым в рамках пилотажного исследования является индикатор мира, правосудия и работы эффективных социальных институтов. Основой для исследования данного параметра стали оценки уровня безопасности в городе и работы основных муниципальных институтов. Безопасность на территории городского пространства напрямую зависит от уровня преступности [Майоров 2022]. По шкале от 1 до 10 баллов местные жители оценили криминальную обстановку, средняя величина составила 4,77 балла, что можно трактовать как стандартное количество преступлений.

Следующий вопрос касался безопасности на улицах города – 3 % опрошенных высказали мнение, что не чувствуют себя в безопасности на улицах города; 46 % чувствуют себя в безопасности, но не в ночное время суток. Скорее всего, это объясняется психологическими факторами, а не социальными. Были выделены вопросы о неблагоприятных

и криминальных районах города, в них чувствуют себя небезопасно 27 % опрошенных; 24 % жителей чувствуют себя в безопасности на улице в любом районе и в любое время суток.

В анализе показателя эффективных социальных институтов в среднем городе важным индикатором является оценка работы городской администрации. Органы местного самоуправления городских округов в своей текущей деятельности ориентируются на достижение трех ключевых целей: формирование комфортной городской среды, обеспечение бесперебойной работы объектов социальной инфраструктуры и повышение привлекательности городов как мест для жизни и развития [Попкова, Канюков, Мигалов 2025].

Респондентам было предложено оценить работу действующего главы администрации, регулирующего всю деятельность органов местного самоуправления. Средний показатель удовлетворенности работой главы администрации города по шкале от 1 до 10 составил 5,11 балла, медианное и модальное значение оценивается в 5 баллов, что соответствует среднему уровню удовлетворенности.

Социальным институтом, представляющим интересы местного сообщества в рамках взаимодействия с органами публичной власти и вносящим вклад в организацию самостоятельной деятельности населения по осуществлению местного самоуправления, является общественная палата муниципального образования [Шишкин, Сафин 2020], так как основной целью деятельности общественной палаты на муниципальном уровне является «обеспечение взаимодействия граждан с органами местного самоуправления для достижения согласованных решений по наиболее важным для муниципального образования вопросам» [Положение... web].

Выявлено, что муниципальные законодательные акты и положения о городских общественных палатах неизвестны респондентам: 95 % опрошенных заявили, что не знают о деятельности общественной палаты и затрудняются ответить о ее результатах в своем городе. В связи с этим говорить об адекватной оценке работы общественной палаты

среднего города со стороны местного населения не представляется возможным (рис. 1).

Низкая информированность о деятельности общественных палат свидетельствует о слабой включенности населения в институциональные механизмы общественного участия и недостаточной коммуникативной эффективности местных институтов. При выработке социальной политики муниципальные органы управления должны ориентироваться не только на объективные показатели своих достижений, но и анализировать, как субъективно воспринимает эти достижения население [Лучшева, Кашенкова 2018].

Полученные данные согласуются с выводами других исследователей, которые справедливо отмечают, что источником социальной активности выступают потребности и интересы человека, а ее формирование происходит под влиянием окружающей среды, а внутренняя устремленность к действиям трансформируется в практическую самостоятельность – через изменение окружающего мира и работу над собой люди удовлетворяют потребности и добиваются социального благополучия [Ильиных 2018].

6. Чистая вода и санитария

Согласно данным ООН, по состоянию на 2022 г. 3,5 млрд людей не имели доступа к санитарно-гигиеническим услугам [Water... web]. В то же время в основе экологических прав человека лежит объективно существующая экологическая система, имеющая вы-

сокую уязвимость к негативным факторам воздействия [Барбашова 2025]. Следовательно, управление экологической системой важно регулировать на всех уровнях – международном, национальном, региональном и муниципальном.

В настоящий момент можем предполагать, что в средних городах Центральной России ситуация с доступом к водным ресурсам не является масштабной проблемой. Немаловажную роль в этом играют мероприятия, проводимые в рамках реализации федерального проекта «Чистая вода». За период 2019–2021 гг. действие проекта позволило увеличить долю населения Российской Федерации, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения, с 85,5 до 87,35 % (в том числе городского населения с 92,7 до 94 %) [Федеральный проект... web]. Доступная система водоснабжения есть во всех городах, поэтому необходимо выявить, как оценивают респонденты качество поставляемой воды и сопутствующие услуги. По мнению жителей средних городов, в этой сфере есть проблемные поля (см. табл. 8).

Полностью удовлетворены сервисом и качеством поставляемой воды менее пятой части респондентов, что может свидетельствовать об ограниченном доступе к удовлетворительным санитарно-гигиеническим услугам для большинства населения средних городов.

Не менее важны вопросы защиты окружающей среды города от скопления мусора. Для

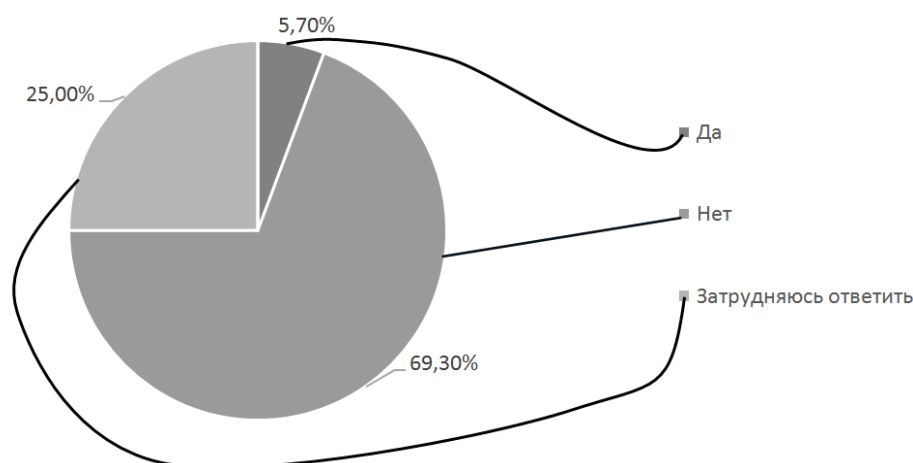

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Знаете ли Вы о деятельности общественной палаты в Вашем городе?»

достойного уровня экологичности в небольших городах много значит обеспеченность мусорными контейнерами и площадками на всей территории города. При ответе на вопрос о доступности таких мест мнения респондентов разделились: 31 % опрошенных считают, что мест для утилизации мусора в их городе достаточно; 51 % видят, что не везде есть мусорные площадки; 16 % отмечают острую нехватку мест.

Одной из существенных проблем, осложняющих экологическую ситуацию в современных городских агломерациях, является недостаточно эффективная утилизация и обезвреживание химических и иных отходов жизнедеятельности горожан [Летягина 2023]. 15 % респондентов уверены в том, что состояние городской среды соответствует современным гигиеническим стандартам; для 38 % ключевой проблемой выступает недостаточная благоустроенность улиц; для 28 % – низкое качество уборки общественных пространств. О полном несоблюдении санитарных требований в городской среде заявили 17 % участников опроса.

Таким образом, сам факт наличия доступа к системе водоснабжения не воспринимается жителями как острая проблема, однако оценки качества воды свидетельствуют о некоторой неудовлетворенности респондентов. Оценка санитарного состояния городской среды и доступности мест для утилизации мусора демонстрирует потребность в инфраструктурных решениях.

7. Устойчивое развитие и населенные пункты

Последний анализируемый параметр относится к корреляции термина «устойчивое развитие» применительно к населенным пунктам. Средние города в Российской Федерации занимают третье снизу место по количе-

ству населения, опережая малые и субсредние города. Также средние города обладают свойствами, позволяющими отличить их от малых и больших городов (помимо количества проживающего населения): они отличаются диверсифицированной градообразующей средой и агломерационным потенциалом, выступают межрайонным центром, имеют средний уровень развития учреждений (бюджетных и коммерческих), среднеэтажную застройку и действующую сеть общественного транспорта [Демидов 2024].

Мировое сообщество на протяжении трех последних десятилетий демонстрирует устойчивую приверженность концепции устойчивого развития городов. Эта задача рассматривается как неотъемлемая часть глобальной стратегии устойчивого развития человечества. Ее реализация предполагает скоординированные действия на нескольких уровнях – глобальном, региональном, национальном, субнациональном и местном – и требует активного взаимодействия всех заинтересованных субъектов: правительств, международных организаций, бизнеса, местных властей и гражданского общества [Жоголева, Максимов 2024].

Показатель устойчивого развития среднего города в пилотажном исследовании стал заключительной компонентой оценки общего уровня развития городского пространства. В заключительном блоке респондентам было предложено оценить развитость социальных сфер общества и высказаться о личном вкладе в развитие города. Жители средних городов оценивают одни сферы устойчивого развития как наиболее развитые в социальной структуре (см. рис. 2), другие – как наименее развитые (см. рис. 3).

Отвечая на вопрос о личном вкладе в развитие своего города, большинство жителей

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Как Вы можете оценить систему водоснабжения в многоквартирных и частных домах в Вашем городе?»

Вариант ответа	%
Система водоснабжения отлично работает – качество воды хорошее, перебои крайне редки	18,2
Качество воды хорошее, но есть проблемы с перебоями	23,9
Проблем с перебоями нет, но качество воды плохое	38,6
Централизованное водоснабжение в моем городе не соответствует критериям ни по качеству, ни по постоянству поставки воды	14,8
Затрудняюсь ответить	4,5

средних городов говорят о поддержке и посещении локальных культурных и спортивных мероприятий, заботе об окружающей среде и участии в благоустройстве города, а также работе с детьми, в том числе в рамках своей профессиональной деятельности. В то же время более 20 % опрошенных заявили о том, что не участвуют в развитии своего города (рис. 4).

Субъективная картина оценки устойчивого развития среднего города жителями не связывается с одним доминирующим параметром. Напротив, оно воспринимается как совокупность взаимосвязанных условий: доступности социальных услуг, состояния городской среды, качества инфраструктурного обеспечения, экономических возможностей и функционирования

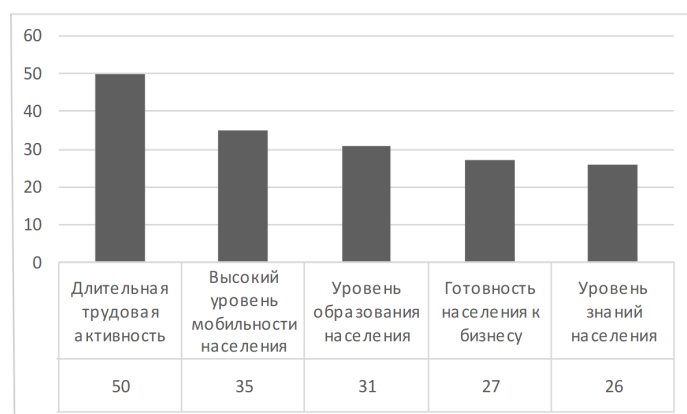

Рис. 2. Топ-5 наиболее развитых сфер устойчивого развития среднего города, по мнению местных жителей (количество ответов)

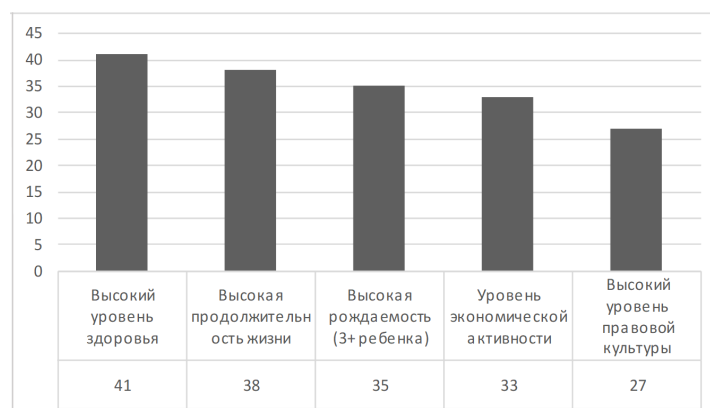

Рис. 3. Топ-5 наименее развитых сфер устойчивого развития среднего города, по мнению местных жителей (количество ответов)

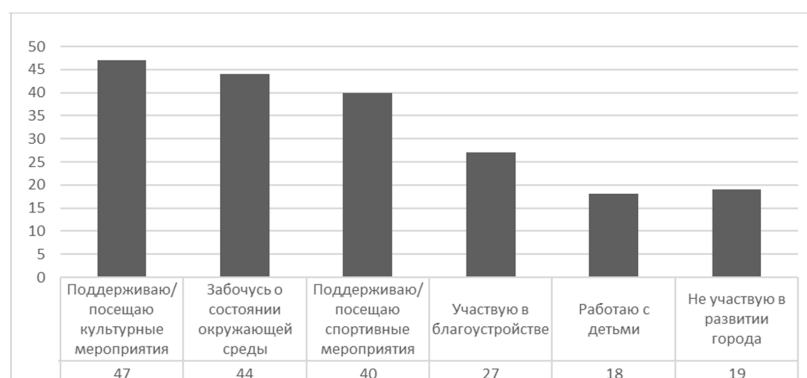

Рис. 4. Топ-5 наиболее частых ответов о личном вкладе в развитие города (включая результаты ответа о неучастии в развитии)

институтов. Это подтверждает корректность избранной авторами логики построения системы индикаторов и свидетельствует о методологической продуктивности сочетания концепции ЦУР и анализа общественного мнения.

Заключение

Проведенное пилотажное исследование позволяет утверждать, что устойчивое развитие средних городов Центральной России отличается выраженной внутренней неоднородностью: одни сферы городской жизни сохраняют относительную устойчивость, а другие являются зонами концентрации социальных и инфраструктурных проблем.

К числу более развитых сфер по материалам пилотажного исследования могут быть отнесены: наличие высокоразвитой и доступной сети частных клиник; высокое предложение рабочих мест в бюджетных организациях; развитая сеть общественного транспорта; полноценный и постоянный доступ к интернет-технологиям; трудовая активность.

Вместе с тем данные сферы не следует интерпретировать как полностью благополучные, скорее они выступают в качестве относительно устойчивых элементов городской повседневности по сравнению с иными направлениями. К сферам со средним уровнем развития относятся: самооценка состояния собственного здоровья; качество и доступность образования в школах и СПО; уровень безработицы; развитие бизнеса; уровень преступности; удовлетворенность работой администрации; уровень экологичности города. Именно эти направления формируют «зону условной стабильности», в которой отсутствуют крайне негативные оценки, но одновременно не просматриваются признаки выраженного опережающего развития.

Наиболее проблемными зонами устойчивого развития средних городов выступают: доступность основных медицинских услуг и удовлетворенность работой медицинского персонала в государственных учреждениях здравоохранения; удовлетворенность размером заработной платы; качество дорожного покрытия на автомобильных дорогах; урбанизация городов и постройка нового доступного жилья; осведомленность населения о функци-

ях и сути работы общественной палаты города; оценка качества поставляемой воды в системе водоснабжения; продолжительность жизни. Эти сферы образуют основное проблемное ядро, требующее повышенного внимания со стороны органов местного самоуправления и региональной политики развития.

Принципиально значимым является то, что полученные данные подтверждают обоснованность предложенного авторского подхода к построению оценки устойчивого развития средних городов. Применение индикаторной системы, объединяющей систему ЦУР с оценками местных жителей, позволило зафиксировать не только проблемные и относительно благополучные направления, но и саму структуру воспринимаемой устойчивости городской среды. Тем самым пилотажное исследование продемонстрировало, что устойчивость среднего города наиболее корректно описывать как многомерное явление, в котором объективные характеристики городской жизни опосредуются повседневным социальным опытом населения.

При этом полученные выводы должны интерпретироваться с учетом ограничений, свойственных пилотажной стадии исследования. Среди них – небольшой объем выборки, ее стихийный характер, недостаточная представленность отдельных территорий, а также невозможность полноценного сравнения между различными типами средних городов. В связи с этим сделанные выводы имеют предварительный характер и служат преимущественно для проверки исследовательского инструментария и уточнения структуры индикаторов. Практическая ценность работы заключается в том, что предложенная индикаторная система может в дальнейшем применяться для более масштабной диагностики состояния средних городов Центральной России, а также служить аналитической опорой для корректировки муниципальной социальной политики. Дальнейшие перспективы исследования связаны с увеличением выборки, переходом к более структурированной процедуре отбора респондентов, дифференциацией городов по функциональным признакам, а также построением сравнительной модели устойчивого развития средних городов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баннх, Буторина 2019 – Баннх Г.А., Буторина С.С. Использование возможностей территориального маркетинга в социальном развитии малых и средних городов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (61). С. 111–122. DOI: 10.26105/SSPU.2019.61.4.014
- Барбашова 2025 – Барбашова Н.В. Право человека на безопасную питьевую воду и санитарию: актуальность обеспечения в ДНР // Актуальные вопросы теории и практики правовой защиты субъективных прав, свобод и интересов: сб. тр. конф., 21 нояб. 2024. Донецк: ДГУЮ, 2025. С. 48–51.
- Данилов-Данильян, Розенталь 2026 – Данилов-Данильян В.И., Розенталь О.М. Методология достоверной оценки качества воды. VI. Экспертно-статистические методы оценки с учетом погрешности измерения и нормирования // Экология и промышленность России. 2026. № 30 (1). С. 34–40. DOI: <https://doi.org/10.18412/1816-0395-2026-1-34-40>
- Демидов 2024 – Демидов А.В. Проектные подходы к устойчивому развитию средних городов Центральной России // Захаров В.М., Серкина Я.И. (ред.). Экономико-управленческий конгресс: сб. ст. по итогам Междунар. комплекс. мероприятия НИУ «БелГУ», 5–8 нояб. 2024. Белгород: НИУ «БелГУ», 2024. С. 345–350.
- Демидов, Юдина 2025 – Демидов А.В., Юдина Т.Н. Социальные технологии как фактор устойчивого развития средних городов: управленческий потенциал и ограничения // Социально-гуманитарные технологии. 2025. № 3 (35). С. 42–52.
- Емельянович, Кулягина, Коложвари 2018 – Емельянович А.А., Кулягина Е.А., Коложвари Ю.Б. Методический подход к оценке развития малого и среднего бизнеса в малых городах России // Организация и нормирование труда: наука, образование, практика: сб. науч. тр. Белорус. нац. техн. ун-та и Науч.-исслед. ин-та труда М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь, 15–16 нояб. 2018. Минск: БНТУ, 2018. С. 85–91.
- Жоголева, Максимов 2024 – Жоголева А.В., Максимов В.А. Новая программа развития городов: цели устойчивого развития, городская мобильность и здоровый город // Innovative project. 2024. Т. 9, № 16. С. 57–65. DOI: 10.17673/IP.2024.9.16.4
- Иващенко, Мигранова 2016 – Иващенко Н.Н., Мигранова Л.А. Оплата труда в муниципальном образовании // Народонаселение. 2016. № 1 (71). С. 29–41.
- Ильиных 2018 – Ильиных С.А. Социальная активность и социальное благополучие как феномены социологии управления // Гуляев Г.Ю. (отв. ред.). Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. МЦНС «Наука и просвещение». В 2 ч. Ч. 1. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2018. С. 199–201.
- Кузнецова 2015 – Кузнецова А.И. Индустриализация инфраструктурной сферы городов России // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1, Экономика и управление. 2015. № 3 (14). С. 37–43.
- Летягина 2023 – Летягина Е.А. К вопросу об основных экологических проблемах городских агломераций // Перспективы развития науки: землеустройство, кадастр и охрана окружающей среды: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 28 февр. 2023. Красноярск: Краснояр. ГАУ, 2023. С. 113–116.
- Лучшева, Кашенкова 2018 – Лучшева В.В., Кашенкова О.В. Оценки качества жизни и уровня удовлетворенности жизнью // Управление экономическими системами. 2018. № 3 (109). С. 1–11.
- Майоров 2022 – Майоров В.И. Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» как инструмент противодействия преступности // Виктимология. 2022. Т. 9, № 4. С. 445–451. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19409
- Наше общее будущее... web – Наше общее будущее: докл. Междунар. комис. по окружающей среде и развитию (МКОСР) // <https://znanium.ru/catalog/document?id=423096>
- Положение... web – Положение об Общественной палате муниципального образования город Новороссийск // <https://admnvrsk.ru/gorozhanam/gorodskaya-sreda/obschestvennaya-palata/polozhenie-ob-obschestvennoy-palate-munitsipalnogo-obrazovaniya-gorod-novorossiysk/>
- Попкова, Канюков, Мигалов 2025 – Попкова А.А., Канюков М.В., Мигалов Е.А. Удовлетворенность населения в системе оценки деятельности органов местного самоуправления (на примере городов ЯНАО) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2025. Т. 18, № 2. С. 52–66. DOI: 10.31660/1993-1824-2025-2-52-66

- Попов 2020 – Попов М.Н. Специфика деятельности организаций дополнительного образования в условиях малого города // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 9 (48). С. 20–24.
- Порфирьев, Бобылев 2018 – Порфирьев Б.Н., Бобылев С.Н. Города и мегаполисы: проблема дефиниций и индикаторы устойчивого развития // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2. С. 14–23.
- Сахаров 2025 – Сахаров А.Г. Реализация ЦУР в России: вызовы и достижения // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. № 2 (20). С. 7–20. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-02-01
- Федеральный проект... web – Федеральный проект «Чистая вода» // <https://pdminstroy.ru/federalniy-proekt-chistaya-voda>
- Фонд «Общественное мнение»... web – Фонд «Общественное мнение». Как россияне относятся к своему здоровью и что делают для его поддержания? // <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/15054>
- Центры... web – Центры «Мой бизнес» // <https://мойбизнес.рф/about/#centers>
- Шишкин, Сафин 2020 – Шишкин С.И., Сафин Д.А. Место общественной палаты муниципального образования в различных моделях местного самоуправления // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4 (91). С. 33–40. DOI: 10.26516/2071-8136.2020.4.34
- Da Silva, Frasson, Ribeiro 2021 – Da Silva M.A., Frasson R.P.M., Ribeiro A.I. Sustainable Urban Development Indicators Applied to Medium-Sized City // Research, Society and Development. 2021. Vol. 10, № 17. DOI: 10.33448/rsd-v10i17.24333
- Hiremath et al. 2013 – Hiremath R.B., Balachandra P., Kumar B., Bansode S.S., Murali J. Indicator-Based Urban Sustainability – A Review // Energy for Sustainable Development. 2013. Vol. 17, iss. 6. P. 555–563. DOI: 10.1016/j.esd.2013.08.004
- Merino-Sau et al. 2020 – Merino-Sau A., Halla P., Superti V., Boesch A., Binder C.R. Indicators for Urban Sustainability: Key Lessons from a Systematic Analysis of 67 Measurement Initiatives // Ecological Indicators. 2020. Vol. 119, art. 10687. DOI: 10.1016/j.ecolind.2020.106879
- United Nations... web – United Nations. The 17 Goals // <https://sdgs.un.org/goals>
- Water... web – Water – United Nations // <https://www.un.org/ru/global-issues/water>

REFERENCES

- Bannykh G.A., Butorina S.S., 2019. The Use of Territorial Marketing Opportunities in the Social Development of Small and Medium-Sized Cities. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (61), pp. 111–122. DOI: 10.26105/SSPU.2019.61.4.014
- Barbashova N.V., 2025. Human Right to Safe Drinking Water and Sanitation: The Relevance of Security in the DPR. *Aktualnye voprosy teorii i praktiki pravovoy zashchity subyektivnykh prav, svobod i interesov: sb. tr. konf., 21 noyab. 2024*. Donetsk, DGUYu, pp. 48–51.
- Danilov-Danilyan V.I., Rosenthal O.M., 2026. Methodology for Reliable Assessment of Water Quality. 6. Expert-Statistical Assessment Methods Accounting for Measurement and Standardization Errors. *Ecology and Industry of Russia*, no. 30 (1), pp. 34–40. DOI: <https://doi.org/10.18412/1816-0395-2026-1-34-40>
- Demidov A.V., 2024. Design Approaches to the Sustainable Development of Medium-Sized Cities in Central Russia. Zakharov V.M., Serkina Y.I. (eds.). *Ekonomiko-upravlencheskiy kongress: sb. st. po itogam Mezhdunar. kompleks. meropriyatiya NIU «BelGU»*, 5–8 noyab. 2024. Belgorod, NIU «BelGU», pp. 345–350.
- Demidov A.V., Yudina T.N., 2025. Social Technologies as a Factor of Sustainable Development of Medium-Sized Cities: Managerial Potential and Limitations. *Sotsialno-gumanitarnye tekhnologii*, no. 3 (35), pp. 42–52.
- Emel'yanovich A.A., Kulyagina E.A., Kolozhvari Yu.B., 2018. A Methodological Approach to Assessing the Development of Small and Medium-Sized Businesses in Small Towns in Russia. *Organizatsiya i normirovanie truda: nauka, obrazovanie, praktika: sb. nauch. tr. Belarus. nats. tekhn. un-ta i Nauch.-issled. in-ta truda M-va truda i sots. zashchity Resp. Belarus, 15–16 noyab. 2018*. Minsk, BNTU, pp. 85–91.
- Zhogoleva A.V., Maksimov V.A., 2024. New Urban Development Program: Sustainable Development Goals, Urban Mobility and Healthy City. *Innovative project*, vol. 9, no. 16, pp. 57–65. DOI: 10.17673/IP.2024.9.16.4
- Ivashinenko N.N., Migranova L.A., 2016. Remuneration of Labour in a Municipal Formation. *Narodonaselenie*, no. 1 (71), pp. 29–41.

- Ilinykh S.A., 2018. Social Activity and Social Well-Being as Phenomena of Management Sociology. Gulyaev G.Yu. (ed.). *Sovremennye nauchnye issledovaniya: aktualnye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sb. st. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. MTsNS «Nauka i prosveshchenie». V 2 ch. Ch. 1.* Penza, MTsNS «Nauka i prosveshchenie», pp. 199-201.
- Kuznetsova A.I., 2015. Industrialization of the Infrastructural Sphere of Russian Cities. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte*, no. 3 (14), pp. 37-43.
- Letyagina E.A., 2023. On the Issue of the Main Ecological Problems of Urban Agglomerations. *Perspektivy razvitiya nauki: zemleustroystvo, kadastr i okhrana okruzhayushchey sredy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. FGBOU VO «Krasnoyarskiy GAU», 28 fevr. 2023.* Krasnoyarsk, Krasnoyar. GAU, pp. 113-116.
- Luchsheva V.V., Kashenkova O.V., 2018. Assessment of the Quality of Life and the Level of Life Satisfaction. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, no. 3 (109), pp. 1-11.
- Mayorov V.I., 2022. Hardware and Software Complex “Safe City” as a Crime Prevention Tool. *Viktimologiya*, vol. 9, no. 4, pp. 445-451. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19409
- Our Common Future. Report of the World Commission on Environment and Development.* URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=423096>
- Regulations on the Public Chamber of the Novorossiysk Municipality.* URL: <https://admnvrsk.ru/gorozhanam/gorodskaya-sreda/obschestvennaya-palata/polozhenie-ob-obschestvennoy-palate-munitsipalnogo-obrazovaniya-gorod-novorossiysk/>
- Popkova A.A., Kanyukov M.V., Migalov E.A., 2025. Satisfaction of the Population in the System of Assessing the Activities of Local Governments (On the Example of the Cities of the Yamalo-Nenets Autonomous District). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, vol. 18, no. 2, pp. 52-66. DOI: 10.31660/1993-1824-2025-2-52-66
- Popov M.N., 2020. The Specifics of the Activities of Additional Education Organizations in a Small Town. *Ustoychivoe razvitie nauki i obrazovaniya*, no. 9 (48), pp. 20-24.
- Porfiryev B.N., Bobylev S.N., 2018. Cities and Megacities: The Problem of Definitions and Indicators of Sustainable Development. *Problemy prognozirovaniya*, no. 2, pp. 14-23.
- Sakharov A.G., 2025. Implementation of the SDGs in Russia: Challenges and Achievements. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, no. 2 (20), pp. 7-20. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-02-01
- Federal Project “Clean Water”.* URL: <https://pdminstroy.ru/federalniy-proekt-chistaya-voda>
- Public Opinion Foundation. How Do Russians Feel About Their Health and What Are They Doing to Maintain It?* URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/15054>
- “My Business” Centers.* URL: <https://мойбизнес.пф/about/#centers>
- Shishkin S.I., Safin D.A., 2020. The Place of the Public Chamber of Municipality in Various Models of Local Self-Government. *Sibirsky yuridichesky vestnik*, no. 4 (91), pp. 33-40. DOI: 10.26516/2071-8136.2020.4.34
- Da Silva M.A., Frasson R.P.M., Ribeiro A.I., 2021. Sustainable Urban Development Indicators Applied to Medium-Sized City. *Research, Society and Development*, vol. 10, no. 17. DOI: 10.33448/rsd-v10i17.24333
- Hiremath R.B., Balachandra P., Kumar B., Bansode S.S., Murali J., 2013. Indicator-Based Urban Sustainability – A Review. *Energy for Sustainable Development*, vol. 17, iss. 6, pp. 555-563. DOI: 10.1016/j.esd.2013.08.004
- Merino-Sau A., Halla P., Superti V., Boesch A., Binder C.R., 2020. Indicators for Urban Sustainability: Key Lessons from a Systematic Analysis of 67 Measurement Initiatives. *Ecological Indicators*, vol. 119, art. 10687. DOI: 10.1016/j.ecolind.2020.106879
- United Nations. The 17 Goals.* URL: <https://sdgs.un.org/goals>
- Water – United Nations.* URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/water>

Information About the Authors

Tatiana N. Yudina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Krzhizhanovskogo St, 24/35, Bld. 5, 117218 Moscow, Russian Federation; Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Russian Biotechnological University, Volokolamskoe Shosse, 11, 125080 Moscow, Russian Federation, ioudinatn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>

Arkadiy V. Demidov, Postgraduate Student, Department of Social Sciences and Humanities, Russian Biotechnological University, Volokolamskoe Shosse, 11, 125080 Moscow, Russian Federation, ark29250@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4788-7694>

Информация об авторах

Татьяна Николаевна Юдина, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, ул. Кржижановского, 24/35, корпус 5, 117218 г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Российский биотехнологический университет, Волоколамское шоссе, 11, 125080 г. Москва, Российская Федерация, ioudinatn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>

Аркадий Владимирович Демидов, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Российский биотехнологический университет, Волоколамское шоссе, 11, 125080 г. Москва, Российская Федерация, ark29250@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4788-7694>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.14>

UDC 001.89

LBC 86.2

Submitted: 14.05.2026

Accepted: 29.05.2026

ABOUT THE METHODOLOGY ON RELIGIOUS STUDIES

Elena M. Miroshnikova

Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation

Olga I. Sgibneva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The authors address the challenges facing contemporary religious studies amid the changing role and status of religion in society and examine how these challenges were approached in the academic works of Doctor of Sciences (Sociology) Professor M.Yu. Smirnov (1955–2025). This prominent scholar engaged with questions of the integrity of scientific knowledge about religion, the necessity of accounting for social and historical context, and the transformations unfolding in the religious landscape of the contemporary world. As an advocate for the unity of theoretical and empirical methods in studying modern religious processes, M.Yu. Smirnov consistently tracked shifts in the format of religion's presence in both public and private space, cautioning researchers against one-sided assessments of complex dynamics in the religious sphere. This applies to the problems of secularization/desecularization, differentiation and pluralization of the religious field, clericalization of society and the politicization of religion, and the role of technological development and digitalization. In this context, the study of religion – with its capacity for deep and multifaceted engagement with its subject – acquires particular significance for understanding the contemporary world and for shaping state policy on interaction with religious associations, given the dynamics of religions and the evolving character of their influence on individuals and society. The methodological approaches to the study of contemporary religious processes developed by M.Yu. Smirnov and set out in his academic works of religion serve as a foundation for the advancement of sociological knowledge, within which he assigned a central place to the sociology of religion. The prospects of religious studies are determined above all by the discipline's capacity for communicative practice and for grasping the full scope of religious life as a defining feature of contemporary society.

Key words: religion, religious studies, transformation of religion, religious institutions, georeligion, desecularization, secularization, culturalization of religion.

Citation. Miroshnikova E.M., Sgibneva O.I. About the Methodology on Religious Studies. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 140-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.14>

УДК 001.89

ББК 86.2

Дата поступления статьи: 14.05.2026

Дата принятия статьи: 29.05.2026

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЛИГИИ

Елена Михайловна Мирошникова

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ольга Ивановна Сгибнева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Авторы обращаются к проблемам современных религиоведческих исследований в условиях изменения роли и статуса религии в обществе и к опыту решения указанных проблем в научных трудах доктора социологических наук, профессора М.Ю. Смирнова (1955–2025). В своих теоретических и практических исследованиях известный ученый-религиовед обращался к вопросам целостности научных знаний о религии, необходимости учитывать социальный и исторический контекст, те трансформации, которые происходят в религиозной картине современного мира. Выступая сторонником единства теоретических и эмпирических методов исследования современных религиозных процессов, М.Ю. Смирнов последовательно отслеживал изменения формата присутствия религий в публичном и индивидуальном пространстве, предостерегая исследователей от опасности односторонних оценок сложных процессов в религиозной сфере. Это касается проблем секуляризации / десекуляризации, дифференциации и плюрализации религиозного пространства, клерикализации общества и политизации религии, роли технологизации и цифровизации. В этой ситуации науки о религии с их возможностями глубокого и разностороннего осмысления предмета приобретают особую значимость в познании современного мира, становлении государственной политики в области взаимодействия с религиозными объединениями с учетом динамики религий, изменений их статуса и форм воздействия на человека и общество. Разработанные М.Ю. Смирновым методологические подходы к исследованию современных религиозных процессов и изложенные в его научных трудах служат основой социологии религии. В статье особое внимание обращается на перспективы науки о религии. По мнению М.Ю. Смирнова, они определяются прежде всего способностью религиоведения к коммуникативным практикам, к осмыслению всей полноты религиозной жизни как важной характеристики современного общества.

Ключевые слова: религия, религиоведение, трансформация религии, религиозные институты, георелигия, десекуляризация, секуляризация, культурализация религии.

Цитирование. Мирошникова Е. М., Сгибнева О. И. К вопросу о методологии исследований религии // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 140–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.14>

*Памяти доктора социологических наук,
профессора Михаила Юрьевича Смирнова*

Актуальность

В современных условиях трансформации религии меняются научные оценки влияния религии на человека и общество. Рассматривая стратегическую роль религии в проекте миростроительства человека, исследователи видят в религии смелую попытку «осмыслить вселенную как место значимое для человека» [Бергер 2019, 41]. И это свойство разгадывается учеными на протяжении многих веков...

Трансформируется современный мир, меняется роль религии – и в последние годы активизируются исследования религиозного фактора в политике, геополитическом пространстве, международных отношениях, влияние религии на конфликтогенные ситуации. Но чаще всего вектор исследований направлен на осмысление религии как социокультурного явления, на специфику ее воздействия на человека и общество, самосохранение культуры, национальную и государственную идентичность.

В связи с этим возрастает значение методологии религиоведческих исследований – все больше внимания уделяется проблемам изучения религии, религиозных институтов в системе образования. Особое значение в этой сфере принадлежит научным трудам Михаила Юрьевича Смирнова (1955–2025 гг.), вся научная биография которого связана с изучением религии, преподаванием религиоведческих дисциплин. Окончив философский факультет Ленинградского государственного университета (1979 г.), М.Ю. Смирнов долгие годы работал там на философском факультете, защитив кандидатскую диссертацию по философским наукам (1986 г.). В дальнейших научных исследованиях все заметнее становится социологический вектор; в 2006 г. М.Ю. Смирнов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук на тему «Религиозно-мифологический комплекс в российском общественном сознании: историко-социологическое исследование». С 2014 г. М.Ю. Смирнов – заведующий кафедрой философии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, где он создал научно-исследовательский центр

культурологических и религиоведческих исследований. Университетской традицией стало ежегодное проведение научных чтений «Религиоведение в Царском Селе», на которые съезжались специалисты из разных городов России и зарубежные коллеги, велись интересные и глубокие дискуссии, обсуждались новые направления исследований. Перу М.Ю. Смирнова принадлежит более 300 работ по философии и социологии религии, методологии религиоведческих исследований – то наследие, которое профессор Смирнов оставил своим ученикам и единомышленникам, уверенный в том, что религиоведение в России будет плодотворно развиваться. В этом наследии – интереснейшие идеи, которые еще предстоит осмыслить и актуализировать.

Религиоведение как судьба

Коллеги называли Михаила Юрьевича Смирнова настоящим рыцарем религиоведения, он смело и уверенно отстаивал позиции этой науки, всемерно способствовал ее развитию. Его «многолетнее и деятельностное пребывание в профессиональной среде, занятой научным изучением религии, накопленные знания и опыт» позволили сделать немало полезных выводов и размышлений для тех, кто «идет по ухабистой стезе российского религиоведения» [Смирнов 2013, 3]. Самым главным для исследователя он считал не только поиск и обобщение эмпирического материала о религиозной жизни общества, но и на этой основе выявление закономерностей развития религиозных процессов, их проявления в разных сферах [Смирнов 2025]. Теоретическое и эмпирическое осмысление религии, религиозной ситуации в России определило социологический вектор его исследований; ученого интересовала динамика изучаемых явлений, что позволяло прогнозировать развитие религиозных процессов; он хорошо осознавал исследовательский потенциал социологии в религиозной сфере. Социологию религии М.Ю. Смирнов рассматривал не просто как структурную часть религиоведения, а как комплексную научную отрасль, прошедшую сложный путь развития и в мире, и в России, включающую теоретическую и эмпирическую составляющие, позволяющие не только выявить пред-

метную область исследования, ее содержание и динамику, но и проследить, как изменяются религия и ее институты в разных социальных и исторических условиях, что определяет их универсальность, в чем состоит объективность возникновения новых религиозных образований, в чем смысл прикладной социологии религии.

Изучение процесса становления социологии религии в России и других странах убедило его в необходимости обобщения достигнутого в этой области, что могло бы стать важным этапом в подготовке специалистов по исследованию религии нового поколения. Так возникла идея по созданию первого в России «Энциклопедического словаря по социологии религии». М.Ю. Смирнову удалось собрать большой творческий коллектив, объединенный общей идеей коллективного труда, в котором представлена обобщающая картина социологии религии. В этой творческой и многогранной работе участвовали исследователи религии из России, Армении, Белоруссии, Германии, Грузии, Испании, Италии и других стран [Смирнов (ред.) 2017].

Осмысление проблемы взаимодействия религии и общества приводит к пониманию «отставания используемых теорий и методологий от растущего многообразия религиозных процессов и явлений... о формировании новой парадигмы социологического исследования религии» [Смирнов (ред.) 2017, 8]. Это связано как с внешними, так и внутренними условиями функционирования наук о религии в современном мире.

Религиозная картина современного мира

Исследуя внешние условия, определяющие современную религиозную картину мира, М.Ю. Смирнов отмечал, что в современном обществе «меняется формат присутствия религий в публичном и индивидуальном пространстве. Возникла множественность мировоззренческих явлений, которые инерционно идентифицируются как религиозные (или религиоподобные), но уже с трудом или принудительно поддаются описанию с помощью стереотипизированных клише сложившегося научного аппарата» [Смирнов 2024, 60]. Дифференциация в ре-

лигиозной среде требует гибких методологий, учета всех нюансов современного функционирования религий, осмысления религии как исторической и национальной традиции, с одной стороны, и как фактора свободного выбора на основе принципа свободы совести и свободы вероисповеданий – с другой.

Соответственно, для понимания сущности и роли религиозного многообразия важно рассматривать религиозную картину мира как неотъемлемую часть его геополитической картины. Авторы предлагают именовать эту часть георелигией и определить ее как совокупность количественных и качественных показателей религиозной картины мира в разных частях нашей планеты.

С методологической точки зрения религиоведение раскрывает, «как религия себя являет в социокультурной реальности» [Смирнов 2024]. Современные социологические исследования показывают порой неожиданные явления: например, что при повышении роли религиозных организаций в современном обществе религиозная идентичность во многих странах мира ослабевает. В частности, об этом свидетельствуют результаты оценки религиозной ситуации в мире известным международным исследовательским центром Pew Research Center (PRC), специализирующимся на изучении общественного мнения, социальных процессов, демографических тенденций в современном мире, образовательной, культурной и религиозной среды [Hackett et al. web].

Исследование, проведенное этим социологическим институтом в 111 странах и территориях за 2010–2020 гг., показывает, что процесс ослабления религиозной идентичности затрагивает страны всех континентов, включая территории, где христианство, ислам, буддизм, индуизм являются доминирующими религиями. Оно также выявило следующие тенденции:

1. Христиане составляют крупнейшую религиозную группу мира, объединяющую 2,3 млрд чел.
2. Мусульмане показали себя как самое быстрорастущее религиозное сообщество, насчитывающее в настоящее время 2,0 млрд чел.
3. Индуизм объединяет 1,2 млрд чел.
4. Последователи буддизма – 0,3 млрд чел. (сокращение на 18 млн чел. по сравнению с 2010 г.).

5. Иудаизм объединяет 0,01 млрд чел. (увеличение на 0,9 млн за тот же период).

6. Другие религии, в том числе новые религиозные движения (НРД), объединяют 0,2 млрд чел. (увеличение на 18,1 млн чел.).

Одним из наиболее важных аспектов георелигии является очевидная тенденция к увеличению числа тех, кто за указанный период не связывает себя с какой-либо религиозной традицией (то есть идентифицирующих себя как атеистов, агностиков или индифферентных); их количество резко возросло за последнее время в Северной Америке, Европе, некоторых частях Латинской Америки и ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего в Австралии и Южной Корее [Hackett et al. web]. Но выявлено и исключение из наметившейся тенденции в отношении бывших республик СССР: России, Молдовы, Азербайджана, Грузии. В этих странах, напротив, отмечается усиление роли религий и их организаций в социально-политическом и культурном пространствах.

Заслуживающим внимательного прочтения и осмысления указанного исследования является выделение трех основных этапов снижения роли религии в последующих поколениях: ранний этап (люди реже посещают богослужения), средний этап (снижается значимость религии в их личной жизни), поздний этап (принадлежность к конкретному вероисповеданию становится все менее распространенной). В исследовании отмечается, что в странах, находящихся на среднем или позднем этапе, наиболее распространены христианство или буддизм. Страны с мусульманским большинством и Индия с индуистским большинством находятся на начальном этапе. Подробный анализ неожиданного упадка религиозности в развитых странах представил в своей книге, написанной в 2020 г. по данным Всемирного обзора ценностей (1981–2020), американский социолог Р. Инглхарт [Инглхарт 2022]. По его мнению, выживание и безопасность представляют собой две главные причины наметившейся тенденции: «Жизнь в обществе, для которого характерна экономическая безопасность и в котором присутствует система социального обеспечения, гарантирующая людям поддержку в случае бедности или болезни, способствует уменьшению по-

требности в абсолютных правилах и, как следствие, закату традиционных религиозных институтов» [Инглхарт 2022, 36].

В XXI в. активно развиваются процессы культурализации религии, связанные с тем, что религиозные символы и идеи постепенно теряют свой сакральный смысл, воспринимаются как атрибут национальной культуры, элемент культуры повседневности. Этот процесс дополняется ростом внеконфессиональной религиозности: религиозная идентификация теряет связь с религиозной общиной, приходской деятельностью; люди, считая себя верующими, не видят необходимости участия в коллективных богослужениях, в общении со священнослужителями, соблюдении конфессиональных канонов и ограничений. Но они признают Священное Писание, много читают религиозной литературы. Вера для них – область самостоятельных поисков жизненных смыслов. По мнению Дж. Александра, именно культура, которую известный социолог рассматривает как пространство смыслов, становится полем жизненных исканий, способствует выявлению «моральных структур и тонких эмоциональных связей, посредством которых отдельные лица и группы испытывают воздействие смыслов» [Александр 2013]. Культура пронизывает все сферы общества, становится ее невидимым каркасом и опорой, определяет уровень технологизации, влияет на взаимоотношения между людьми. Современная религиозность успешно интегрируется в культурные ориентиры и мировоззренческие установки вне зависимости от связи с конфессиями.

Ситуация в религиозной сфере современного мира, усложненной острыми военными конфликтами, характеризуется качественным снижением уровня безопасности и непосредственного выживания людей, под сомнение ставится вывод о неизбежности секуляризации. Но это явление гораздо более сложное, чем структурный процесс освобождения общества от влияния религии, она имеет и субъективную сторону – «секуляризацию сознания... когда индивиды смотрят на жизнь и собственный мир, не обращаясь к выгодам религиозных интерпретаций» [Бергер 2019, 126]. Сегодня в ряде стран все заметнее тенденции к усилению воздействия религиозных фак-

торов на общественную жизнь. В этой связи разворачиваются научные дискуссии вокруг проблем «секуляризация / десекуляризация / постсекулярность», высказываются самые разные точки зрения на эти явления, трактовку понятий. М.Ю. Смирнов стал одним из инициаторов соответствующей дискуссии в статье «Перманентная секуляризация или постсекулярное общество» [Смирнов 2023] и участником вызвавшего большой резонанс круглого стола в Свято-Тихоновском православном институте (2023 г.) в рамках ежегодной конференции «Исследования религии: прошлое, настоящее, будущее». На этой академической площадке рассматривались вопросы современного понимания границ и условий применения термина «постсекулярное», соотношение теорий секуляризации и концепций постсекулярного. Дискуссия получила свое продолжение на страницах журнала «Философия религии: аналитические исследования» [Философия религии... 2024]. Не соглашаясь со сторонниками идеи о прекращении процесса секуляризации в современную эпоху, М.Ю. Смирнов справедливо задается вопросом: «Если общество стало постсекулярным, то как быть со зримым присутствием секулярности?» [Смирнов 2024, 144]. Более того, стимулами к распространению секуляризации как объективного процесса оказываются, по его мнению, «развитие рациональных способов объяснения мира, снижение прежних возможностей и авторитета исторически наиболее распространенных религий, потребность в новых механизмах адаптации человека к нарастающим сложностям современной жизни... Секуляризация не упраздняет религиозные потребности, а переводит их на новые пути реализации, более подходящие жизненной повседневности, мировоззренческим и нравственным исканиям верующих в постиндустриальном социуме» [Смирнов 2025, 189].

Тот факт, что данная тема является одной из центральных в религиозоведческих исследованиях и потому так важно методологически верно к ней подходить, еще раз был подчеркнут в отклике профессора МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Апполонова. Он, в частности, отметил весьма существенное обстоятельство, про которое в пылу дискуссии забыли участники круглого стола, сконцентрировав-

шись – и вполне справедливо – на теоретической стороне проблемы: «Участники дискуссии даже вскользь не касаются таких социальных феноменов, как рационализация, технологизация, дифференциация, плюрализация, гендерное равенство, экзистенциальная защищенность и т. д. – феноменов, которые принято считать... действующими силами модернизации и, соответственно, секуляризации» [Апполонов 2025, 309].

Мы считаем верным в таком случае называть эти феномены причинами пострелигиозности, хотя почему-то говорят о постсекулярности, но если в мире наблюдается тенденция к увеличению числа не аффилированных ни с какой религиозной традицией конфессиональных организаций, в социальном контексте все ярче проявляется амбивалентная роль религии, ее не только интегрирующая, но и дезинтегрирующая функция, авторы считают возможным применить термин «пострелигиозность». Такая постановка проблемы обусловлена не только внешними обстоятельствами, но и внутренними.

Религия и религиоведение: дискуссии в научном сообществе

Рассматривая внутренние условия развития наук о религии, М.Ю. Смирнов выделял прежде всего отсутствие в научной среде «единства подходов к “ускользающему” объекту (религии), несогласованность языка научного описания новаций в сфере религиозной жизни общества» [Смирнов 2013, 207–208].

С секулярной точки зрения в социальных науках рассматривают религию исключительно как частный, не публичный феномен. Для этого есть основания, тем не менее недооценивать роль религии в современном обществе было бы большой ошибкой. Вряд ли продуктивно надеяться только на конфессиональный анализ религиозных аспектов современного общества – он так или иначе будет конфессионально ориентированным. Религии внесли и продолжают вносить немалый вклад в становление системы ценностей России, ее культурно-исторического наследия, формирование национального самосознания ее народов – и это наглядно показывают современные религиоведческие исследования.

В Указе Президента России от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Указ Президента России... web] приведен их перечень: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. М.Ю. Смирнов справедливо подчеркивает, что «терминологический разброс в их обозначении и неопределенность употребления существенно снижают обязывающий статус ценностных ориентиров государственной политики. Единственно внятным и постоянным является мотив традиционности ценностей, то есть обращенность к отечественному историческому опыту, однако в каком объеме этот опыт реально необходим и возможен к применению – это остается за пределами официальных формулировок, что приводит лишь к декларативному их звучанию и соответствующему сниженному восприятию» [Смирнов 2024, 165].

Нетрудно заметить, что ценности, именуемые духовными, ориентируют на цели вполне мирского, светского характера. М.Ю. Смирнов делает, на наш взгляд, очень глубокий и важный не только концептуальный, но и методологический вывод о том, что «мировоззрение формируется не системой идеологических установок... Оно вырабатывается у индивида лично, как сплав социальных, ментальных и нравственных интенций восприятия мира, которые возникают в жизненных ситуациях на протяжении всего бытия конкретного человека. И ценности из декларируемых становятся реальными, когда они осознаются как необходимые для существенных жизненных потребностей людей» [Смирнов 2024, 166]. Осмысление истории родной страны, ее культуры и религии становится важным ориентиром на этом пути.

В 2008 г. в издательстве Санкт-Петербургского университета вышла книга М.Ю. Смир-

нова «Очерк истории российской социологии религии», в которой автор рассматривает основные периоды в развитии социологии религии в России, проблематику российских исследований в религиозной сфере, особое внимание уделив сложному периоду конца XX – начала XXI века. С одной стороны, это важный период изменения отношения к религии государства и общества, формирования конституционно-правовой базы деятельности религиозных объединений в стране. С другой стороны, это время новых явлений в религиозной сфере, связанных со снятием необоснованных запретов и ограничений по отношению к религии и религиозным организациям. Одно из следствий этого процесса – возникновение в России новых религиозных движений, впервые проявивших себя в мировом пространстве еще в середине XX века. Отечественное религиоведение только начало накапливать опыт изучения НРД, типологизировать эти новые для нашей страны явления, выявлять их социальные, экономические, культурные истоки. Точки зрения исследователей по многим позициям не совпадали, и М.Ю. Смирнов счел нужным посвятить НРД отдельную главу в своей книге. Сюда вошли материалы авторских социологических исследований, результаты полуформализованных интервью с представителями российских НРД, анализ включенных наблюдений [Смирнов 2008, 81–94]. Впоследствии Смирнов подчеркивал, что в работе социолога, изучающего НРД, должно быть «сочетание теоретизирования с регулярными полевыми исследованиями... поскольку ситуация во многих НРД характеризуется текучестью и изменчивостью» [Смирнов 2013, 16]. И сам показывал в этом пример.

Важным вкладом в развитие социологии религии стали словарно-энциклопедические издания, подготовленные под руководством М.Ю. Смирнова [Смирнов 2011; Смирнов (ред.) 2017]. Указанный энциклопедический словарь включает не только описание научных теорий и базовых понятий социологии религии, но и представляет широкий диапазон дискуссий, полемических трактовок различных вопросов социологии религии. Выработка «общего лексикона» – это не только амортизатор сталкивающихся научных субъективностей, но и своего рода система опознания «свой / чужой»

для религиоведения, а иногда и фильтр от чего-то, рядящегося под религиоведение» [Смирнов 2024, 28], – считал ученый.

Многолетний опыт научной и преподавательской деятельности отражен в подготовленных профессором Смирновым учебных и методических пособиях по религиоведческим дисциплинам для студентов вузов. Его очень беспокоило качество вузовских учебников, по его мнению, в университетах не должно быть учебников, которые «не обучают, а лишь информируют» [Смирнов 2024, 22], возможности получения информации у современных студентов много. Поверхностный подход к учебнику очень огорчал его, ведь значение учебника, учебного пособия для методологии религиоведческого исследования, для глубокого познания предмета трудно переоценить, вот почему профессор Смирнов стремился к тому, чтобы они включали не только теоретические положения, но и эмпирический материал, собранный и проанализированный в ходе полевых исследований, давали бы теоретическую и методологическую базу для разработки новых программ социологического исследования современных процессов в религиозной сфере. В 2025 г. он стал инициатором и вдохновителем разработки учебного пособия «Религии в современной России», предназначенного для обеспечения дисциплины «История религий России» в вузах, программ дополнительной профессиональной подготовки учителей по предметным областям «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России» [Пронина (ред.) 2026].

Религиоведческое образование: проблемы и перспективы

М.Ю. Смирнов много внимания уделял содержанию религиоведческого образования в высшей школе, профессиональной подготовке религиоведов. В его научных и методических трудах многие суждения представлены в дискуссионной манере, которую он предпочитал использовать и в выступлениях на научных конференциях и симпозиумах. Прежде всего это касается проблемы «отсутствия фиксированного статуса социологии религии среди других направлений социогуманитарно-

го знания» [Смирнов 2013, 12]. И еще один не менее важный вопрос, к которому он обращался не раз: роль теологии как научной дисциплины, демаркация границ религиоведения и теологии. Он считал, что Государственный образовательный стандарт по теологии представляет ее как светскую науку, что совершенно не соответствует смыслу и задачам теологии, и высказывал опасения насчет возможной перспективы вытеснения религиоведения из системы образования и замены его теологией. Мы бы назвали этот имеющий место процесс конфессиональным искривлением религиоведческого пространства. М.Ю. Смирнов подчеркивал, что «объективно возникающие мировоззренческие трения дополняются субъективно мотивированными действиями: 1) активным внедрением конфессиональной составляющей в светское образование, с тенденцией вымывания из него научных знаний о религии; 2) пренебрежением к религиоведению со стороны институтов управления, делающих ставку на форсированную реанимацию религиозного фактора» [Смирнов 2025, 36]. В результате возникает опасность маргинализации российского религиоведения.

Как признанный специалист в области методологии религиоведческих исследований, М.Ю. Смирнов всегда пристальное внимание уделял подбору научной литературы в процессе преподавания. В этом отношении особую ценность представляет его монография «Динамика религии в современном мире: опыт религиоведческой рефлексии», которую выпустили коллеги из Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского уже как посмертное издание [Смирнов 2025]. В данной книге библиографический раздел можно смело считать путеводителем в области религиоведческих исследований. Сюда входят указания на индивидуальные и коллективные монографии, статьи и сборники научных трудов и материалов конференций, антологии и хрестоматии, энциклопедические словарно-справочные и информационно-аналитические издания, учебники, учебные пособия, курсы лекций. Такой свод – большая ценность для религиоведов, особенно для молодых исследователей.

Но стоит отметить, что М.Ю. Смирнова очень тревожила излишняя «плюралистичность» позиций ряда российских исследова-

телей религии. Свою точку зрения он выразил в работе «Своевременное религиоведение» [Смирнов 2024]. По его мнению, неустойчивая позиция исследователей, их осторожная оглядка на действия власти в системе взаимоотношений с религиозными объединениями сжимают поле религиоведческих исследований, не дают возможности представить обществу объективную картину религиозной ситуации в России. Эта книга – приглашение к дискуссии, профессиональному обсуждению состояния наук о религии, поиску путей преодоления «тематической зависимости» от государственно-конфессиональных отношений. Его беспокоили тенденции политизации религии, определенные признаки клерикализации общественных отношений, инфильтрации религиозных институтов в культуру и образование, об этом он открыто писал в своих научных трудах.

М.Ю. Смирнов был приверженцем профессиональной консолидации исследователей религии, объединения усилий в деле развития наук о религии. Профессиональное сообщество религиоведов складывается постепенно, это нелегкий процесс, ведь религиоведение – молодая наука в России. Важную роль играют пока немногочисленные религиоведческие журналы: «Религиоведение», «Религиоведческие исследования», «Государство, религия, церковь в России и за рубежом». Создаются рубрики в других периодических изданиях, публикуются материалы религиоведческих конференций, симпозиумов, конгрессов; важную роль играют научно-издательские проекты, объединяющие широкий круг специалистов: словарь «Религии народов современной России» (1999), «Религиоведение: Энциклопедический словарь» (2006), «Энциклопедия религий» (2008), «Религия в современном обществе» (1992–2005) и др. Расширяются возможности научных коммуникаций религиоведов в сетевом пространстве, в общероссийских научных объединениях (Российское философское общество, Российское культурологическое общество, Российское общество социологов) [Смирнов 2013, 184]. Важно, чтобы эти процессы развивались поступательно – на благо отечественной науки.

Для профессора Смирнова чрезвычайно важны были перспективы наук о религии в России. Сильной стороной религиоведения он

считал способность к коммуникативным практикам взаимопонимания с различными конфессиональными и светскими субъектами. В этом отношении особое значение имеет развитие межконфессиональных отношений и диалог государства с религиозными организациями, что важно в условиях религиозного многообразия для социального единства государства и общества. Базой этих процессов является конституционный принцип свободы совести и свободы вероисповеданий, который лежит в основе отношений государства и религиозных организаций в современной России. Этот принцип подразумевает «право каждого гражданина исповедовать... любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [Конституция РФ... web].

Исторически сложившееся религиозное многообразие определяет сложность конфессионального и социокультурного пространства России. Религиоведческие исследования

дают возможности комплексного и глубокого познания этого сложного мира, выявить динамику современных религиозных процессов, их влияние на жизнь общества. Потенциал религиоведения чрезвычайно велик: науки о религии включены в комплекс научного познания мира; без религиоведческих знаний (история религии, философия религии, социология религии, антропология религии и др.) невозможна профессиональная подготовка по гуманитарным и общественным наукам в системе высшего образования, понимание истории и культуры Отечества, осмысление традиционных российских ценностей.

Понимая без иллюзий, что «в обозримой перспективе религиоведение в России не станет чем-то востребованным и заметным», М.Ю. Смирнов считал, что это вовсе не повод для уныния, и выражал уверенность в том, что «трезвая оценка ситуации позволит российским религиоведам найти и удержать свое достойное место в беспокойном пространстве Отечества» [Смирнов 2013, 190].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр 2013 – *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
- Апполонов 2025 – *Апполонов А.В.* Замечания к дискуссии о «постсекулярном» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2025. № 1. С. 295–311.
- Бергер 2019 – *Бергер П.* Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М.: Новое лит. обозрение, 2019.
- Инглхарт 2022 – *Инглхарт Р.* Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2022.
- Конституция РФ... web – Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399
- Пронина (ред.) 2026 – *Пронина Т.С. (ред.)*. Религии в современной России. М.: ИНФРА-М, 2026.
- Смирнов 2008 – *Смирнов М.Ю.* Очерк истории российской социологии религии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Смирнов 2011 – *Смирнов М.Ю.* Социология религии. Словарь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
- Смирнов 2013 – *Смирнов М.Ю.* Религия и религиоведение в России. СПб.: Изд-во РХГА, 2013.
- Смирнов (ред.) 2017 – *Смирнов М.Ю. (ред.)*. Энциклопедический словарь социологии религии. СПб.: Платон. филос. о-во, 2017.
- Смирнов 2023 – *Смирнов М.Ю.* Перманентная секуляризация или постсекулярное общество? Современные трансформации религии в ракурсе исследовательской рефлексии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 134–152.
- Смирнов 2024 – *Смирнов М.Ю.* Своевременное религиоведение. Вопросы теории и методологии российских исследований религии. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2024.
- Смирнов 2025 – *Смирнов М.Ю.* Динамика религии в современном мире: опыт религиоведческой рефлексии. СПб.: Изд-во РХГА, 2025.

Указ Президента России... web – Указ Президента России от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // <https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

Философия религии... 2024 – Философия религии: аналитические исследования. 2024. Т. 8, № 1.

Hackett et al. web 2025 – Hackett C., Stonawski M., Tong Y., Kramer S., Shi A., Fahmy D. How the Global Religious Landscape Changed from 2010 to 2020 // https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/20/2025/06/PR_2025.06.09_global-religious-change_report.pdf

REFERENCES

Alexander J., 2013. *Meanings of Social Life: Cultural Sociology*. Moscow, Praxis Publ.

Appolonov A.V., 2025. Comments on the Discussion on the “Postsecular”. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 1, pp. 295-311.

Berger P., 2019. *The Sacred Veil. Elements of a Sociological Theory of Religion*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Inglehart R., 2022. *The Unexpected Decline of Religiousness in Developed Countries*. Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta.

The Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on December 12, 1993, with Amendments Approved During the National Vote on July 1, 2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399

Pronina T.S. (ed.), 2026. *Religions in Modern Russia: Textbook*. Moscow, INFRA-M.

Smirnov M. Yu., 2008. *An Essay on the History of Russian Sociology of Religion*. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU.

Smirnov M. Yu., 2011. *Sociology of Religion. Dictionary*. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU.

Smirnov M. Yu., 2013. *Religion and Religious Studies in Russia*. Saint Petersburg, Izd-vo RKhGA.

Smirnov M. Yu. (ed.), 2017. *Encyclopedic Dictionary of Sociology of Religion*. Saint Petersburg, Platon. philos. ob-o.

Smirnov M. Yu., 2023. Permanent Secularization or Post-Secular Society? Modern Transformations of Religion from the Perspective of Research Reflection. *Bulleten LGU im. A.S. Pushkina*, no. 3, pp. 134-152.

Smirnov M. Yu., 2024. *Contemporary Religious Studies. Issues of Theory and Methodology of Russian Religious Studies*. Saint Petersburg, LGU im. A.S. Pushkina.

Smirnov M. Yu., 2025. *Dynamics of Religion in the Modern World: Experience of Religious Studies Reflection*. Saint Petersburg, Izd-vo RKhGA.

Decree of the President of Russia Dated 09.11.2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values”. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

Philosophy of Religion: Analytical Studies, 2024, vol. 8, no. 1.

Hackett C., Stonawski M., Tong Y., Kramer S., Shi A., Fahmy D., 2025. *How the Global Religious Landscape Changed from 2010 to 2020*. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2025/06/09/religiously-unaffiliated-population-change/#where-did-the-unaffiliated-share-of-the-population-change-the-most>

Information About the Authors

Elena M. Miroshnikova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Chief Researcher, Research Center of Cultural and Religious Studies, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Peterburgskoe Shosse, 10, 196605 Saint Petersburg, Russian Federation, miroshnikovaem@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3612-3016>

Olga I. Sgibneva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Russian Statehood, Sociology and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, olga.sgibneva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6397-6148>

Информация об авторах

Елена Михайловна Мирошникова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Петербургское шоссе, 10, 196605 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, miroshnikovaem@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3612-3016>

Ольга Ивановна Сгибнева, доктор философских наук, профессор кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, olga.sgibneva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6397-6148>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.15>

UDC 101.8.165.12

LBC 87.256.635

Submitted: 22.01.2026

Accepted: 29.05.2026

INTUITION AND MECHANISMS OF ITS KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF MODERN CYBERNETICS AND THE THEORY OF COMPLEX SYSTEMS

Liliya R. Danakari

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Richard A. Danakari

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article presents the fundamental foundations and specific characteristics of intuition, as well as the mechanisms for its comprehension, particularly within the framework of cybernetics and complex systems theory. Today, intuition is understood in science as a multi-level and complex phenomenon, the process of cognition of which includes both rational and irrational components. The authors convincingly argue that intuition has its own structure and a certain logic; it can be considered within the framework of nonlinear dynamics as a self-organizing system with feedback and multiple mechanisms. The analysis shows that intuitive knowledge arises where research encounters high rates of change not only in the environment but also in its component parts, incomplete empirical data, and a lack of resources. As is well known, the concept of “observer” is introduced within the paradigm of post-non-classical science, particularly within the context of the evolutionary-constructive model of scientific knowledge development. Now the observer is directly viewed as part of the system, and their intuitive decisions are perceived as the result of the interaction of internal cognitive structures with external information flows. As a result, it becomes possible to interpret intuition as a significant factor in cognition, capable of minimizing the tacitness and uncertainty of knowledge. Thus, intuition becomes a natural and objective regulator of the formation of new knowledge through the synthesis of heterogeneous information. Intuition and its mechanisms are well suited to the theory of complex systems. In particular, the phenomenon of self-organization, especially emergence in intuition, is a nonlinear interaction between system elements, resulting in transitions between different cognitive states and the formation of qualitatively new types of knowledge. Research demonstrates how and by what means parallels arise between human intuition and constructed models, how weak and implicit signals are recognized, and how intuitive probabilistic predictions are formed. Conclusion: Intuition is a unique phenomenon, a special adaptive mechanism for knowledge processing, essential for the successful functioning of humans and intelligent systems in the context of the nonequilibrium of the modern world and the increasing complexity of cognitive processes, encompassing both physical reality and the metaphysics of existence. This approach offers new prospects for the development of hybrid human-machine systems, where intuitive and rational mechanisms interact as complementary modes of cognition.

Key words: intuition, complex systems, cybernetics, uncertainty, emergence, self-organization, nonequilibrium, nonlinear dynamics.

Citation. Danakari L.R., Danakari R.A. Intuition and Mechanisms of Its Knowledge in the Context of Modern Cybernetics and the Theory of Complex Systems. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 151-161. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.15>

УДК 101.8.165.12

ББК 87.256.635

Дата поступления статьи: 22.01.2026

Дата принятия статьи: 29.05.2026

ИНТУИЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ПОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КИБЕРНЕТИКИ И ТЕОРИИ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ

Лилия Ричарди Данакари

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ричард Арами Данакари

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены основания и специфика интуиции, а также механизмы ее постижения, особенно в рамках кибернетики и теории сложных систем. Сегодня в науке интуиция понимается как многоуровневый и сложный феномен, процесс познания которого включает как рациональные, так и иррациональные компоненты. Авторы аргументируют, что интуиция обладает своей структурой, определенной логикой, ее можно рассматривать в рамках нелинейной динамики как самоорганизующуюся систему с обратной связью и множеством механизмов. Анализ показывает, что интуитивное знание возникает там, где исследование сталкивается с высокой интенсивностью изменения не только среды, но и ее составных частей, с неполнотой эмпирических данных, нехваткой ресурсов. Как известно, в парадигме постнеклассической науки, в частности в контексте эволюционно-конструктивной модели развития научного знания, вводится концепт «наблюдатель». Теперь наблюдатель непосредственно рассматривается как часть системы, а его интуитивные решения воспринимаются как результат взаимодействия внутренних когнитивных структур с внешними информационными потоками. В итоге появляется возможность интерпретировать интуицию как значимый фактор познания, способный минимизировать неявность и неопределенность знания. Таким образом, интуиция становится естественным и объективным регулятором формирования нового знания с помощью синтеза гетерогенной информации. Интуиция с ее механизмами прекрасно проявляет себя в рамках теории сложных систем. В частности, феномен самоорганизации, особенно эмерджентность в интуиции, – это нелинейное взаимодействие между элементами системы, в результате которого происходит переход между различными когнитивными состояниями, формируются качественно новые типы знаний. Исследования показывают, как и каким образом появляются параллели между человеческой интуицией и конструируемыми моделями, как происходит распознавание слабых и неявных сигналов, формируются интуитивно-вероятностные предсказания. Вывод: интуиция – это уникальный феномен, особый адаптивный механизм переработки знания, необходимый для успешного функционирования человека и интеллектуальных систем в условиях неравновесности современного мира и возрастания сложности процессов познания, включающих как физическую реальность, так и метафизику бытия. Такой подход предлагает новые перспективы для разработки гибридных человекомашинных систем, где интуитивные и рациональные механизмы функционируют как взаимодополняющие способы познания.

Ключевые слова: интуиция, сложные системы, кибернетика, неопределенность, эмерджентность, самоорганизация, неравновесность, нелинейная динамика.

Цитирование. Данакари Л. Р., Данакари Р. А. Интуиция и механизмы ее познания в контексте современной кибернетики и теории сложных систем // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 151–161. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.15>

Введение

В современной науке, информационном и техническом познании, огромное место занимают такие объекты исследования, которые обладают высокой степенью сложности и неопределенности. Нелинейность и неравновесность, наличие бифуркации потенциала и многообразие масштабов, способность к самоорганизации являются характерными свойствами таких систем и объектов, как природа, ее физические и биологические структуры, общество со своими сферами, информационные сети, когнитивные процессы, поведение элит и масс. В этих условиях классическая и постклассическая наука со своими аналитическими методами и принципами исследования часто оказывается не способной

понять глубинную природу многих динамично протекающих явлений и процессов. В данном случае на помощь приходит интуиция, когда принятие решений, особенно управленческого характера, требует применения рациональных и иррациональных механизмов, способных оперативно и на высоких скоростях обрабатывать огромную базу данных, информацию не всегда полную и разного характера. «Люди, имеющие более развитые и устойчивые ценностно-мировоззренческие основания, меньше доверяют трактовкам искусственного интеллекта, рассматривая их как информацию, требующую дополнительного осмысления уже с “человеческой” точки зрения» [Емельяненко 2025, 523].

С эпохи Античности интуиция имеет долгую и сложную историю исследования. Не-

смотря на многочисленные труды, исследования философов, психологов, системная природа и сущность интуитивного знания все еще остается недостаточно изученной, нераскрытой [Платон 1968; Декарт 1989; Спиноза 1957; Лейбниц 1983; Кант 1994; Асмус 1998; Пиаже 2004; Майерс 2012].

Многие философы обращали особое внимание на сложную природу и противоречивую сущность интуиции. Отсюда не случайно возникли разные интерпретации феномена и самого определения понятия «интуиция» в истории философии. Например, в своей философии объективного идеализма интуицию Платон рассматривает как созерцание идей, непосредственное знание, специфический вид инсайта, полученный, правда, после длительной и активной работы ума [Платон 1968, 410]. Почти аналогичной позиции придерживается и французский философ Рене Декарт. Для него интуиция – реальный и значимый «помощник» в открытии истины. Для него здесь наиболее очевидна роль разума в постижении истины; она открывается разуму прямо, без промежуточных звеньев в процессе познания и использования логических определений [Декарт 1989, 260]. Для И. Канта интуиция – это непосредственное и первичное понятие с целью осознания сущности. Философ различал эмпирическую интуицию, одновременно подчеркивал особенности универсалий как чистой интуиции [Кант 1994, 103]. Отметим, что ученые и философы существенными признаками интуиции признавали результативность полученного знания, хотя и не до конца осознавали механизмы его происхождения.

В связи с вышеперечисленными определениями особый интерес для нашего исследования представляет позиция Рене Декарта. Он признает высокую миссию интуиции как синтетического когнитивного процесса, в котором осуществляется интеллектуальная интеграция знания. Декарт неоднократно подчеркивает, что интуиция глубоко рациональна, потому что озарение – инсайт – невозможно без единства созерцательно-мыслительного действия. Философ писал: «Под интуицией я подразумеваю не зыбкое свидетельство чувств и не обманчивое суждение неправильно слагающего воображения, а понимание ясного и внимательного ума, настолько легкое и отчетливое, что

не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем, или, что то же самое, несомненное понимание ясного и внимательного ума, которое порождается одним лишь светом разума и является более простым, а значит, и более достоверным, чем сама дедукция» [Декарт 1989, 84].

Словом, для Рене Декарта, без сомнения, интуиция – логический процесс, где со всей очевидностью присутствуют предельно ясные, исходные положения. Еще один момент. По его мнению, интуитивное и дискурсивное как виды знания не противоположны по своей сущности, в когнитивном процессе они с неизбежностью подразумевают друг друга. Чувственный опыт и мыслительная деятельность позволяют врожденным идеям актуализироваться и стать объективной основой для интерпретации функций интуиции в процессе познания, как считает французский философ Нового времени. Интуиция осуществляет осознание полученных знаний с помощью врожденных идей, свидетельствует об их истинности... [Декарт 1989, 260].

До сих пор философы и психологи рассматривают интуицию как творческий процесс, а достижение озарения, «инсайт», – как загадочный феномен. В этой связи А.Л. Литвинова пишет: «Озаренная светом разума, интуиция предстает в виде выжидательной установки, созерцания и всматривания, причем всегда только последующий результат может установить, сколько было “всмотрено” в объект и сколько в нем действительно было заложено» [Литвинова 2002, 139].

Наступившая эпоха постмодерна совершила качественный поворот к иррационализму, однако радикальных достижений в процессе познания, в том числе и интуиции, не произошло в исследованиях. Интуиция по-прежнему осталась неосознаваемым когнитивным процессом, где немало загадок для логического анализа. Новые теоретические основания для интуиции и анализа ее механизмов предлагает современная кибернетика. Сама кибернетика, как наука о системах управления, помогает сохранить не только все предшествующее наследие в сфере интуиции, но и обеспечивает развитие идеи самоорганизации, включенности наблюдателя в когнитивный процесс. Как уже отмечали, в теории слож-

ных систем интуиция рассматривается как сложный феномен, когнитивная структура высокого порядка, обладающая эмерджентным свойством. Она способна не только к быстрому переходу между различными режимами обработки информации, но и в результате взаимодействия между неявным и явным знанием обеспечить синтез, то есть дать качественное новое знание.

Актуальность нашего исследования заключается в признании и утверждении значимости интеграции всех методов и подходов для формирования целостной концепции интуитивного познания. Сегодня интуиция, как никогда, способна сыграть значительную роль в процессе дальнейшего познания человеком объективного мира и метафизической реальности. Она необходима в научном поиске и творчестве, принятии и реализации управленческих решений, ускорении исследований по дальнейшему постижению природы и сущности рационального и иррационального, разработке технологий, связанных с цифровизацией и искусственным интеллектом. «Системы искусственного интеллекта могут быть полезны в образовании. Они могут вновь и вновь отвечать на вопросы школьников и студентов, “придумывать” новые задачи, имитировать объекты и системы, которые мы хотим изучить» [Малинецкий 2023, 7].

Методология исследования

Современность актуализирует необходимость применения таких методик исследования, которые объективно детерминируют значимость интеграции междисциплинарных подходов, что позволяет формализовать интуитивные процессы в рамках кибернетики и теории сложных систем. Поэтому важной целью исследования интуиции и ее механизмов становится востребованность применения междисциплинарной методологии, позволяющей в рамках кибернетики и теории сложных систем поновому осуществить синтез неоднозначных рациональных и иррациональных знаний.

В познавательном процессе в этой связи актуальным становится использование различных методологических подходов. В их числе:

1. Системно-структурный анализ, в результате которого применяются сенсорные

входы, процедуры фильтрации, механизмы интеграции информации, а также такие паттерны памяти, как повторение, ассоциации, запоминания, а также схемы предвидения. Все это позволяет выделить элементы, способствующие интуитивному «озарению», получению результатов. Таким образом, системно-структурный анализ подтверждает, что интуиция – это разветвленная и целостная сеть взаимосвязанных познавательных модулей, работающих параллельно и без жесткого контроля и централизации.

2. Кибернетическое моделирование второго порядка. В центре такого моделирования оказывается исследование неравновесных, нелинейных динамических систем, цель которого – управление происходящими в них сложными и неоднозначными процессами. «В строгом смысле слова система – это целостное образование, обладающее новыми качественными характеристиками, не содержащимися в образующих его компонентах» [Афанасьев 1981, 18]. В данной системе особое внимание обращено **на роль наблюдателя**, который рассматривается как специфическая кибернетическая система [Степин 2000, 634]. Применение принципов включенного наблюдателя позволяет изучать интуицию как процесс, зависящий от наблюдателя, его деятельности, мировоззрения, предпочтений и ценностей. «Если, скажем, мы заняли место наблюдателя на некой срединной структуре, на некотором среднем иерархическом уровне, то структуры с более низким максимумом интенсивности процессов – это структуры из прошлого, а структуры с более высоким максимумом – это структуры из будущего» [Князева, Курдюмов 2011, 29].

В результате используются следующие элементы: во-первых, контуры как быстрой, так и медленной обратной связи; во-вторых, непрерывная коррекция механизмов внутренней модели; в-третьих, дается оценка возможностей собственных когнитивных ограничений; в-четвертых, постоянно осуществляется процесс формирования оперативных стратегий реагирования. Все это дает возможность моделировать интуитивные решения как результат саморегуляции системы, что способствует значительной минимизации неопределенности.

3. Методы синергетики и нелинейного анализа. Они используются для выяв-

ления пороговых эффектов, аттракторов, режимов кооперации когнитивных процессов. В результате применяются фазовые диаграммы, позволяющие провести анализ устойчивости, исследовать переходы между состояниями «локальной детализации» и «глобального обобщения». Все эти процессы позволяют описать интуицию как переход системы через порог резонансного усиления слабых сигналов.

4. Сравнительный анализ вычислительных аналогов. Для уточнения механизмов интуиции сопоставляются: во-первых, многослойные нейросети, ведущие к постижению глубинных представлений; во-вторых, алгоритмы распознавания паттернов на шумных данных; в-третьих, байесовские сети вероятностного вывода; в-четвертых, методы кластеризации без учителя, когда алгоритмы самостоятельно, с целью поиска связей и закономерности, находят скрытые структуры в данных, не зная заранее, что искать. Основная цель заключается в необходимости выявить структурные сходства между нашими познавательными процессами и алгоритмическими системами адаптивного обобщения.

5. Метод концептуального моделирования. Такой метод применяется при построении интегративной модели интуиции, включающей распределенную память, многомасштабное кодирование опыта, вероятностные предсказания и фильтрацию неявных данных. Подобная модель позволяет связать микроуровень когнитивной динамики, ее нейронные взаимодействия и активационные паттерны с макроуровнем, в результате которого принимаются интуитивные решения и даются оценки.

Основная часть

Как отмечали, цель нашей статьи – это выявить с позиций кибернетики второго порядка, теории самоорганизации и нелинейной динамики основные теоретические положения и механизмы, лежащие в основе интуитивного познания. Наше исследование позволило получить новые содержательные и конкретные результаты для дальнейшего постижения интуиции в рамках постнеклассической науки. В условиях постмодерна интуицию следует рассматривать как системное свойство наблюдателя. Для кибернетики второго поряд-

ка наблюдатель – один из важных элементов системы, влияющий на ее состояние и одновременно дающий ее описание. Как отмечает Дж. Карери, «...порядок можно отождествить с существованием общих, однотипных отношений в широком классе объектов и явлений» [Карери 1985, 212].

Вывод: интуиция – это не просто продукт внутреннего переживания субъекта, а результат взаимодействия внутренних когнитивных моделей, особого потока входящих сигналов, включающих как процессы обратной связи, так и механизмы адаптации и непрерывных изменений.

Таким образом, интуитивное «озарение» возникает как функциональное следствие системной включенности человека в определенную динамическую реальность, в результате рациональное и иррациональное представляются единым механизмом целостного когнитивного процесса. На практике известно немало случаев наблюдения интуитивных озарений, связанных с научной работой известных ученых и философов, общественной деятельностью политиков. В частности, немецкий физиолог Г. Гельмгольц так писал о своих наитиях-прозрениях: «...счастливые наития нередко вторгаются в голову так тихо, что не сразу заметишь их значение; иной раз только случайность укажет впоследствии, когда и при каких обстоятельствах они приходили; а не то – мысль в голове, а откуда она – не знаешь сам. Но в других случаях мысль осеняет вас внезапно, без усилия, как вдохновение. Насколько могу судить по личному опыту, она никогда не рождается в усталом мозгу и никогда за письменным столом» [Гельмгольц 1892, 22–23].

Следует согласиться с точкой зрения ученого: признать неразрывную целостность когнитивного процесса, неразрывное единство механизмов его функционирования. Отсюда – важность устранения существующего уже несколько столетий радикального противопоставления рационального и иррационального, сознания и подсознания, особенно всего того, что касается интуиции. Смело можно утверждать, что и в кибернетике второго порядка, при принципе включенности наблюдателя, рациональное и иррациональное, несмотря на разные режимы работы, являются механизмами одной и той же когнитивной системы.

Обратим внимание еще на одну особенность постмодернистского понимания интуиции. В рамках теории сложных систем интуиция воспринимается как эмерджентный феномен. Эмерджентность проявляется при взаимодействии множественных микропроцессов: восприятия, памяти, ассоциаций и предсказаний. В итоге интуитивное суждение – это не сумма простых операций или линейной последовательности рассуждений, а синтез, результат качественно нового. Эмерджентный характер интуиции заключается в том, что она, во-первых, способствует возникновению новых смысловых структур без прямого логического перехода; во-вторых, обеспечивает системе возможность «перепрыгивать» через промежуточные и сложные шаги анализа; в-третьих, формирует выводы при наличии даже недостаточно полного объема информации, отсутствии явного знания; в-четвертых, часто обеспечивает совпадение результатов интуитивных оценок с объективной реальностью. Такой подход раскрывает интуицию как результат самоорганизации когнитивных модулей.

Следует также подчеркнуть, что когнитивная динамика не линейна, что весьма актуально для интуиции. Процессы, ведущие к интуитивным выводам, конкретным решениям, обладают значительной, часто ярко выраженной нелинейностью. Малые флуктуации сигналов или частичное совпадение опыта (паттернов) могут приводить к резкому переключению всей системы в новый режим понимания. Это аналогично бифуркационным переходам в нелинейных структурах или резонансным эффектам в динамических системах.

При приеме интуитивных решений нелинейность проявляется в различных формах. В первом случае она усиливает совпадающие признаки, если те даже не очень сильные. В другой ситуации образование нового смысла, так называемое интуитивное «озарение», возникает не постепенно, а внезапно, что свидетельствует о «достижении» в когнитивной системе внутреннего порога согласованности или гармонизации.

Как известно, наша когнитивная система содержит опыт в виде образцов, шаблонов, схем, матриц, парадигм. Их следует считать паттернами разного уровня и сложности. Они могут иметь универсальное, концеп-

туальное или локальное, весьма ограниченное применение. Интуиция возникает, когда эти уровни активируются одновременно, формируя согласованное предсказательное состояние. На каком-то этапе наше сознание обобщает, интегрирует этот опыт, так называемые «проблески», «отдаленные» связи и отношения, в результате чего появляются структурные аналогии между разными ситуациями, что ведет к ускорению и принятию решений. Словом, процесс интуитивного познания опирается на глубокое и многослойное представление опыта, включающее в неразрывном единстве рациональное и иррациональное.

В сложном когнитивном процессе постижения истины значительную часть данных часто составляет противоречивая, неструктурированная информация в виде определенных сигналов. С помощью интуиции и благодаря таким ее механизмам, как корреляционный отбор и компрессия через обобщение, происходит, во-первых, исключение подробностей и незначительных деталей и, во-вторых, обобщение конкретных, единых явлений. В условиях неопределенности все эти процедуры позволяют формировать точные выводы, что является преимуществом интуитивного познания.

Рассматривая нейронные сетевые модели, заметим, что компьютерные алгоритмы созданы по аналогии с работой человеческого мозга, они умело копируют его функцию. Искусственные нейроны почти таким же образом связаны между собой, могут передавать сигналы, распознавать паттерны в данных, а затем использовать это знание для выполнения разных задач, включающих перевод или генерацию текста, создание изображений. «Работа интуиции похожа на работу компьютера, однако, различие с компьютерным циклом очевидное: исходные данные и результаты работы интуиции заданы таблично, “закономерная операция”, вообще говоря, не единственная, как это в программе, отвечающей компьютерной логике, а множество всех, отвечающих “возможностям, заложенным” в исходных данных. Так в интуитивном процессе получаются новые знания, которые сохраняются в базе знаний интеллектуальной системы управления» [Воробьев, Дмитренко 2016, 68].

Современные нейросетевые модели убедительно подтверждают многие положения

теории интуиции. Сегодня нейросети распознают скрытые паттерны так же, как человек ощущает «структуру» ситуации. Как уже отмечали, методы обучения без учителя, то есть принципы автономного машинного обучения, аналогичны деятельности ученого, создающего интуитивные категории. Однако в отличие от обучения с учителем здесь нет заранее заданных категорий; алгоритмы работают с неразмеченными данными и самостоятельно выявляют их внутренние закономерности.

Теория вероятностей достаточно результативно функционирует при моделировании отношений между переменными, для вычисления обновленных вероятностей, правда, на основе определенных наблюдаемых данных. В частности, это теорема Томаса Байеса – британского математика, статистика и, как ни удивительно, пресвитерианского священника, внесшего свой вклад в развитие теории вероятностей. Известно, что через несколько столетий в честь Т. Байеса была названа одна из основных теорем элементарной теории вероятностей. Словом, при интуитивном познании байесовская сеть как полная модель для переменных и их отношений прекрасно проявляет себя. Она может быть использована для того, чтобы давать ответы на вероятностные вопросы. Оказалось, что байесовские сети так же хорошо воспроизводят вероятностную природу интуитивных предсказаний. «Одним из ключевых преимуществ байесовского подхода является использование любой начальной (априорной) информации относительно параметров модели. Такая информация выражается в виде априорной вероятности или функции плотности вероятности. Затем начальные вероятности “пересматриваются” с помощью выборочных данных, которые находят свое отображение в виде апостериорного распределения оценок параметров или переменных модели» [Звягин web, 261].

При постижении интуиции плодотворно использование ансамблевых моделей машинного обучения. В отличие от отдельных моделей, они позволяют объединить несколько базовых моделей для получения более точных и надежных предсказаний. Основная их ценность заключается в том, что ансамблевые модели объясняют согласование множества слабых сигналов, компенсируют ошибки

одной модели за счет других. Вывод: интуиция является структурно объяснимым и вычислительным феноменом.

Результаты исследования

Исследование интуиции, ее оснований, механизмов постижения и специфики в рамках кибернетики и теории сложных систем привело нас к ряду значимых результатов теоретического характера.

1. Уточнены механизмы интуитивного познания с помощью байесовских сетей, кибернетики второго порядка. В результате выявлена и обозначена роль наблюдателя в неоднозначно сложных и нелинейных средах. Дана аргументация: интуиция имеет многоуровневую нелинейную структуру, свою логику построения. В рамках нелинейной динамики интуицию следует представить как самоорганизующуюся систему с обратной связью и множеством механизмов.

2. Выявлена многоуровневая структура интуитивного процесса. Интуиция функционирует как определенная иерархическая система, в которой сенсорные и ассоциативные паттерны низкого уровня интегрируются с предсказательными моделями высокого уровня. Переход между уровнями осуществляется без пошагового анализа, через динамическое усиление разных коррелирующих сигналов. Все это позволяет достаточно оперативно формировать оценку ситуации.

3. Установлен механизм нелинейной компрессии информации. В зависимости от подхода под нелинейной компрессией информации понимают непосредственное постижение истины без рационального обоснования, способность воспринимать логические цепочки взаимосвязанной информации с помощью методов сжатия данных. Интуитивная система не обрабатывает данные последовательно, а использует особый алгоритм, включающий многомерное снижение размерности; остаются при этом только те признаки, которые лежат на траектории наиболее вероятного сценария. Это объясняет способность интуиции эффективно работать в условиях достаточно избыточного объема данных.

4. Показана роль резонансной чувствительности к слабым сигналам. Инту-

итивная система формирует решения на основе корреляций малой интенсивности, которые логическая система обычно игнорирует. Однако при наличии совпадающих паттернов, даже низкого уровня, происходит синхронизация когнитивных модулей. В процессе интуитивного «озарения» когнитивный резонанс кардинально повышает объективность результата, точность оценки.

5. Уточнена связь интуиции с синергетикой, «порядком из хаоса», самоорганизацией в когнитивной системе. «Фундаментальная наука возникла не из хаоса и философии постмодерна, а строилась на ньютонокартезианской парадигме субъект-объектного отношения, но в данный момент возникает впечатление, что хаос – это «наше все» [Любарец 2018, 101]. Илья Пригожин открыл новые эффекты, которые отражены в названии книги «Порядок из хаоса» [Пригожин, Стенгерс 1986, 432]. Интуитивное «озарение», решения возникают в те моменты, когда динамическая система достигает внутреннего структурного порядка. Из множества конкурирующих маленьких «озарений» выделяется доминирующий паттерн, формируется стратегия. Это аналог перехода системы в устойчивый аттрактор, который соответствует наиболее вероятной интерпретации ситуации.

6. Обоснована аналогия с вычислительными архитектурами машинного обучения. Исследование показало прямые и структурные параллели между механизмами интуиции и методами машинного обучения. В результате анализа было выявлено, что нейросети формируют обобщения, аналогичные человеческой интуиции, без явных и обозначенных правил.

Оказалось, что при обучении без учителя, то есть машинном обучении, алгоритм самостоятельно ищет структуру и закономерности в неразмеченных данных; сама кластеризация без учителя объясняет внезапное «узнавание» ситуации. Вывод: вероятностные модели помогают описать оценку неявных причинно-следственных связей. Эти аналогии демонстрируют возможность формализации интуиции и внедрения в человекомашинные системы.

7. Установлено, что интуиция повышает устойчивость когнитивной системы

и возможности принятия решений, особенно на практике. При резком росте неопределенности, а часто и сложности логические модели самостоятельно перезагружаются. Используя накопленный опыт, интуиция позволяет переключить систему в режим эффективности, реального прогнозирования и результативности. Однако следует обратить внимание на роль и место использования интуиции управленцами разного уровня. Это касается современных условий, когда многие системы находятся в состоянии неравновесности и турбулентности, когда решения необходимо принимать в кризисной ситуации, условиях ограниченного времени [Eisenberg 1984]. Сложно согласиться с мнением некоторых западных ученых, рассматривающих интуицию как определенный источник ошибок при принятии решений, особенно в условиях, когда недостаточно объективен анализ ситуации [Ross 1997, Дернер 1997].

Как уже отмечали, интуиция востребована и значима в критических ситуациях, когда необходимо быстрое принятие решений и их оперативная реализация. Однако в практической деятельности, в процессе принятия решений, не всегда можно целиком полагаться на знания, полученные только с помощью интуиции. Известно, что существуют разные мнения, предпосылки, параметры определения объективности, условия постижения повседневности, возможности использования интуиции при принятии и реализации решений. Не секрет, что применение интуиции при принятии решений предполагает неординарные подходы, ведь часто их результат предположителен, но не аргументирован, не обладает пока весомыми доказательствами.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что в современный период, эпоху господства постмодерна и авторитета постнеклассической философии, популярности разных психологий, возрос в определенной степени интерес к проблеме познания, особенно постижению иррационального, что во многом связано с кризисом науки и распространением антисциентистских направлений. В разные исторические периоды развития философии достаточно

неоднозначным было отношение к феномену интуиции. В условиях современности характерными свойствами физических объектов и структур, социальных систем со своими сферами, информационными потоками и сетями стали нелинейность и неравновесность, наличие бифуркации и многообразие масштабов.

Классическая методология с присущими ей аналитическими подходами и принципами исследования оказалась не способной понять глубинную природу многих динамично протекающих физических и социальных явлений, когнитивных процессов. Вновь востребованной оказалась интуиция, когда принятие решений, особенно управленческого характера, требует применения рациональных и иррациональных механизмов, способных оперативно и на высоких скоростях обрабатывать огромную базу данных, информацию не всегда полную и разного характера.

Плюрализм мнений и подходов в постижении гетерогенной повседневности, системный характер накопленной информации, междисциплинарная методология современности актуализируют возможность интегрировать в когнитивном процессе теоретическое и эмпирическое знание, рациональное и иррациональное, определить познавательные возможности, роль и специфику интуиции. Полипарадигмальный подход и возможности многозначной интерпретации реальности позволяют понять интуицию как философско-психологический феномен, востребованный в связи с необходимостью постижения как рационально-логических проблем, так и иррациональных процессов. Словом, взглянуть на нее, с одной стороны, с позиций наблюдателя, то есть всесторонне, а с другой – «изнутри», определяя многоаспектность и специфику процесса познания, пространство и вектор ее возможностей.

В Новое время, в период развития классической науки и философии, появилась неограниченная вера в человека и его разум, возможность господства над природой. Одновременно значительно увеличилась способность индивида к когнитивному процессу, все большее распространение стали получать теоретические и эмпирические методы научного познания природы, общества, человека и его мышления. Однако XX в., особенно вторая его половина и начало нового столетия, глобаль-

ные проблемы современности, системные кризисы социума, особенно его социально-экономической и культурно-нравственной сфер, показали, что классическая рациональность, логика и непрерывная динамика науки недостаточны для адекватного постижения объективного мира, особенно человека и его сознания. В центре внимания философии и реальной повседневности оказались вненаучное и ненаучное знание, когнитивные процессы, связанные с интуитивным познанием, формированием новых представлений об окружающей действительности. В статье интуиция была аргументирована как неразрывное единство всех уровней и типов знания.

Интуиция в теории сложных систем и кибернетике второго порядка воспринимается как нелинейная и неравновесная система, где решающую роль играет наблюдатель со своими субъективными предпочтениями и ценностными установками. Интуитивное познание – когнитивный творческий процесс, связанный с выходом за пределы и логического, и иррационального, теоретического опыта и эмпирических данных.

Развитие постнеклассической науки детерминируется огромным потенциалом возможностей, оно характеризуется нелинейной динамикой, движением от рационализма и его логических интенций к интуитивным инсайтам, новым достижениям. Когнитивный процесс креативен, результаты часто зависят от учебного, применения им всего многообразия рациональных и иррациональных подходов, нелинейных решений.

Интуитивное познание – это результат рационального и иррационального, чувственного, созерцания и мыслительного процесса, опосредованного и непосредственного восприятия. Интуиция выявляет те объекты, которые ранее не присутствовали в опыте, их развертывание происходит в результате скачка, когда осуществляется процесс перехода от образов к понятиям и наоборот, когда появляется новое знание, неочевидное и неизвестное ранее.

Интуитивные механизмы познания представляют собой многоуровневый и вероятностный процесс, способный к интеграции прошлого опыта и локальных впечатлений, воспроизводству сложных и скрытых

структур. В рамках кибернетики второго порядка интуиция выступает регулятором когнитивной стабильности и средством оптимизации процессов принятия решений. В теории нелинейных систем она проявляет себя в качестве самоорганизующейся структуры,

обладает как свойствами эмерджентности, так и нелинейными переходами, способностью к быстрому синтезу информации. Все эти качества превращают интуицию в фундаментальный и необходимый компонент человеческого познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асмус 1998 – *Асмус В.Ф.* Античная философия. М.: Высш. шк., 1998.
- Афанасьев 1981 – *Афанасьев В.Г.* Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981.
- Воробьев, Дмитренко 2016 – *Воробьев Г.Г., Дмитренко Л.Г.* Кибернетизация функций чувствования и интуиции для интеллектуальной управляющей системы // Открытое образование. 2016. Т. 20, № 6. С. 65–69.
- Гельмгольц 1892 – *Гельмгольц Г.Ф.* Публичные лекции, читанные в имперском Московском университете в пользу Гельмгольцовского фонда. М.: Имп. Моск. ун-т, 1892.
- Декарт 1989 – *Декарт Р.* Рассуждение о методе // Декарт Р. Сочинение. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
- Дернер 1997 – *Дернер Д.* Логика неудачи. М.: Смысл, 1997.
- Емельяненко 2025 – *Емельяненко В.Д.* Влияние искусственного интеллекта на когнитивную сферу человека в контексте ценностно-мировоззренческого анализа // Манускрипт. 2025. Т. 18, вып. 2. С. 519–527.
- Звягин web – *Звягин Л.С.* Применение байесовского подхода в измерениях аналитических данных как фактор формирования процессов системного экономического развития [Молодой ученый. 2017. № 22 (156). С. 261–266] // <https://moluch.ru/archive/156/44114>
- Кант 1994 – *Кант И.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М.: ЧОРО, 1994.
- Карери 1985 – *Карери Дж.* Порядок и беспорядок в структуре материи. М.: Мир, 1985.
- Князева, Курдюмов 2011 – *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2011.
- Лейбниц 1983 – *Лейбниц Г.* Сочинение. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983.
- Литвинова 2002 – *Литвинова А.Л.* Роль интуиции в научном познании // Караваев Э.Ф., Разеев Д.Н. (ред.). Философия о предмете и субъекте научного познания. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2002. С. 135–150.
- Любарец 2018 – *Любарец А.В.* Дискурс порядка из хаоса в научном теоретизировании как спорный манифест теорий хаоса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10 (81). Ч. II. С. 99–103.
- Майерс 2012 – *Майерс Д.Дж.* Интуиция. Возможности и опасности. СПб.: Питер, 2012.
- Малинецкий 2023 – *Малинецкий Г.Г.* Новая реальность, самоорганизация, искусственный интеллект // Искусственный интеллект: теория и практика. 2023. № 1 (1). С. 3–8.
- Пиаже 2004 – *Пиаже Ж.* Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004.
- Платон 1968 – *Платон.* Сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1968.
- Пригожин, Стенгерс 1986 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
- Спиноза 1957 – *Спиноза Б.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
- Степин 2000 – *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Eisenberg 1984 – *Eisenberg D.J.* How Senior Managers Think // Harvard Business Review. 1984. № 62. P. 80–90.
- Ross 1997 – *Ross L.* The Intuitive Psychologist and His Shortcomings // Advances in Experimental Social Psychology. 1997. Vol. 10. P. 173–220.

REFERENCES

- Asmus V.F., 1998. *Ancient Philosophy*. Moscow, Vyssh. shk. Publ.
- Afanasyev V.G., 1981. *Society: Systems, Knowledge and Management*. Moscow, Politizdat Publ.

- Vorobyov G.G., Dmitrenko L.G., 2016. Cybernetisation of the Functions of Feeling and Intuition for the Intellectual Control System. *Otkrytoe obrazovanie*, vol. 20, no. 6, pp. 65-69.
- Helmholtz G.F., 1892. *Public Lectures Delivered at the Imperial Moscow University in Benefit of the Helmholtz Foundation*. Moscow, Imp. Mosc. un-t.
- Descartes R., 1989. Discourse on Method. Descartes R. *Work. In 2 Vols. Vol. 1*. Moscow, Mysl Publ.
- Derner D., 1997. *The Logic of Failure*. Moscow, Smysl Publ.
- Emelyanenko V. D., 2025. The Influence of Artificial Intelligence on the Human Cognitive Sphere. *Manuscript*, vol. 18, iss. 2, pp. 519-527.
- Zvyagin L.S., 2017. Application of a Bayesian Approach to Analytical Data Measurement as a Factor in Shaping Systemic Economic Development Processes. *Molodoj uchenyj*, no. 22, pp. 256-261. URL: <https://moluch.ru/archive/156/44114>
- Kant I., 1994. *Collected Works. In 8 Vols. Vol. 3: Critique of Pure Reason*. Moscow, ChORO Publ.
- Careri J., 1985. *Order and Disorder in the Structure of Matter*. Moscow, Mir Publ.
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P., 2011. *Synergetics: Nonlinearity of Time and Landscapes of Coevolution*. Moscow, KomKniga Publ.
- Leibniz G., 1983. *Work. In 4 Vols. Vol. 2*. Moscow, Mysl Publ.
- Litvinova A.L., 2002. The Role of Intuition in Scientific Cognition. *Philosophy on the Subject and Subject of Scientific Cognition*. Saint Petersburg, S-Petersb. philos. o-vo, pp. 135-150.
- Lyubarets A.V., 2015. The Discourse of Order from Chaos in Scientific Theorizing as a Controversial Order Manifesto of Chaos Theories. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 10 (81), pt. II, pp. 99-103.
- Mayers D. J., 2012. *Intuition: Opportunities and Dangers*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- Malinetsky G., 2023. A New Reality, Self-Organization, Artificial Intelligence. *Iskusstvenny intellekt: teoriya i praktika*, no. 1 (1), pp. 3-8.
- Piaget J., 2004. *Psychology of Intelligence*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- Plato, 1968. *Works. In 3 Vols. Vol. 1*. Moscow, Mysl Publ.
- Prigogine I., Stengers I., 1986. *Order from Chaos*. Moscow, Progress Publ.
- Spinoza B., 1957. *Selected Works. In 2 Vols. Vol. 1*. Moscow, Gospolitizdat Publ.
- Stepin V.S., 2000. *Theoretical Knowledge*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ.
- Eisenberg 1984. How Senior Managers Think. *Harvard Business Review*, no. 62, pp. 80-90.
- Ross 1997. The Intuitive Psychologist and His Shortcomings. *Advances in Experimental Social Psychology*, vol. 10, pp. 173-220.

Information About the Authors

Liliya R. Danakari, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, danakari@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8923-9303>

Richard A. Danakari, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Law and Social and Humanitarian Sciences, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation, rdanakari@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5683-5275>

Информация об авторах

Лилия Ричарди Данакари, кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, danakari@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8923-9303>

Ричард Арами Данакари, доктор философских наук, профессор кафедры права и социально-гуманитарных дисциплин, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, rdanakari@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5683-5275>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре. Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания. В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Журнал «Logos et Praxis» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным отраслям: «Социологические науки» (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, 5.4.7. Социология управления); «Философские науки» (5.7.1. Онтология и теория познания, 5.7.2. История философии, 5.7.7. Социальная и политическая философия, 5.7.8. Философская антропология, философия культуры).

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the fields of human, social and cultural sciences.

The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the basis of peer review system.

The journal is included into “The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses” in the following scientific branches: “Sociological Sciences” (5.4.4. Social structure, social institutions, and processes; 5.4.7. Sociology management); “Philosophical Sciences” (5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture).

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis». Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см: <https://psst.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS OF PUBLICATION IN *LOGOS ET PRAXIS*

1. The editorial staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-9715

02>

9 772587 971264